

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ ТОМ 2 2017 NO 3

*К*РЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2017
ТОМ 2 NO 3

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2017

ТОМ 2 № 3

Издается с 2016 года

Выходит 4 раза в год

ISSN 2500-1809

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
Центр аграрных исследований

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-65824
от 27.05.2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. М. Никулин, главный редактор, РАНХиГС
И. А. Кузнецов, РАНХиГС
А. А. Куракин, НИУ ВШЭ, РАНХиГС
М. Г. Пугачева, ответственный секретарь, Интерцентр, НИУ ВШЭ
И. В. Троцук, заместитель главного редактора, РУДН, РАНХиГС

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Т. Шанин, Манчестерский университет (Великобритания) председатель
А. И. Алексеев, МГУ им. М. В. Ломоносова
В. В. Бабашкин, РАНХиГС
С. М. Боррас Дж., Институт социальных исследований (Нидерланды)
К. Бруиш, Дублинский университет (Ирландия)
С. Вегрен, Южно-Методистский университет (США)
В. Г. Виноградский, Саратовский социально-экономический институт РЭУ им. Г. В. Плеханова
О. Виссер, Институт социальных исследований (Нидерланды)
А. В. Гордон, ИНИОН РАН
В. А. Ильиных, Институт истории СО РАН
В. В. Кондрашин, Институт российской истории РАН
Э. Н. Крылатых, РАНХиГС
С. Ленц, Институт социальной географии (Германия)
П. Линднер, Франкфуртский университет (Германия)
В. А. Мау, РАНХиГС
Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)
Т. Г. Нефедова, Институт географии РАН
Р. М. Нуреев, НИУ ВШЭ
А. В. Петриков, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики им. А. А. Никонова
Дж. А. Пизано, Нью-Йоркский университет (США)
Е. Потехина, Варминьско-Мазурский университет (Польша)
Дж. Пэллот, Оксфордский университет (Великобритания)
Дж. С. Скотт, Йельский университет (США)
В. Я. Узун, РАНХиГС
О. П. Фадеева, ИЭОПП СО РАН
Цзин Цон Е, Пекинский аграрный университет (КНР)
Н. И. Шагайда, РАНХиГС
С. Шнайдер, Университет Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия)

АДРЕС РЕДАКЦИИ

119571, Москва, проспект Вернадского, 84, корпус 9, офис 2003
Телефон: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

УЧРЕДИТЕЛЬ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

КОРРЕКТОР Ю. В. Гуськова; дизайн: Издательский дом «Дело», РАНХиГС
В оформлении издания использованы гарнитура Old Standard, А. Крюков;
картина «Мальчик — продавец дров», Нико Пиросмани (масло, клеенка.
Государственный музей искусств Грузии).

© Авторы статей, 2017

© РАНХиГС, 2017

Содержание

Теория

- Плуг ван дер Я. Д.* Роль чайновских идей в современном крестьяноведении и в искусстве сельского хозяйства. 6
- Rodoman B.* Ecological specialization as a desirable future for Russia 28

Интервью с исследователем

- Крылатых Э. Н., Никулин А. М.* «Я благодарю судьбу за то, что она толкнула меня на путь аграрной проблематики». 44

История

- Савинова Т. А.* Организационно-производственная школа в 1917 году 57
- Кедров Н. Г.* Юрий Александрович Мошков в контексте историографии коллективизации. 76

Современность

- Жиджевич Н. Н.* Современные отходники севера и юга европейской части России. 97
- Кисель Р., Маркс-Бельска Р.* Трансформации в польском сельском хозяйстве 108
- Россия, Польша, Китай — пути постсоциалистического сельского развития. Круглый стол 120

Рецензии

- Бабашкин В. В.* Крестьянин как романтик 152
- Троцук И. В.* Путеводитель по постсоветской аграрной реформе в России: объективное и субъективное измерение сельской жизни 162

Научная жизнь

- Иванов А. Г., Иванов А. А.* История крестьянства и сельского хозяйства России в материалах конференций историков-аграрников Среднего Поволжья (1976–2016) 191
- Троцук И. В.* Оценка или действие? Безальтернативный выбор для аграрных исследований 200

Russian peasant studies

Vol. 2. 2017. No 3

Published since 2016, frequency—four issues per year

EDITORIAL BOARD

A. M. Nikulin, Editor in Chief, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
I. A. Kuznetsov, RANEPA
A. A. Kurakin, Higher School of Economics (HSE), RANEPA
M. G. Pugacheva, Executive Secretary, Intercenter, HSE
I. V. Trotsuk, Deputy Editor, Peoples' Friendship University of Russia, RANEPA

ADVISORY BOARD

T. Shanin, University of Manchester (UK) (chairman)
A. I. Alekseev, Moscow State University
V. V. Babashkin, RANEPA
S. M. Borrás Jr., Institute of Social Studies (Netherlands)
K. Bruisch, University of Dublin (Ireland)
S. Wegren, Southern Methodist University (USA)
V. G. Vinogradsky, Saratov Social-Economic Institute of Plekhanov Russian University of Economics
O. Visser, Institute of Social Studies (Netherlands)
A. V. Gordon, Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian Academy of Sciences
V. A. Il'inykh, Institute of History of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
V. V. Kondrashin, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
E. N. Krylatykh, RANEPA
S. Lentz, Institute of Social Geography (Germany)
P. Lindner, University of Frankfurt (Germany)
V. A. Mau, RANEPA
S. Merl, University of Bielefeld (Germany)
T. G. Nefedova, Institute of Geography of Russian Academy of Sciences
R. M. Nureev, HSE
A. V. Petrikov, Alexander A. Nikonov Russian Institute for Agrarian Issues and Information Science
J. A. Pisano, New York University (USA)
E. Potekhina, University Warmia and Mazury (Poland)
J. Pallot, University of Oxford (UK)
J. C. Scott, Yale University (USA)
V. Ya. Uzun, RANEPA
O. P. Fadeeva, Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Jingzhong Ye, Beijing Agricultural University (China)
N. I. Shagaida, RANEPA
S. Schneider, University of Rio Grande do Sul (Brazil)

CONTACT DETAILS

Mailing address: Office 2003, 84 Vernadskogo prosp., 119571, Moscow, Russian Federation.
Phone: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

FOUNDER

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

TABLE OF CONTENTS

THEORY

- van der Ploeg J. D.* The role of Chayanovian ideas in Peasant Studies,
and in the art of farming 6
Rodoman B. Ecological specialization as a desirable future
for Russia 28

INTERVIEWS

- Krylatykh E., Nikulin A.* “I am grateful to fate for pushing
me on the path of agrarian studies” 44

HISTORY

- Savinova T.* The organization-production school in 1917 57
Kedrov N. Yury Moshkov in the historiography of collectivization. 76

THE PRESENT TIME

- Zhidkevich N.* Today’s migrant workers in the north and south
of European Russia 97
Kisiel R., Marks-Bielska R. Transformations of the
Polish agriculture 108
Russia, Poland, and China: Models of post-socialist rural development.
Round table. 120

REVIEWS

- Babashkin V.* Peasant as a romantic. 152
Trotsuk I. A guide to the post-soviet agrarian reform in Russia:
Objective and subjective dimensions of rural life. 162

SCIENTIFIC LIFE

- Ivanov A., Ivanov A.* History of peasantry and agriculture in Russia
according to the presentations of agrarian historians of the Middle
Volga (1976–2016) 191
Trotsuk I. Evaluation or action? The only choice for
agrarian studies. 200

Роль чаяновских идей в современном крестьяноведении и в искусстве сельского хозяйства

Я.Д. ван дер Плуг

Ян Дауве ван дер Плуг, профессор Университета Вагенингена (Нидерланды)
Droevendaalsesteeg 4, 6708 PB Wageningen и Китайского сельскохозяйственного университета в Пекине. E-mail: jandouwe.vanderploeg@wur.nl

Ирина Владимировна Троцук, доктор социологических наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119571, Москва, пр-т. Вернадского, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Статья представляет собой сокращенный перевод книги Яна Дауве ван дер Плуга «Крестьянство и искусство сельского хозяйства: Чайановский манифест» — второй работы в серии, созданной Сатурнино (Джуном) Боррасом, «маленьких книг о больших идеях» в сфере аграрных преобразований. Автор раскрывает особенности структуры и динамики крестьянского хозяйства, показывает его исторически изменчивые характеристики, определяющие трудовые, производственные и социальные процессы и отношения. Ван дер Плуг считает, что крестьянское хозяйство может играть важную, если не центральную, роль в росте производства продовольствия и в обеспечении устойчивого сельского развития, однако крестьяне сегодня, как и в прошлом, незаслуженно игнорируются. Отталкиваясь от идей Александра Васильевича Чайанова, автор стремится объяснить причины этого игнорирования и показать, сколь важную роль крестьяне играют в нынешней борьбе за продовольствие, продовольственную стабильность и продовольственный суверенитет. Для достижения этой цели автор исследует нынешнее значение двух основных балансов в теории Чайанова — трудопотребительского и баланса полезности и тяжелой работы, а также целый ряд других взаимодействующих балансов (человека и живой природы, производства и воспроизводства, внутренних и внешних ресурсов, масштаба и интенсивности и др.), отмечая их социальное, экономическое и политическое значение в прошлом и настоящем. Автор оценивает позиции крестьянского хозяйства в широком социальном контексте, акцентируя внимание на отношениях крестьян с государством и на балансе аграрного развития и демографического роста. Завершает статью обзор разных моделей и механизмов повышения производительности и интенсификации труда, выбор которых определяет доминирующий дискурс (приоритеты государства, отраженные в аграрных программах и реформах, позиция аграрных наук в вопросе проектирования будущего сельского хозяйства и оценке роли крестьянства). Дается краткая характеристика нынешних тенденций реокрестьянивания в Европе.

Ключевые слова: крестьянство, крестьянское хозяйство, Чайанов, взаимодействующие балансы, аграрные науки, аграрный вопрос, реокрестьянивание, интенсификация

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-3-6-27

Как только речь заходит о крестьянстве, радикальные левые разбиваются на два лагеря. Этот водораздел сохраняется до сих пор, несмотря на очевидное сокращение разрыва в политических дебатах, научных спорах, новых общественных движениях и самой социально-материальной действительности. Вернее, разрыв не столько сокращается, сколько становится менее актуальным. Прежние противоречия сглаживаются, и мы повсеместно наблюдаем новые тенденции развития, которые определенно выходят за рамки прежних споров.

Первоначально глубокий идеологический раскол сформировали противоречия в трактовке нескольких вопросов. Главный из них касался классовой позиции крестьянства и имел очевидные практические следствия. Споры велись и по поводу устойчивости крестьянских форм (или «способов») производства, того, кто осуществляет социалистический переход, следует ли рассматривать крестьянское хозяйство как нечто, требующее сохранения или, наоборот, преобразований, является ли крестьянское хозяйство перспективным с точки зрения обеспечения общества продовольствием и значимого вклада в его развитие в целом и т. д.

По структуре крестьянское хозяйство не капиталистическое предприятие, оно не основано на отношениях труда и капитала. Труд здесь не является наемным, а капитал — капиталистическим в марксистском смысле (это не тот капитал, который необходим для производства прибавочной стоимости и ее последующего инвестирования в производство еще большей прибавочной стоимости). В крестьянском хозяйстве «капитал» — это доступный инвентарь, скот и накопления. Этот «капитал» не является «стоимостью, которая производит прибавочную стоимость» (Kautsky, 1974: 65). Отсутствие отношений труда и капитала превращает конкретную единицу сельскохозяйственного производства в крестьянское хозяйство. И это принципиальный и определяющий аспект чаяновского подхода.

Особая внутренняя структура крестьянского хозяйства означает, что часто оно функционирует способом, решительно отличающимся от капиталистических сельскохозяйственных предприятий. «Крестьянское хозяйство продолжает производить, когда капиталистические предприятия прекращают» (Chayanov, 1966: 89). «В условиях, когда капиталистические хозяйства банкротятся, крестьянские семьи могут увеличить часы работы, продавать по сниженным ценам, не получать никакой прибыли и продолжать сельскохозяйственную деятельность год за годом. По этим причинам Чайанов пришел к выводу, что конкурентная сила крестьянской семьи по сравнению с крупными капиталистическими хозяйствами намного больше, чем предсказывали работы Маркса, Каутского, Ленина и их последователей» (Thorner, 1966: xviii).

Ян Дауве ван дер
Плуг
Роль чаяновских
идей в современном
крестьянстве
и в искусстве сель-
ского хозяйства

Крестьянское сельское хозяйство — часть капиталистической системы, но очень непростая часть. Оно порождает расколы и противоречия, оно — колыбель сопротивления, которое создает альтернативы, постоянно критикуя доминирующие модели. Оно проникает туда, где не могут существовать капиталистические хозяйства. Крестьянское хозяйство «анаэробно» (Paz, 2006): оно может выжить без кислорода прибыли, в котором остро нуждается корпоративное сельское хозяйство. Будучи частью капитализма, оно создает непростые хозяйства, куда через «чаяновские балансы» все же проникают капиталистические противоречия, вследствие чего внутри крестьянской семьи и крестьянства в целом возникают конфликты.

Все это означает, что можно не только сочетать политэкономический анализ и чаяновский подход (первый — для изучения социального контекста и его влияния на крестьянское хозяйство; второй — для понимания сути этого влияния и формирования ответных реакций), но и просто необходимо это делать. Цель не в том, чтобы обнаружить всевозможные различия и предполагаемую несовместимость двух моделей, а в том, чтобы объединить их в одно мощное теоретическое оружие.

Два основных баланса в теории Чаянова

Чаяновский анализ начинается с простой, но мощной отправной точки: крестьянское хозяйство (за некоторыми исключениями) опирается не на наемный труд. Труд здесь мобилизуется не через рынок — это семейный труд: в крестьянском хозяйстве работает крестьянская семья. Хотя это утверждение кажется простым и само собой разумеющимся, оно имеет далеко идущие следствия. Поскольку здесь не выплачивается заработная плата, нельзя посчитать прибыль. Соответственно, принципы организации и управления капиталистической экономикой (скажем, максимизация прибыли и сокращение расходов, что часто обеспечивается снижением затрат на оплату труда) не применимы к крестьянскому хозяйству. Его динамика диктуется поиском внутренних балансов, которые основаны на совершенно иных принципах. В отличие от капиталистического предприятия, процесс производства в крестьянском хозяйстве не определяется логикой отношений наемного труда и капитала. Если бы целью крестьян была только прибыль, они бы продали свою землю. Однако они, наоборот, держатся за нее, работая на ней или оставляя под парами, порождая тем самым ряд неожиданных и часто контрпродуктивных макропоследствий. Трудовой процесс, использование патримониального капитала и особенно взаимодействия между ним и трудом не регулируются общими отношениями труда и капитала.

Подобные отношения могут оказывать влияние, но это не непосредственное воздействие или изменение («детерминация»). Разви-

тие производственного процесса в крестьянском хозяйстве может прямо противоречить логике отношений труда и капитала и идти против ограниченной рациональности тех сфер жизни, в которые подобные отношения встроены (рынки труда, капитала и продовольствия). Внутренние механизмы крестьянских и капиталистических хозяйств различны, поэтому капиталистическое предприятие в основном имеет большие размеры и постоянно стремится к расширению, а крестьянские хозяйства преимущественно малы (их историческое происхождение и/или тяжелая маргинализация также могли сыграть свою роль). Внутренние механизмы крестьянского хозяйства и связанные с ними сценарии сопротивления и развития укоренены в двух балансах — трудопотребительском и тяжелой работы/полезности.

Согласно Чапанову, живое сердце крестьянской производственной единицы — трудопотребительский баланс, т. е. соотношение между потребностями семьи и ее рабочей силой. «Для нас крестьянская семья является первичным и исходным элементом сельскохозяйственной единицы, потребителем, на чьи запросы эта единица должна отвечать, и рабочей машиной, за счет сил которой эта единица создается» (Чапанов, 1966: 128). В рамках данного баланса слово «труд» обозначает наличную семейную рабочую силу (рабочие руки), а «потребление» — едоков, которых нужно кормить. В более узком смысле труд обозначает производство продовольствия, а потребление — поедание произведенных продуктов. В более общем смысле баланс имеет отношение к объему производства (включая продукты, которые продаются на рынке), а потребление должно удовлетворять потребности семьи, многие из которых — только с помощью рынка (оплатив деньгами, заработанными за счет производства). В современном мире (как и в прошлом) воспроизводство семьи и хозяйства невозможно без обращения к рынку, в стороне от товарооборота. Однако семьи и хозяйства могут включаться в товарные цепи разными способами.

Труд и потребление — несоизмеримые сущности, но они должны быть приведены в равновесие, потому что одно предполагает другое и наоборот. Без потребления не было бы труда, а труд не имел бы смысла, если бы не было потребления. Однако между трудом и потреблением не существует простой линейной зависимости, они не связаны только отношением взаимнообмена. Труд и потребление должны быть объединены в динамическом равновесии, которое, в свою очередь, регулирует множество конкретных характеристик хозяйства. В российской истории это было особенно заметно в размере посевных площадей, обрабатываемых каждой крестьянской семьей: «крестьянское хозяйство в течение десятилетий <...> постоянно меняет свой объем, следуя этапам семейного развития, а его элементы отображаются на пульсирующей кривой» (Чапанов, 1966: 69). Чем больше «ртов» нужно прокормить за счет имеющихся «рук», тем больше площадь обрабатываемой земли. В условиях

дефицита земли изменение соотношения едок/работник влекло интенсификацию или расширение ремесленных, промысловых и иных несельскохозяйственных доходов.

Теоретико-методологическая актуальность концепции трудопотребительского баланса в качестве производственной машины семейного хозяйства объясняется тем, что она демонстрирует невозможность трактовки ни хозяйства как такового, ни его деятельности и развития как производных от внешних отношений и условий любого рода. Крестьянское хозяйство организовано, согласно оценке необходимых балансов и регулировке состояния и динамики хозяйства, таким образом, чтобы максимально приблизить его к равновесному состоянию. Внешние отношения и тенденции воспринимаются и активно воплощаются во внутрихозяйственных практиках. В современной терминологии крестьянское хозяйство — это отлаженная сеть акторов, искусно объединяющих землю, растения, крупный рогатый скот, навоз, семена, постройки, труд, ремесла, знания, технику, социальные сети (иногда лесные участки, сады с лекарственными травами, агротуристическую инфраструктуру или фермерские магазины). Это активно конструируемый ответ на внешние возможности и угрозы, касающийся не только способа управления хозяйством, но и способов его расширения.

Второй баланс, рассматриваемый Чаяновым, — полезности и тяжелой работы. Это два несоизмеримых феномена, которые должны быть приведены в равновесие для успешного функционирования крестьянского хозяйства. Тяжелый труд — это дополнительные усилия, необходимые для увеличения общего объема производства (или дохода). Тяжелая работа ассоциируется с трудностями, длинным рабочим днем под палящим солнцем (и мечтой о стакане холодного пива), подъемами до рассвета и работой на морозе и под проливным дождем. Сельскохозяйственный труд может восприниматься как радость и осмысленная деятельность, но всегда предполагает физические нагрузки, и если объем работ возрастает, то напряженный характер труда ощущается сильнее. Собственно все это и пытается передать понятие «тяжелая работа». Полезность — противовес тяжелой работы — дополнительные выгоды (любого рода), обеспечиваемые за счет роста производительности. Главная идея состоит в том, что крестьянская семья стремится соблюсти баланс между этими двумя понятиями.

В целом рост производительности предполагает увеличение тяжелой работы и уменьшение полезности. Однако «было бы наивно рассматривать их связь как однонаправленную зависимость». Напротив, «перед нами две взаимосвязанные группы явлений, которые образуют единую систему, устанавливая равновесные отношения между компонентами обеих групп» (Чапанов, 1966: 198). Крестьянин, «вынужденный работать ради потребностей своей семьи, вкладывает больше сил по мере возрастания давления этих

требований; <...> это ведет к росту благосостояния» (Chaуanov, 1966: 79). Иными словами, когда количество едоков, приходящихся на одного работника, увеличивается, его производительность должна повышаться (он должен обрабатывать большую площадь земли, улучшать качество ресурсов и/или создавать больше средств производства). Здесь и проявляется стратегический характер баланса полезности и тяжелой работы. «Энергия, прилагаемая работником в семейном хозяйстве, стимулируется потребительскими запросами семьи», с другой стороны, «затраты энергии сдерживаются тяжелым характером труда» (Chaуanov, 1966: 81).

На первый взгляд трудопотребительский баланс и баланс тяжелой работы и полезности кажутся идентичными (особенно если приравнять тяжелую работу к труду, а полезность к потреблению). Хотя два баланса связаны, они не идентичны. Трудопотребительский баланс относится к уровню домохозяйства — оценивает количество едоков с точки зрения числа работников. Баланс тяжелой работы и полезности имеет отношение к отдельному работнику (особенно к главе домохозяйства): «чем большее количество работы делается человеком в какой-нибудь определенный период времени, тем более и более тягостны для человека последние (предельные) единицы затрачиваемого труда» (Chaуanov, 1966: 81).

Различие двух балансов имеет стратегический характер, потому что объясняет, как можно расширить производство крестьянского хозяйства и увеличить благосостояние крестьянской семьи. Взваливая на себя больше обязанностей (работая тяжелее), отдельный работник (или работники) может способствовать накоплению капитала, что, в свою очередь, обеспечит более высокий уровень производства с наличной рабочей силой (возрастет чистая выработка в расчете на работника). В дальнейшем это позволит удовлетворить возрастающие потребительские запросы семьи.

Оценка разных балансов и их влияния на организационный план крестьянского хозяйства субъективна в том смысле, что является результатом стратегических рассуждений и «экономических расчетов» (Chaуanov, 1966: 86) главы крестьянской семьи. Однако эта оценка носит и объективный характер, поскольку все рассуждения учитывают и во многом отражают объективные реалии жизни крестьянской семьи (наличная земля, рабочая сила, потребительские потребности, необходимость накопления капитала и т. д.) и структурные параметры социальной ситуации (состояние рынка, возможность заниматься ремеслами и промыслами, уровень цен, влияние городской культуры). Субъективность не предполагает капризов и/или отрыва от объективных реалий, напротив, она принимает во внимание эти реалии, которые часто неблагоприятны. Суть в том, что объективные реалии не оказывают на крестьянское хозяйство автоматическое воздействие, а влияют на него через активное наблюдение фермера, который интерпретирует их и переводит в соответствующий курс действий. Все это осуществляю

акторы «из низов», которые обладают «способностью перерабатывать социальный опыт и предлагать способы справиться с разными жизненными ситуациями даже под воздействием крайних форм принуждения. В условиях недостатка информации, неопределенности и других ограничений (физических, нормативных или политико-экономических) социальные акторы обладают необходимыми знаниями и способностями» (Long, 1992: 22–23).

Разнообразие взаимодействующих балансов

Достижение верного баланса социального/природного — предмет постоянной заботы во всех сельскохозяйственных практиках: иногда они отходят от живой природы, а иногда вновь основываются на ее принципах. Так, модернизация и «зеленая революция» представляют собой принципиальный отход сельского хозяйства от сопроизводства человека и живой природы. Химические удобрения заняли место биологии почв, навоза и знаний крестьян; промышленные концентраты заменили луга, пастбища, траву и сено. Естественное спаривание исчезло, а искусственное осеменение (позже — подсадка эмбрионов и компьютерный отбор лучшего производителя) заняли его позиции. Электрическое освещение заменило солнечный свет в садоводстве, в курятниках в 24-часовой период оказались втиснуты две ночи и два дня, чтобы ускорить рост птицы. Все это указывает на сокращение роли природы, особенно если принять во внимание генетические модификации.

Однако существуют и противоположные тенденции. Можно привести в качестве примера органическое сельское хозяйство, его экономный стиль и агроэкологические движения. Все они предлагают далеко идущую перестройку сельского хозяйства для его возвращения к сопроизводству, вновь отводят живой природе центральную и соорганизующую роль. Эти контрдвижения помогают сделать сельское хозяйство более «крестьянским» и стремятся переориентировать значительную часть агрономии на «общественный» лад, предложенный Чайновым.

Сельское хозяйство не сводится к добывающему процессу (хотя неблагоприятные условия могут подтолкнуть его в этом направлении). Сельскохозяйственная деятельность предполагает и производство, и воспроизводство. В его основе лежит постоянное воспроизводство используемых ресурсов, которое затрагивает не только «живую природу», но все ресурсы и элементы, необходимые для нормального функционирования хозяйства. Историческое развитие баланса производства и воспроизводства подробно рассмотрено А. Лакруа (Lacroix, 1981). Первоначально окружающая экосистема использовалась для обновления ресурсов. Подсечно-огневое земледелие — типичный тому пример: когда ресурсы почвы исчерпаны, поля забрасывают и заимствуют у природы новое поле. Объекты

труда и инструменты берутся из окружающей экосистемы, а рабочая сила обладает знаниями о том, как экосистему использовать в качестве ресурса. В следующий исторический период воспроизводство смещается в само хозяйство: поля активно удобряются, ведется селекция растений, улучшаются породы скота и создаются новые поля, животные и культуры становятся гордыми символами относительной автономии, которая позволяет крестьянам преодолевать жесткие ограничения местных экосистем. В третий, современный период, воспроизводство вновь покинуло крестьянское хозяйство и ушло вовне, в агропромышленность, которая во все возрастающих объемах производит объекты труда, инструменты и инструкции для рабочей силы (Benvenuti, 1982; Benvenuti et al., 1988). В новой воспроизводственной модели уже не крестьянское сообщество встраивает свой «код» (технические условия) в объекты и инструменты труда (как это происходило во втором периоде), а агропромышленность воплощает научно разработанные спецификации в артефактах, необходимых в хозяйстве.

Наряду с ресурсами, которые производятся и воспроизводятся в хозяйстве (внутренние), крестьянское хозяйство, независимо от местонахождения, нуждается во внешних ресурсах — невозможно представить, как оно сможет функционировать без них. Однако характер этих ресурсов, их происхождение и способ приобретения могут иметь далеко идущие последствия. Многие ресурсы обладают поразительной взаимозаменяемостью своих внешних и внутренних видов. Так, коровы могут воспроизводиться в самом хозяйстве (отдельные телята выращиваются в телок, которые после первого отела могут заменить старых молочных коров), а могут покупаться на рынке. Использование внешних ресурсов предоставляет новые возможности, но часто влечет и деформирующие последствия, что означает необходимость неоднократно определять и конструировать продуманный баланс внутренних и внешних ресурсов. Опора на внешние ресурсы может значительно сократить тяжесть труда крестьянской семьи, однако хозяйство, которое в высшей степени зависит от сырьевых рынков, потенциально может быть поглощено ими. Расчет правильного баланса помогает обеспечивать относительную автономию — это состояние, позволяющее придерживаться тех стилей хозяйствования, что соответствуют интересам и перспективам крестьянских семей.

Оценивая влияние баланса автономии и зависимости, следует принимать во внимание «социальные институты, которые окружают производство и распределение богатства» (Little, 1989: 118). Хотя сельскохозяйственная экономика является «организованной системой социальных отношений и независимого принятия решений» (Little, 1989: 117), через отношения зависимости, в которые она встроена, она подвергается изъятию излишков. Традиционная аграрная экономика производила внушительный по объему прибавочный продукт, и сельские элиты эффективно отбирали излишки

у крестьян и ремесленников. «Механизмы отъема излишков различались — рента, проценты, налоги и коррупционные практики, однако результат был одним и тем же: изъятие у непосредственных производителей и передача небольшому классу элиты около 25–30% сельскохозяйственной продукции» (Lippit, 1987: 120). Это порождало постоянный застой: у крестьян не хватало средств для инвестиций и, соответственно, развития хозяйства, тогда как сельские элиты растрачивали изъятые излишки на потребление предметов роскоши.

Политэкономический анализ (включая классовый) вступает в действие, как только мы обращаемся к функционированию крестьянских производственных единиц в конкретном социально-историческом контексте. То же самое происходит, если мы начинаем с макроуровня, т. е. задавая вопрос, как конкретная политико-экономическая формация влияет на сельское развитие. Но тогда чаяновская трактовка крестьянского хозяйства должна быть включена в аналитическую модель, поскольку воздействие политико-экономической формации опосредуется производителями, которые пытаются рассчитать важные для своих производственных единиц балансы согласно навязываемым данной формацией параметрам. Можно охарактеризовать состояние крестьянства как постоянную борьбу за автономию и больший доход в условиях, которые принуждают его к зависимости и лишениям. Этот объективный контекст можно анализировать с помощью модели извлечения излишков, однако действия крестьян лучше объясняет чаяновский подход. Впрочем, в конкретном исследовании одно предполагает другое, т. е. свобода фермера состоит из двух компонентов: «свобода от» и «свобода для» — первую исследует политэкономический анализ, вторую — чаяновская модель.

В организации хозяйства существует еще один баланс, который требует оценки — баланс масштаб/интенсивность. Под масштабом понимается количество объектов труда (участков земли, животных и т. д.) в расчете на единицу рабочей силы; под интенсивностью — производительность в расчете на каждый объект труда. Проводя международные сравнения, Ю. Хаями и В. Руттан (Hayami, Ruttan, 1985) обнаружили два противоположных способа увеличения доходов в сельском хозяйстве: интенсификация и расширение масштабов (хотя, безусловно, возможны их комбинации и промежуточные позиции).

Интенсивность и масштаб определяют двумерное пространство, в котором можно распознать различные стили хозяйствования. Даже в районах со сходными экологическими, экономическими и институциональными условиями практически всегда можно обнаружить разные стили (или по-разному устроенные «аппараты» в терминологии Чайнова). Так, экономный стиль хозяйствования отличается небольшими масштабами и низкой интенсивностью. В данном стиле балансы обеспечиваются за счет того, что расходы

на внешние ресурсы минимизируются, а сопроизводству отводится приоритетная роль, что увеличивает автономию хозяйства. Финансовые затраты (связанные с ростом производства) также минимизируются, соответственно, общие расходы на ведение хозяйства низки, а трудовой доход высок (даже в относительном выражении), именно поэтому в кризисных условиях этот стиль крайне устойчив.

Главная цель интенсивного сельскохозяйственного производства — высокая производительность (типичный его символ — «хорошая корова»). В трудосберегающем стиле хозяйствования (его символ — «мощный трактор») задача состоит в том, чтобы максимально увеличить количество объектов труда и свести к минимуму трудовые затраты. Вместе эти два стиля порождают горячие споры об «обратном соотношении» размера хозяйства и производительности. Когда-то эта взаимосвязь действительно доминировала. Сегодня она все еще прослеживается, но не является единственно возможной. Помимо экономного стиля, возник другой — крупномасштабное интенсивное производство. Это сложное сочетание аграрной политики и технологического развития, с одной стороны, и стратегии сельскохозяйственного предпринимательства — с другой. Технологии проникают сюда в формате новых научных разработок (кабинки для конюшен, гольштинская порода, чувствительные к азоту сорта луговых растений и концентраты), которые в совокупности обуславливают технологически детерминированную интенсификацию производства, а она, в свою очередь, влечет расширение масштабов хозяйства. Влияние сельскохозяйственной политики состоит в том, что она стимулирует создание крупных хозяйств (посредством субсидий, реорганизации) и обеспечивает долгосрочные гарантии, устанавливая стабильные цены.

Активно создаваемое разнообразие (спрессованное в разные стили хозяйствования) постоянно взаимодействует с множеством изменений того контекста, в который встроено сельское хозяйство. Изменения влекут за собой разные результаты в хозяйствах, придерживающихся разных стилей. В итоге происходит отбор: некоторые стили лучше приспособлены к преодолению внешних изменений, другие не смогут их пережить, что порождает вариативность и возможность выбора.

Сегодня трудопотребительский баланс обретает совершенно иную форму, чем та, что была описана Чаяновым. Для русских крестьян в первые два десятилетия XX века потребительская сторона уравнения в основном (хотя не всегда) сводилась к потреблению продуктов питания, одежды и т. п., тогда как самообеспечение хозяйства считалось само собой разумеющимся, тем более что недостающие товары и услуги часто восполнялись благодаря социально регулируемым обменам. Хозяйство производило товары для рынка, но могло производить их и потому, что его насущные потребности удовлетворялись за счет самообеспечения. Сегодня потребление включает в себя множество элементов, ко-

торые не может обеспечить само хозяйство: образование, электричество, мобильность, средства связи, предметы роскоши и т. д. И деятельность нынешних хозяйств требует целого ряда компонентов (тракторы, энергия, насосы и т. д.), которые невозможно произвести в самом хозяйстве. «Рабочая машина» изменилась, и трудопотребительский баланс должен принимать во внимание более широкий список рынков. Иными словами, прямые отношения труда и потребления сокращаются, тогда как не прямые (сочетание нескольких рыночных транзакций) стали более важны. В результате потребности семьи и хозяйства должны быть приведены в соответствие (диалектическое) с комплексным набором разных, но взаимосвязанных рынков.

Отталкиваясь от рассмотренных балансов, можно представить синтетическую природу крестьянского хозяйства в том виде, в котором она существует и функционирует сегодня. Эта природа, во-первых, требует внимательного изучения взаимоотношений крестьянских хозяйств со своими предшественниками, поскольку здесь прослеживаются как преемственность, так и разрывы и обновления (отчасти вследствие резких изменений политико-экономического контекста). Во-вторых, синтетическая модель включает в себя одновременно Юг и Север: между крестьянами в разных частях мира не существует ни фундаментальных различий, ни внутреннего антагонизма. В-третьих, понятие синтеза применимо также к маргинальным хозяйствам и бедным семьям, а не только к высокопродуктивным хозяйствам и процветающим семьям, т. е. характеризует и реалии, и заключенные в них возможности.

Позиции крестьянского хозяйства в социальном контексте

Чаянов в явном виде не обсуждал и теоретически не исследовал внешние балансы, хотя в его работах можно обнаружить намеки на оценку их влияния. Например, встречаются указания на то, как крестьянское хозяйство может влиять на рынок труда (Chaunov, 1966: 240). Влияние государственной политики на крестьянство описано в разделе о соотношении горизонтальной и вертикальной кооперации (Chaunov, 1991). А работа «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (Chaunov/Kremnev, 1976) содержит провокационные высказывания об «оптимальном равновесии города и деревни» (Kerblay, 1966: xlvi): в утопии не существует крупных городов, речь идет об интенсификации сельского хозяйства и роли крестьянства, причем с пророческими предсказаниями (в 1920 году!) конца большевистской власти и установления прямой демократии.

Первый внешний баланс затрагивает взаимоотношения хозяйства и товарных рынков. Одни рынки демонстрируют долгосрочную тенденцию снижения цен; другие — «улучшение рыночной

ситуации» (Chayanov, 1966: 83, 105). Итальянские фермеры называют последнюю ситуацию *un mercato che tira* (рынок, который тянет). Речь идет о том, что рынок стимулирует фермеров производить больше и способствует накоплению капитала, поскольку цены на фермерскую продукцию выше, чем затраты на ее производство. Позитивные ожидания (что цены останутся на высоком уровне) поддерживают эту ситуацию. Совершенно иначе развиваются события, когда цены низки и ожидается их дальнейшее снижение — это неблагоприятная рыночная ситуация. Она не способствует сохранению или воспроизводству хозяйств, препятствует накоплению капитала и замораживает развитие хозяйств. Производителям приходится переживать такие времена, значительно снижая уровень жизни. Эта рыночная ситуация может быть результатом «городской предвзятости», глобальной зависимости или того давления, которое сегодня продовольственные империи оказывают на сельское хозяйство.

Рынки — не единственный механизм, связывающий сельское хозяйство и городскую экономику: миграция всегда была и продолжает оставаться в этом отношении крайне важной. Миграция принимает множество форм: это может быть односторонний отток населения из сельской местности в города или на стройки, заводы, в порты и в неформальный сектор экономики в других регионах. Обширные трущобы на периферии больших городов — почти неизбежное следствие этого процесса (Davis, 2006). Сельская бедность и/или военные действия на сельских территориях могут быть выталкивающим фактором, но относительно высокие заработные платы в городской экономике (Chayanov, 1966: 107) постоянно притягивают людей в городские центры. Крестьяне могут обогащать городскую экономику важными навыками, что случилось в Италии после Второй мировой войны, когда способность издольщиков создавать сетевые сообщества сформировала в городах процветающий сектор малых и средних предприятий, который стал сердцем итальянского «чуда» (Bagnasco, 1988).

Отрицательной стороной сельского исхода, независимо от его формы, являются экономический спад и запустение сельских территорий (Chayanov, 1966: 107–108). Таких негативных последствий можно избежать, если миграция носит циклический характер (хотя тогда возможны другие негативные последствия). Циклическая миграция характеризуется тем, что молодежь покидает деревню, пробует городскую жизнь, зарабатывает и копит деньги (обычно после обручения или замужества). Рано или поздно мигранты возвращаются в свои деревни и вкладывают накопления в сельское хозяйство, магазины и малые предприятия. Эта миграционная модель часто добавляла динамики сельскому хозяйству и всегда была важна для стран Европы, а теперь и для Китая. Невозможно понять китайское сельское хозяйство, не изучая многообразные циклические миграции, которые связывают сельское хозяйство с городами

Ян Дауве ван дер
Плуг
Роль чаяновских
идей в современном
крестьянстве
и в искусстве сель-
ского хозяйства

и промышленностью (Ploeg, Ye, 2010). Подобная циклическая модель иногда имеет и транснациональный характер.

В исторической перспективе мы наблюдаем непрерывный процесс «экстернализации» переработки и сбыта продуктов питания. Сегодня сельское хозяйство в основном ограничено производством и поставкой сырья, которое затем перерабатывается специализированными предприятиями пищевой промышленности, многие из которых ведут себя на глобальном рынке как империалисты (Bonanno et al., 1994). Торговля все в большей мере контролируется крупными торговыми компаниями и розничными сетями. Вместе с агропромышленностью, которая направляет сырьевые потоки в первичное производство, эти компании формируют сети (Vitali et al., 2011), все в большей степени выступающие как эксплуататоры. Взаимодействие первичных производителей и пищевой промышленности выходит далеко за рамки «простых» операций обмена товаров на деньги. Еще Чаянов отметил, что «торговый аппарат, озабоченный стандартным качеством товаров, начинает активно вмешиваться в организацию производства. Он устанавливает технические условия, определяет семена и удобрения, регулирует севооборот и превращает своих клиентов в технических исполнителей своих проектов и экономического плана» (Chaianov, 1966: 262). Позже Б. Бенвенути обнаружил, что товарные отношения переплетаются с технико-административными. Вместе эти два типа отношений создают институциональный контекст, который предписывает фермерам, что они должны делать, когда, как и в какой последовательности. Эта структура практически полностью исключает «свободу для». «Сельскохозяйственный предприниматель» — «призрак» (Benvenuti et al., 1983): вместо того чтобы наслаждаться широкими возможностями выбора в принятии предпринимательских решений, он связан сценарием, разработанным другими — пищевой промышленностью, торговыми компаниями, розничными сетями, поставщиками сырья, банками и государственными органами (Benvenuti, 1982; Benvenuti et al., 1988).

Баланс между государством и крестьянством виртуозно описан Дж. Скоттом: с одной стороны, первостепенное значение имеют «благие намерения государства» (Scott, 1998); с другой стороны, крестьяне преуспели в «искусстве неуправляемой жизни» (Scott, 2009). Равновесие, лежащее в основе данного баланса, часто кристаллизуется в конкретных мерах аграрной политики. Многие из них подверглись резкой критике радикальных левых: нередко они действительно идут вразрез с интересами крестьян (как правило, 80% субсидий Евросоюза получают богатейшие 20% фермеров, особенно «сельскохозяйственные предприниматели»). Однако аграрная политика всегда разрабатывалась (особенно в 1930-е годы), чтобы противостоять и устранять последствия глубоких и широкомасштабных кризисов. Это касается и Нового курса в США, и различных аграрных программ в Европе, которые позже были

объединены в Общей сельскохозяйственной политике Евросоюза. Существует постоянная (и острая) необходимость в аграрной политике, направленной на исправление фундаментального дисбаланса во взаимоотношениях сельского хозяйства, с одной стороны, и общества, требований экологии, интересов и ожиданий тех, кто непосредственно вовлечен в сельскохозяйственную деятельность, — с другой. Однако принятие мер, которые обеспечивают справедливость и равенство или, по крайней мере, не усугубляют существующую несправедливость и неравенство, проблематично, поскольку сельское хозяйство всегда характеризуется серьезными дисбалансами. Для Чаянова «демократизация распределения доходов» была одной из главных целей аграрной реформы. Однако на глобальном уровне существуют глубокие расколы, разделяющие Север и Юг, и они отчетливо видны на региональном и местном уровнях. В результате аграрная политика почти неизбежно оказывает дифференцированное воздействие: обогащает одних и не предоставляет достаточно помощи тем, кто в ней нуждается. Издержки и выгоды аграрной политики часто неравномерно распределены, и пока непонятно, как эта проблема может быть решена.

Сегодня во многих регионах мира прежде очевидный баланс между демографическим и аграрным ростом утратил однозначность (Netting, 1993: 272). Дисбаланс наиболее заметен и трагичен в Африке, где производство сельскохозяйственной продукции на душу населения неизменно сокращалось на протяжении 50 лет (Li et al., 2012). Прежде очевидная связь производства и потребления разрушилась не только на уровне национальных государств (спровоцировав требования продовольственного суверенитета), но и на микроуровне. Это разрушение породило трагическую ситуацию, охарактеризованную в перуанской поговорке *tierra sin brazos y brazos sin tierra* (земля без рабочих рук и руки без земли), — типичная ситуация для сельских домохозяйств, страдающих от нищеты и голода, когда земля вокруг них не возделывается: у крестьян нет средств, чтобы обрабатывать землю, и нет возможности перенастроить полностью искаженный баланс.

Производительность и механизмы интенсификации труда

История крестьянского земледелия — это история непрерывной интенсификации. На протяжении столетий фермеры то сознательно, то непреднамеренно внедряли мелкие, а иногда и масштабные изменения. Урожайность — не только технический показатель, она отражает сложные взаимодействия микро- и макроуровней, локального и глобального, т. е. показывает социальные отношения в той степени, в какой ими определяется. Урожай — результат трудового процесса, поэтому они воплощают в себе продолжающуюся настройку множества балансов, особенно баланса автономии

и зависимости. Заброшенные поля могут привести к ужасающей нищете и голоду; высокие урожаи предвещают крестьянству благополучные времена и бóльшую свободу. Повышение урожайности также означает, что сельское хозяйство может удовлетворить растущий спрос на продукты питания и непродовольственные товары. На макроуровне урожайность влияет на национальный баланс импорта и экспорта и стратегический вопрос продовольственной безопасности.

Интенсификация — процесс, который приводит к повышению урожайности; «выращивание двух колосков там, где теперь растет один» (Чапанов, 1988: 115)¹. Чапанов был уверен, что крестьянское хозяйство гарантирует высокую урожайность: «мелкое трудовое крестьянское хозяйство как хозяйственная организация технически мало уступает крупному капиталистическому земельному предприятию» (Чапанов, 1988: 117). Это объясняется тремя причинами: во-первых, крестьянское хозяйство проникает туда, куда не стремятся капиталистические предприятия, — обрабатывает заброшенные земли и превращает их в пашни и пастбища. Капиталистическим предприятиям невыгодно улучшать качество малопродуктивных земель, а для крестьян это единственный способ получить доступ к земле. Во-вторых, крестьянские хозяйства демонстрируют более высокий уровень накопления капитала в расчете на единицу земли, используя больше семян, навоза и тягловой силы. В-третьих, кардинально различаются цели, лежащие в основе организации разных производств. Капиталистическое предприятие стремится максимизировать прибыль, т. е. разницу между валовой стоимостью продукции и расходами на ее производство (включая затраты на оплату труда). Основная цель крестьянского хозяйства — максимизировать валовую прибыль, или трудовой доход (разницу между валовой стоимостью продукции и затратами на сырье, но не на оплату труда). Разные цели определяют разные уровни интенсивности. Крестьяне производят улучшения, превращая пустующие земли в продуктивный ресурс, прилагая огромное количество труда и капитала и ориентируя производство на максимальный уровень интенсивности, но осуществляют все это в соответствующем политико-экономическом контексте.

Интенсификация обеспечивается двумя противоположными способами: посредством труда или с помощью технологий. Крестьянское хозяйство — типичный пример интенсификации за счет труда. Ее противоположность — технологически обусловленная интенсификация, когда рост урожайности является результатом применения новых технологий и связанных с ними ресурсов. Теоретически

1. Отсылка к фразе Дж. Свифта «Тот, кто сумел бы вырастить два колоса там, где рос прежде один, две былинки травы, где росла одна, заслужил бы благодарность всего человечества».

эти два способа не являются взаимоисключающими и могли бы заключить брачный союз, но на практике, в рамках существующих социально-экономических отношений они, как правило, исключают друг друга. Это не означает, что в интенсификации за счет труда не применяются технологии, а в технологически обусловленной интенсификации не прилагаются трудовые усилия. Тем не менее каждый способ предполагает разработку и применение кардинально различающихся методов.

Возможности основанной на труде интенсификации часто игнорировались или недооценивались в крестьяноведении и смежных дисциплинах. Одно из ключевых понятий аграрных наук — закон убывающего плодородия почвы. Он основан на маржиналистской логике, согласно которой чем больше ресурсов используется (например, труда в расчете на гектар), тем меньше дополнительная отдача, и в какой-то момент соотношение затрат и результатов может стать отрицательным. Применительно к крестьянскому хозяйству закон убывающего плодородия почвы превращается в структурную трансформацию, обратную процессу развития. И на первый взгляд аргументация выглядит убедительно: если высадить слишком много семян, растения вытеснят друг друга, слишком много удобрений отравят почву, а слишком частый полив утопит растения. Однако крестьяне отнюдь не идиоты, они воздерживаются от чрезмерного использования ресурсов и реорганизуют хозяйственные практики таким образом, чтобы интенсифицировать производство, не попав в ловушку снижающейся производительности.

Возможность увеличения доходности не исключает стагнации, регресса или даже инволюции. Но они не являются неотъемлемыми характеристиками крестьянского хозяйства, а стали считаться таковыми вследствие доминирования определенных политико-экономических моделей. Стагнация может объясняться разными причинами: неравными отношениями обмена, которые лишают крестьянство возможности переоценки баланса полезности и тяжелой работы, потому что вся полезность у них экспроприруется; отбором у крестьян воды; изоляцией крестьянских хозяйств в «бантустанах» (в Южной Африке) или в небольших рисоводческих «карманах» вдоль экспортно ориентированных плантаций (в Индонезии — Geertz, 1963). Регресс неизбежен, когда сельская бедность настолько высока, что единственным выходом для сыновей и дочерей становится бегство в города, чтобы зарабатывать переноской тяжестей или продажей своего тела. И тогда в деревнях не остается людей, чтобы раскидывать навоз по полям, заботиться о стаде или сохранять дамбы вокруг рисовых полей (в Сенегале, Гамбии и Гвинее-Бисау). Регрессивные тенденции характерны для патриархальных обществ, где матери убеждают дочерей «выходить замуж за кого хочешь, лишь бы не за крестьянина» (что произошло в ряде регионов Испании, которые сегодня обезлюдели и превратились практически в пустыню).

Все формы инволюции, стагнации и/или регресса — проявления аграрного вопроса. О нем вспоминают всякий раз, когда нарушается баланс между способом хозяйствования (организацией сельскохозяйственного сектора), с одной стороны, и обществом, требованиями экологии, интересами и перспективами тех, кто непосредственно вовлечен в сельскохозяйственную деятельность, — с другой. Аграрные реформы должны быть нацелены на «улучшение условий и способов приложения народного труда к земле, увеличивающего производительность этого труда», «демократическое перераспределение национального дохода» (Chaupanov, 1988: 142) и исключение возможности «хотя бы одной незасеянной десятины или хотя бы одного разгромленного, уничтоженного стада» (Chaupanov, 1988: 158). Любая аграрная реформа предполагает обобществление земли (Chaupanov, 1988: 156), которое невозможно посредством некоего «просвещенного абсолютизма», а лишь «в результате привлечения местных и демократически избранных советов» (Chaupanov, 1988: 164).

Существуют два основных дискурса, объясняющих взаимосвязь аграрной науки и аграрного развития. Сюжет о гегемонии гласит, что динамика сельского хозяйства (в частности, наращивание производительности) детерминирована притоком инноваций, которые разрабатываются наукой, а затем вводятся в практику. Этот дискурс серьезно умаляет роль крестьян или полностью отказывает им в праве играть какую-то роль. Показательные примеры можно обнаружить в исследованиях, которые стремились оценить соотношение пользы/затрат в сельском хозяйстве. Они обозначают любое повышение производительности как «выгоды» и соотносят с ними «издержки», связанные с проведением сельскохозяйственных исследований и развитием технологий. Крестьяне в этой картине отсутствуют, а все результаты их усилий объясняются исключительно достижениями аграрных наук.

Второй тип дискурса диаметрально противоположен первому. Он менее проработан, более молод и не получил поддержку сельскохозяйственных университетов, агропромышленности, министерств сельского хозяйства и иных институций. Второй дискурс утверждает, что большинство новаций порождено хозяйственными практиками, и воспринимает конкретное хозяйство не как конечный пункт применения новых решений, а как их основной источник. Новые методы производства порождают новые представления, практики, инструменты труда и технологии. Некоторые из них оказываются в центре внимания исследовательских институтов, которые совершенствуют их и широко распространяют. Это может быть и вполне «дружественный» процесс (доработка новаций, чтобы их можно было применять в широких масштабах), и «враждебный» захват, отбор и присвоение нескольких новаций, которые переформируются и патентуются, чтобы служить интересам отнюдь не тех, кто их изобрел, в то время как все

прочие изобретения, которые сложно присвоить, игнорируются или пресекаются.

Несмотря на негативный опыт и многообещающие альтернативы, аграрные науки работают в гордом одиночестве и продолжают играть центральную роль в производстве доминирующего дискурса (претендуя на львиную долю имеющихся ресурсов). Один из основных элементов этого дискурса — утверждение, что только наука и капитал смогут накормить мир к 2050 году. Еще три фактора оказывают поддержку дискурсу, который обеспечивает гегемонию аграрных наук: изобретение химических удобрений, механизация и создание высокоурожайных сортов. Все три оказались драйверами длительного действия для серьезных скачков производительности, чего, как широко признается, фермеры не смогли бы добиться самостоятельно. Все три фактора используются в качестве доказательства неимоверной мощи и потенциала аграрных наук.

Наука играет важную роль в развитии производительных сил (Bernstein, 2010) как в целом, так и в сельском хозяйстве, однако нельзя утверждать, что аграрные науки по определению вносят вклад в развитие производительных сил или же что только они могут его обеспечить. Добровольное и хорошо продуманное взаимодействие фермеров в поисках новаций и научных исследований может стать мощным фактором аграрного роста и развития. История демонстрирует тому немало примеров: предложенная Чайновым версия общественной агрономии и нынешнее агроэкологическое движение лишь одни из них. Впрочем, институциональный характер аграрных исследований и теорий означает, что они являются составными элементами «имперской науки» (Scott, 1998). Наука претендует на то, чтобы предлагать решения, но становится имперской, когда сводит сельское хозяйство исключительно к полю применения научных законов и стремится стандартизировать, прогнозировать, квантифицировать, планировать и контролировать сельскохозяйственные практики. Тем самым наука прокладывает путь к тому, чтобы подчинить сельское хозяйство внешним инструкциям и предписаниям — так продовольственные империи поработают его.

Могут ли крестьянские хозяйства накормить мир? Да, и могли бы уже сделать это, если бы мы сократили размер прибавочной стоимости, перекачиваемой сегодня в карманы продовольственных империй. Если бы империи умерили свои аппетиты или перестали присваивать прибавочную стоимость, производимую крестьянскими хозяйствами, то последние получили бы доступ к большим по размерам и лучшим по качеству пахотным землям, их трудовой доход увеличился бы и позволил им накопить больше капитала, чтобы вкладывать в свой рост и развитие. Ответ на поставленный выше вопрос прозвучал бы еще убедительнее, если бы были устранены те перекосы в аграрном знании, которые не позволяют ему адекватно воспринимать крестьянство — так, как, например, предложил Чайнов в своей общественной агрономии.

Ян Дауве ван дер Плуг
Роль чайновских идей в современном крестьянстве и в искусстве сельского хозяйства

ТЕОРИЯ В Европейском союзе меньшинство фермеров (15–20%) следуют предпринимательской модели, основанной на максимальном расширении масштабов, технологической интенсификации и упрочении зависимости от пищевой промышленности, банков и торговых сетей. С одной стороны, это логично: сельские предприниматели встроены в эту систему за счет высокого уровня задолженности и использования ее ресурсов. Они как будто оказались в ловушке и видят перед собой один-единственный путь. С другой стороны, они платят высокую цену за то, что идут по нему, тогда как оплата их долгой, однообразной и иногда опасной работы низка, а в периоды кризисов приносит им одни убытки. Хотя трудопотребительский баланс здесь не полностью разрушен, добиться удовлетворительного равновесия крайне сложно. Новые проблемы возникают, когда сын и/или дочь (и их семьи) хотят получить свою долю в предприятии: им приходится участвовать в рискованных финансовых операциях, включая получение огромных займов. Иногда баланс обеспечивается иным способом — за счет найма низкооплачиваемых «черных» рабочих (из Польши, Индии, Марокко или стран Африки к югу от Сахары). Та же неопределенность относится и к балансу тяжелой работы и полезности, где особое равновесие достигается за счет переопределения полезности — она оказывается где-то в будущем: крупные фермеры полагают, что окажутся среди тех немногих, кто выживет, а ускоренный рост — самая надежная гарантия конкурентоспособности.

Однако большинство фермеров идут иной дорогой. Они калькулируют основные балансы новым образом и превращают все большую часть европейского сельского хозяйства в крестьянское. Сталкиваясь с давлением, они переоценивают баланс между внутренними и внешними ресурсами: снижают зависимость от внешних ресурсов (включая кредитные средства) и оптимизируют использование доступных ресурсов. Это сокращает их финансовые и транзакционные издержки и повышает трудовой доход при том же уровне производства. Переоценка баланса внутренних и внешних ресурсов может занять некоторое время и оказать влияние на другие типы балансов. Например, сопроизводство может базироваться на живой природе, что упрощает включение в хозяйственные практики заботу о ландшафте, природе и биоразнообразии, что, в свою очередь, улучшает баланс между домохозяйством и его соседством, который сложно поддерживать предпринимателям.

Вторым ключевым элементом реокрестьянничества является диверсификация: появляются новые продукты и услуги, которые активно реализуются на вновь создаваемых замкнутых рынках. «Семейное хозяйство использует в меру сил все возможности своего природного и исторического положения, а также рыночной ситуа-

ции» (Chayanov, 1966: 120), чтобы повысить трудовой доход. Для этого в Европе существует множество возможностей: агротуризм, региональные деликатесы, органическое производство, прямые продажи, производство энергии, хранение воды, содержание лошадей, ландшафтный дизайн и др. В конце 1990-х годов эти новшества в Европейском союзе обеспечили дополнительный трудовой доход более чем в 8 млрд евро. Это позволило миллионам мелких и средних семейных ферм выжить (Ploeg, Long, Banks, 2002).

Новые формы реокрестьянивания принципиальным образом основываются на перенастройке баланса тяжелой работы и полезности. Так, создание многофункциональных хозяйств с относительно автономной ресурсной базой приводит к переопределению тяжелого труда. Работающие здесь фермеры говорят о «внешней занятости», «высоко диверсифицированных задачах», «независимости» и «работе с живой природой» как наиболее привлекательных аспектах своего труда. Для них он менее тягостен, чем для тех, кто идет по предпринимательскому пути, поскольку труд предпринимателей более однообразен, рискован и скучен. Помимо хорошего заработка, новые крестьяне радуются встречам с большим количеством людей (а фермеры-предприниматели обычно одиноки) и испытывают гордость от того, что «ведут хозяйство по-другому» (Oostindie et al., 2011). Все это становится важным компонентом полезности труда для нового европейского крестьянства и дает дополнительный стимул для дальнейших изменений, подкрепляя процесс возникновения нового, крестьянского, типа сельского хозяйства.

Таким образом, в сердце одной из самых современных сельскохозяйственных систем мира (западноевропейской) мы обнаруживаем механизмы, описанные Чаяновым почти столетие назад (разные балансы). И подобные механизмы сегодня не ограничиваются крестьянской семьей — общество в целом все активнее вовлекается в оценку балансов, что говорит о воздействии сельского хозяйства на прочие сферы общественной жизни. Возникают разные способы обеспечения равновесия балансов — крестьянский и предпринимательский. Одна группа балансов подкрепляет предпринимательский путь, который все больше расходится с нынешними социальными ожиданиями. Другая группа балансов помогает сформировать новые траектории реокрестьянивания, которые оказывают на общество совершенно иное воздействие. Мировое сельское хозяйство находится на перепутье, и понимание сути описанных выше стратегических балансов сегодня необходимо, чтобы осознать проблемы и предложить наиболее адекватные способы их решения.

Перевод с английского И.В. Троцук

- ТЕОРИЯ
- Bagnasco A. (1988) *La Costruzione Sociale del Mercato, studi sullo sviluppo di piccole imprese in Italia*. Bologna: Il Mulino.
- Benvenuti B. (1982) De technologisch administratieve taakomgeving (TATE) van landbouwbedrijven. *Marquetalia*, no 5.
- Benvenuti B., Bussi E., Satta M. (1983) *L'imprenditorialità agricola: a la ricerca di un fantasma*. Bologna: ALPA.
- Benvenuti B., Antonello S., de Roest C., Sauda E., van der Ploeg J.D. (1988) *Produttore agricolo e potere; modernizzazione delle relazioni sociali ed economiche e fattori determinanti dell'imprenditorialità agricola*. Rome: CNR/IPRA.
- Bernstein H. (2010) Introduction: Some Questions Concerning the Productive Forces. *Journal of Peasant Studies*, vol.10, no 3.
- Bonnano A., Busch L., Friedland W., Gouveia L., Mingione E. (1994) *From Columbus to Conagra: The Globalization of Agriculture and Food*. Lawrence: University Press of Kansas.
- Chayanov A. (1988 [1917]) *L'economia di lavoro, scritti scelti, a cura di Fiorenzo Sperotto*. Milan: Franco Angeli/INSOR.
- Chayanov A. (1966 [1925]) *The Theory of Peasant Economy* (Ed. by D. Thorner et al.). Manchester: Manchester University Press.
- Chayanov A. (1924) *Die Sozial Agronomie, ihre Grundgedanken und ihre Arbeitsmethoden*. Berlin: Verlagsbuchhandlung Paul Parey.
- Chayanov A.V., Kremnev I. (1976 [1920]) The Journey of My Brother Alexis to the Land of Peasant Utopia. *Journal of Peasant Studies*, no 4.
- Davis M. (2006) *Planet of Slums*. L.: Verso.
- Geertz C. (1963) *Agricultural Involution*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Hayami Y., Ruttan V. (1985) *Agricultural Development: An International Perspective*. Baltimore: Johns Hopkins.
- Kautsky K. (1974 [1899]) *La cuestión agraria*. Buenos Aires: Siglo Veintiuno, Argentina Editores.
- Kerblay B. (1966) A.V. Chayanov: Life, Career, Works. Chayanov A. *Theory of Peasant Economy*. Manchester: Manchester University Press.
- Lacroix A. (1981) *Transformations du Proces de Travail Agricole, Incidences de l'Industrialisation sur les Conditions de Travail Paysannes*. Grenoble: INRA.
- Li Xiaoyun, Qi Gubo, Tang Lixia, Zhao Lixia, Jin Leshan, Guo Zhanfeng, Wu Jin. (2012) *Agricultural Development in China and Africa: A Comparative Analysis*. L.: Routledge.
- Lippit V.D. (1987) *The Economic Development of China*. Arkmont, NY: Sharpe.
- Little D. (1989) *Understanding Peasant China: Case Studies in the Philosophy of Science*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Long N. (1984) *Family and Work in Rural Societies: Perspectives on Non-Wage Labour*. L.: Tavistock.
- Netting R. (1993) *Smallholders, Householders: Farming Families and the Ecology of Intensive, Sustainable Agriculture*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Oostindie H. (2013) *Multifunctional Agricultural Pathways: Bundles of Resistance, Redesign and Resilience*. Wageningen: Wageningen University.
- Paz R. (2006) El campesinado en el agro argentino: Repensando el debate teórico o un intento de reconceptualización? *Revista Europea de Estudios Latinoamericanos y del Caribe*, vol.81.
- Ploeg J.D. van der, Long A., Banks J. (2002) *Living Countrysides: Rural Development Processes in Europe — The State of Art*. Doetinchem: Elsevier.
- Ploeg J.D. van der, Ye Jingzhong. (2010) Multiple Job Holding in Rural Villages and the Chinese Road to Development. *Journal of Peasant Studies*, vol.37, no3.
- Scott J.C. (2009) *The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*. New Haven, CT: Yale University Press.

- Scott J.C. (1998) *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Thorner D. (1966) Chayanov's Concept of Peasant Economy. *Chayanov A. Theory of Peasant Economy*. Manchester: Manchester University Press.
- Vitali S., Glattfelder J.B., Battiston S. (2011) *The Network of Global Corporate Control*: arXiv:1107.5728v2 [q-fin.GN].

The role of Chayanovian ideas in the contemporary Peasant Studies, and in the art of farming

Jan Douwe van der Ploeg, Professor at the Wageningen University (the Netherlands) Droevendaalsesteeg 4, 6708 PB Wageningen and at the China Agricultural University in Beijing. E-mail: jandouwe.vanderploeg@wur.nl.

Irina Trotsuk, DSc (Sociology), Associate Professor, Sociology Chair, RUDN University; Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru.

This article is an abridged version of the book by Jan Douwe van der Ploeg “Peasants and the Art of Farming. A Chayanovian Manifesto” — the second one in the series of “little books on big ideas” in the sphere of agrarian transformations established by Saturnino (Jun) Borras. The author identifies key features of the structure and dynamics of peasant agriculture, and its historically variable characteristics that determine labour, production and social processes and relationships. Van der Ploeg believes that peasant agriculture can play an important, if not central, role in augmenting food production and ensuring sustainable rural development. However, peasants today, as in the past, are materially neglected. Based on the ideas of Alexander Vasilyevich Chayanov, the author seeks to address this neglect and to show how important peasants are in the ongoing struggles for food, food sustainability and food sovereignty. The author examines two main balances identified by Chayanov — the labour-consumer balance and the balance of utility and drudgery, as well as a number of other interacting balances (between people and living nature, of production and reproduction, of internal and external resources, of scale and intensity, etc.), and emphasizes their social, economic and political importance in the past and present. The author also considers the position of peasant agriculture in the wider social context focusing on the town-country relations, state-peasantry relations, and on the balance of agrarian growth and demographic growth. At the end of the article, there is an overview of different models and mechanisms for increasing productivity and intensification, the choice of which is determined by the dominant discourse (i.e. by the state priorities reflected in agrarian programs and reforms, and by the position of agrarian sciences in designing the future of agriculture and assessing the role of peasantry), and a brief description of the current trends of repeasantization in Europe.

Keywords: peasantry; peasant farming; Chayanov; interacting balances; the state; agricultural sciences; the agrarian question; repeasantization; productivity (yields); intensification

Ecological specialization as a desirable future for Russia

B. Rodoman

Boris Rodoman, DSc (Geography), E-mail: bbrodom@mail.ru

The author believes that in the future Russia can become a global environmental donor preserving the biosphere of the whole planet for the country's vast territories and natural landscape have changed little under the human activities. Today in the global economy, Russia plays mainly a role of an exporter of exhaustible energy resources, which puts its future in a risky dependence on various unstable factors affecting the extraction and consumption of such resources. The article proposes a project of changing and expanding the role of Russia as a supplier of natural resources and conditions necessary for the survival and future development of the humankind. The author considers as the main wealth of the country not some minerals, vegetable or animal raw materials, but the entire natural landscape and all natural components of the cultural landscape. The preservation and maintenance of the natural landscape as the most important element of the biosphere, its material, spiritual and information consumption without destruction and depletion should become a priority branch of the Russian national economy. The accumulation of population in urban agglomerations, the lack of population and roads in the former rural areas, the vast military ranges consisting of forests and steppes, and the wild landscapes along the administrative borders of settlements and regions contribute to the transformation of the significant part of Russia into nature reserves and parks, and to the preservation of nature in hunting and fishing grounds for the eco-friendly land use and nature management. The ecological specialization and recreational role of the suburban area of the eucumene-polis can become priorities of the Russian national economy and provide the country with a unique and indispensable place in the global community

Keywords: Russia; environmental donor; biosphere; national economy; natural landscape; cultural landscape; eco-friendly land use and nature management; ecological specialization

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-3-28-43

To ensure the preservation of biosphere and the survival of humankind, a quarter or even a third of the terrestrial land is to consist of more or less natural forests, steppes, prairies, meadows, tundra, highlands with glaciers and snowfields, and other natural landscapes with their inherent wildlife. Such an approximate environmental norm has been typical for the scientific discourse for almost half a century, and it is used in the article as an important quasi-postulate (Rodoman, 2002). It is desirable that the natural landscapes penetrate even the highly urbanized and densely populated areas at least in the form of narrow corridors. Though for many regions of the world it is impos-

sible, there should be an environmental compensation at the territories around in natural landscapes, which makes them of the international importance. Russia is among the few large countries (Canada and Brazil) that can become a 'professional' environmental donor for the global community, i.e. Russia needs an ecological specialization at the global scale (Rodoman, 2004, 2006) to turn most of its territory into national parks, nature reserves, hunting, fishing and other semi-wild bioresources' lands used within the reasonable limits of the biomass natural increase. Further, I will consider the arguments for such a nonstandard suggestion.

Shrinkage of the inhabited area

The Russian Empire occupied more lands than it could master and populate. The Soviet command-administrative campaigns for the development, settlement, mastering and amelioration of various territories often led to their devastation. The inhabited area within the Russian Federation is now shrinking and being fragmented (Kagansky, 2001). This process became obvious already in the Soviet period, especially after the enlargement of collective farms and declaring small villages unpromising; after the collapse of the USSR, such tendencies intensified. In contemporary Russia, more or less 'civilized life' (according to the western standards) is possible in big cities and partly in their suburbs and along the largest highways, while the rest of the country is used even less than before the Revolution of 1917.

The decline of the village is a worldwide process, the other side of the global urbanization, but at the same time it is a chronic, millennial Russian disease caused by the continuing violence against the peasants, who were not granted independence and were constantly suppressed and ruined by taxes, duties, reforms, and repressions. In the XX century, the village in the central part of Russia survived about twenty fatal blows: the Stolypin's reform, the World War I, the October Revolution and civil war, peasant uprisings, collectivization with dekulakization, famine, the Soviet-German war, guerrilla actions in the occupied regions, repressions against real and imaginary collaborators, resettlement to deserted villages from other regions, an acute shortage of men, passportization (equivalent to the abolition of serfdom for it allowed collective farmers to flee the village), enlargement of collective farms with the liquidation of 'unpromising' villages, 'amelioration', chemicalization, privatization that led to the collapse and re-birth of collective and state farms, mess with the property rights and distribution, and seasonal suburbanization (Mahrova et al., 2008) turning the traditional village into a summer settlement for urban dwellers.

In one sense or another, we can find a normal 'healthy' agriculture outside the Black Earth and the North Caucasus only at the suburbs of big cities, while the versatile peasant life and demographical-

ly stable rural population are still present among some non-Russian peoples in the Volga Region, the Urals and Siberia as rather a relic of the past than as an ethnic feature (Nefedova, 2003). Such rural communities still prefer large families and a patriarchal way of life that were typical for the Russian peasantry in the early XX century (intrafamily division of labor, labor migration to the cities, etc.). For instance, the Volga Tatars successfully combined agricultural production that involved all members of the family with the work of men in construction in the cities (construction companies in the Russian capital adapted to such a shift work) (Nefedova, Pallot, 2006).

Today the non-Russian peoples of the Volga and Ural Regions are worthy heirs of the dying peasant culture (Kagansky, 2003; Kagansky, Rodoman, 2005; Rodoman, 2003), while many Russian rural dwellers have already moved to the cities for good and lost touch with the land for they preferred to work at factories, communist party structures, state security and elite army units, and to scatter around the vast country. Small nations hold on to their native land as a unique and irreplaceable small homeland, while in the rest of the countryside, the population is declining and depredating: in many villages, there are only pensioners, and working age men living on casual earnings for they cannot find job or cannot compete with the cheap migrant labor.

Commodity agriculture leaves the village for the city suburbs and becomes a professional occupation of urban dwellers. In most of the Russian Non-Black Earth Region, the village has not yet disappeared completely and became a relic surviving by the summer activities of urban dwellers transforming the former villages around the cities into summer *dachas* (Gorod... 2001; Mahrova et al. 2008; Rodoman, 2002a). Thus, today the hopes for economic and social development of Russia are associated with big cities and their suburbanized nuclei around Moscow and strong regional 'capitals' (administrative centers of the subjects of the Federation). However, what should be done with the rest of the country, its outer and inner periphery occupying millions of square kilometers? I believe that such areas of economic decline should be turned into a prosperous natural landscape.

Abandoned lands, and renaturalization of the landscape

In Russia after 1991, the social-economic polarization, i.e. the differences and the gap between the rich influential minority and the poor disenfranchised majority, increased. At the same time the contrast between the capital and the provinces, centers and periphery aggravated at all levels: within the country, in all regions (subjects of the Federation), (rural) administrative districts, and cities. In all geographical areas of different size and rank, the relative development of the centers is accompanied by the decline of their peripheries. Thus, there are new 'wastelands' suitable for (self)-restoration of natural biocenoses.

The acute polarization of the Russian society led to the ecological polarization of the landscape, vegetation, and wild animal world. In the Non-Black Earth Region, the cultivated lands created by the labor of many generations (arable lands, hayfields, pastures) disappear in different transport-geographical conditions: on the one hand, far from big cities and main roads; on the other hand, in the pernicious proximity to the greedy urban developers. In the remote rural areas, especially in the west of Central Russia, the fields overgrown with weeds, shrubs and trees form areas of temporary successive vegetation and landscape that are metaphorically called by geographers a 'Russian savanna' (Rodoman, Kagansky, 2004).

The polarization of animal world develops in a different direction: the demanding 'aristocrats' die out (such as the leopard and tiger, though many naïve sponsors allocate considerable sums to preserve them), while the omnivorous 'plebeians' adapted to the co-existence with people survive (the number of boars, foxes, hares, elks, and sometimes even wolves changes for they either return to former habitats or prefer new ecological niches, such as the wolf that successfully crossbreeds with the dogs gone wild at the suburban dumps).

Despite considerable achievements in the environmental legislation, its application is still far from being effective. Russian laws and customs do not protect biosphere; its elements are preserved only due to the relatively poor transport accessibility, i.e. the lack of roads and the high transportation costs turn out to be environmentally friendly. The relatively poor transport accessibility of vulnerable natural objects can be maintained by speeding up and by reducing the costs of transportation within the existing rare but powerful network of a few major highways, i.e. by improving the existing roads instead of building new ones. All this would make trips to the remote peripheries slow, long, difficult and requiring excessive expenditure of precious time.

The ability of the natural landscape to self-repair should not be underestimated. In Russia, there are areas of extreme pollution and ecological disaster, vast territories with severe damage and replacement of natural vegetation, and at the same time, many landscape components that can be restored though the forests would be secondary and not wild.

Environmental potential of administrative borders

Russian cultural landscape is the result of the interaction with nature of the centralized, authoritarian and dominating state rather than of the society (Kagansky, 2001). This is especially true after the Revolution of 1917 for both Soviet and post-Soviet society. The geographical space of contemporary Russia resembles its bureaucratic structure, i.e. there is a unique centralized totalitarian landscape, in which 'vertical' (on the map — radial) links are strong, while 'horizontal' (all

other) links are weak. For example, all regions and republics are well connected with Moscow, but badly connected with each other if they are not placed along the highway to the Russian capital.

Despite the hopes for market democratization and liberalization, the totalitarian landscape of post-Soviet Russia continues to strengthen together with the 'vertical of power' due to the growing bureaucratization. The role of the officials' hierarchy and administrative barriers between territories increases. Even if this system had begun to die out, as it seemed in the 1990s, it would still have existed and affected the life in Russia by inertia for several decades. This relict archaic feature of Russia, which is apparently unknown and incomprehensible for foreign geographers, can be used for good purposes — in the interests of nature protection. The archaism of the totalitarian landscape should not be considered a problem for postindustrial (i.e. non-industrial) society for it can revive many features of pre-industrial and even 'primitive' way of life (for instance, in recreation or ecological tourism).

In a highly centralized Soviet and post-Soviet space, almost all 'productive forces' (outside the mining areas) concentrated in the centers of the 'subjects of the Federation' or, less often, in their second cities (such as Tolyatti and Cherepovets). At the regional borders, away from inter-regional roads there were sparsely populated 'dead' areas, in which traditional rural settlements in the forest zone disappeared already in the Soviet period, and the above-mentioned renaturalization of the cultural landscape and the revival of the natural landscape began.

To ensure the vitality and integrity of biosphere, natural lands should occupy a sufficient area and make up a solid massif at least in the form of green corridors. The current administrative boundaries in Russia are almost ready to form the borders of the econet, i.e. a transcontinental network of 'specially protected' (better to say 'specially saved') natural areas (SPNA) (Schwarz, 1998), which the Western Europe can only dream of for it would need to redeem and recultivate many lands and to compensate the owners for damage and lost profits, while in Russia the green border network grows by itself and outside any economy. There is a spontaneous econetization of administrative boundaries (Kagansky, 2009).

To preserve the favorable ecological potential there has to be a stable administrative and territorial division (ATD), which has not changed much in Russia since the middle of the XX century, when the regions turned into a kind of collective enterprises and feudal estates, and their borders became 'green fences' used for the now trendy national parks. The influence of administrative boundaries on the adjoining territories depends, among other factors, on the age of boundaries and their tortuosity. The ossification of cultural landscape with economic devastation, and the consequent revival of nature at the border areas are typical for old, long established and weakly meandering borders that have historical predecessors (former economic, administra-

tive, and state borders). The nodes of the boundaries ensure special 'ecophilicity', or 'biogenicity', because the junctions of (usually three) administrative territories are especially favorable for nature reserves (we call such junctions 'middle of nowhere' or 'godforsaken place').

Environmental conversion

In no other country of the world, the military forces occupy such a huge area as in Russia, and nowhere else the shooting ranges with dangerous warehouses of weapons, explosives and poisonous substances are placed so near the capital and big cities. The Russian armed forces are the command-administrative sector of the national economy inherited from the USSR and serving the top of military elites. However, the colossal energy of paramilitary institutions can be used for more humane purposes including environmental, and at first without abolition, reductions, and dismissals.

The Russian Ministry of Defense is the world's largest consolidated land user of about one-tenth of the country's territory behind the barbed wires of forbidden zones, judging by the Moscow suburbs. The gigantic Soviet power was flush with money and the Soviet land cost nothing, which is why the military forces occupied tens and hundreds of times more space than was necessary to fulfill their functions. They hid their objects in dense forests, and drove off and deported thousands of villages, which cannot be rectified though we can benefit from the consequences of such actions. Today there are good forests and rich animal world at the dilapidated military ranges; animals and birds get along with the rumbling of tanks and explosions of shells better than with the onslaught of summer residents and cars.

The location and borders of special areas do not depend directly on the ATD, and the nature management there does not depend on regional authorities, which is best for the effective protection of nature. The military forces' territories of Russia are potential nature reserves by both their landscape and geographical location. It is in our interests that the military departments retain these lands as long as possible, until better times, because private owners would cut down the forests and build up the whole territory very quickly. Many Russian nature reserves and national parks include military facilities and shooting ranges, i.e. are used for their camouflaging on the geographical map. Thus, there is already some coexistence of natural landscape and military 'specially protected areas'. The very word 'protected' usually means the presence of armed guards (at military ranges, government dachas, hunting reserves, manors of 'oligarchs', and sometimes 'special natural areas').

The military forces do not at all look like friends of nature, and it will be hard to re-educate them in the ecological direction. Military towns' dwellers cut down forests and sell timber, pollute the soil and

ponds, poison the air, break the rules of hunting, stifle the fish, etc., which is stable, habitual and lesser evil compared to what will happen under the wild sale, privatization and residential development of these areas by private traders. Whatever the brave Russian warriors do at their shooting ranges, they unwittingly perform an important ecological task of keeping strangers out of the forbidden wooded areas. Today the military forces preserve the natural landscape better than the nominal nature reserves and national parks that have turned into corrupted privileged hunting grounds and forestlands with a miserable staff of dependent and powerless researchers. Certainly, there is no need in providing the military forces with more lands for the protection of nature; it is enough to preserve the existing situation for the lesser evil is the most accessible good.

At the external borders of the Russian Federation, the armed forces must retain their former functions and develop the new ones such as to defend the country against environmental aggression, undesirable immigration, and environmental and demographic pressure of the neighboring countries. The social task of self-preservation of the traditional military community is quite achievable provided the gradual transformation of some part of the Russian army into a subdivision of the international environmental police (Kagansky, Rodoman, 2004) fighting against both the buyers of the country's raw materials and Russian poachers and compradors.

The armed forces participation in the protection of nature cannot hurt their honor and dignity for the armed forces of all countries fulfill many diverse functions. The wars they are prepared to are rare and usually differ from the expected course of events, that is why in peacetime there is always a temptation to distract soldiers from their direct duties, which has been widely practiced in Russia since the Soviet period. Moreover, there are many professional security structures fulfilling a kind of intermediate functions between the real 'field' army and the police (such as border guards, internal troops, gendarmerie, units of the Ministry of Emergency Situations). The military forces are often used to help during natural disasters, forest fires, floods, earthquakes, which are all environmental issues. The current global ecological crisis can be considered an important, long and huge natural disaster requiring the help of military forces.

Interethnic division of labor and mentality

The multiethnic empires often developed an interethnic division of labor: the ruling ethnos consisting of the direct descendants of conquerors usually preferred officials and landowners positions; foreigners were engaged in various crafts, trade, and unskilled work. In the medieval society, such a division of labor was reinforced by the system of estates, castes, and confessions. In the contemporary society, it is infor-

mal due to the different access of ethnic groups to resources and according to the distribution of economic niches. In the Russian Empire, the interethnic division of labor flourished in the western and southwestern provinces, Crimea, Lower Volga Region, Caucasus, and Central Asia. In the delta of the Volga, which I studied in 1952 and 1954 during the Caspian expedition of the geographical faculty of the Moscow State University, before the Revolution of 1917 the Tatars used to grow vegetables and melons, the Kalmyks and Kazakhs (then called Kyrgyzs) were engaged in cattle breeding, and the Russians were fishermen. Today, at the beginning of the XXI century, in the Volga steppes, the descendants from the Caucasus and Kazakhstan graze the cattle, while the Koreans grow vegetables (Nefedova, 2003; Nefedova, Pallot, 2006).

The Asian peoples are well adapted to the nowadays post-Soviet reality for they preserve the patriarchal-tribal way of life and clan society with the dominance of kinship ties. Such communities do not really need formal laws; under any conflicts their representatives rarely act as independent subjects; their masters, bosses, leaders of groupings, communities or diasporas negotiate and bargain with officials for them. Ethnic Russians with nuclear families do not find strong support in their relatives or fellow countrymen, they lack partners to be trusted, solidarity and unity typical for discriminated minorities, i.e. the Russians are more scattered, atomized and defenseless against gangsters, state and security officials, and, therefore, less competitive in small business. With such a set of features, it is better to be a part of the state or a powerful semi-state corporation than to take a risk of self-employed entrepreneurship suffocated by racketeering and doomed to expropriation. Thus, in today's Moscow there is almost a medieval ethnic division of labor: immigrants from Central Asia sweep the streets, the Azerbaijanis trade at the markets, the Tatars, Tajiks and Moldovans work at the construction sites, young and middle-aged Muscovites with diplomas distribute money in offices, etc.

The ethnic inclination to some occupation and mentality are not fatal or innate; they are historically transient, capable of changing rapidly or reviving and reproducing under similar circumstances. Thus, being abroad as a diaspora or oppositional minority, the Russians can occupy 'unexpected' economic niches, while at home, in all regions of the Russian Federation, the 'title' ethnos replenishes the ruling nomenclature. When dreaming of a worthy future for Russia, one cannot ignore mentality and customs of the imperial people. For instance, in Russia the status of an official is still higher and stronger than that of a 'businessman' for all accomplishments and savings of private entrepreneurs can be expropriated by new generations of bureaucrats after the next redistribution of property. Therefore, a typical Russian is not an entrepreneur but an employee of the state that provides him with a share of income from non-renewable natural resources in the form of salary or allows him to 'graze and hunt', i.e. to plunder the nature and rob other people. Likewise, a petty 'businessman', an 'en-

36
ТЕОРИЯ

preneur' in Russia is a *de facto* powerless shadow employee of the state and security officials. The highest state power also appoints the largest owners (billionaires) or allows them to get rich.

If the local population in some Russian regions cannot (does not want or does not know how to) use land 'culturally' and does not allow it to be used by strangers or migrants (due to the mentality of a guard, economic-ethnic xenophobia, hostility or envy of active and successful 'businessmen', etc.), it is unfortunate in terms of classical political economy but very useful for the self-restoration of natural landscape. "A dog in the manger" will become a positive description if Russia chooses the 'profession' of an environmental guard. The protection of nature at the vast and sparsely populated areas is not a business, it is a police work quite traditional for the Russians due to the millennial course of their history.

Small population as an advantage

The population of Russia (about 147 million in 2016) is spread over an area of more than one and a half Europe, but on two thirds of this territory its density is less than one person per square kilometer. The calls to stop depopulation of Russia do not correspond to the conclusions of researchers that up to 80% of the current population are economically unnecessary for they are not engaged in the oil and gas industry, not useful for top officials, and not very promising as producers and consumers. To increase population for the development of production or to develop production for the growth of population are inhumane tasks, because a man should not be an object or means of manipulations, he is to be a goal. I also consider the development of production to increase the number of jobs a harmful distortion of the market economy, which leads to clogging the biosphere with things that people can deal without if they prefer a healthy way of life. There is a humane and environmentally friendly third way — to support an economy that does not need an additional labor and can protect nature with the existing population.

In Russia, the sparse population (compared with the area of the country) is an obvious advantage for the ecological specialization. The national park should not be densely populated, and in the nature reserve there should be no settlements at all. To preserve the natural landscape and low intensive ecophilic land management just by maintaining the lack of roads and by preventing the masses of people from entering the forbidden territories, we need less workers than in agriculture and mining not to speak of industrial production, business, and bureaucracy. Unlike urban or manor parks, where the 'natural' landscape is created and supported by the painstaking work of many people, national parks and especially nature reserves do not require many workers for the wild nature works freely by itself, and

our task is not to interfere. Thus, the choice is simple: (a) to develop production and increase the extraction of raw materials so as to eventually give Siberia and the Far East to China; or (b) not to carry out any activities in order to keep these lands as a nature reserve under the patronage of the United Nations, in alliance with Europe and the United States, i.e. to be responsible for the pure Sayans, Altai and Baikal to the world community.

Nature reserves and reservations

In the Russian national parks, economic activities are not prohibited but limited to the traditional rural and hunting activities of the local people, which are not only some exotic disappearing peoples for Russia is a giant natural park for the preservation of the Russians. The country needs a reliable ethno-natural reservation (specially protected areas) for those Russians who do not want to break ties with their native landscapes and rural areas (cultural heritage and a typical 'Russian' landscape imprinted in the works of artists such as old country estates and traditional Russian villages with log huts and geese and goats at the grassy streets).

Unfortunately, the term 'reservation' was distorted and discredited by the Soviet propaganda. Even today, this term is considered to represent a ghetto or concentration camp with the aborigines forced to live there, that is why it is a dangerous concept to use in public. I define the reservation as a special territory (better to say it is a specially protected area), which ensures special measures for preservation and protection of some vulnerable, defenseless, weak, disappearing, relict, rare, unique or valuable elements of natural and cultural heritage (this definition applies for humans, animals, plants and landscapes). The reservations for people are to provide their inhabitants with special privileges — compensatory and protective. The former partially compensate for the damage (rather moral than material) due to the historical trauma of the people or due to their ancestors' extermination, discrimination, and so on. The protective privileges limit the strangers and outsiders activities threatening the traditional way of life or the local landscape.

In the era of globalization and worldwide standardization, it is desirable and necessary for the states to increase their social role — not as 'sovereigns' or belligerent rivals in the struggle for resources, but as defenders of their citizens and guardians of their ethno-cultural and natural heritage. Many states and ethnic autonomies play the role of reservations for national cultures and languages. Thus, the Russian Federation is such a reservation for the Russian ethnos, while the ethnic republics within the country play the same role for non-Russian peoples.

These reservations to a greater or lesser degree take care about national languages and cultures; however, they have to extend their

care to the entire cultural landscape and its natural components. Without the native landscape the people as a whole cannot survive; when losing land or landscape the people survives only as a diaspora. In Russia, small nations without territorial autonomy usually disappear (as the Veps divided between the Leningrad Region and Karelia, and the Shorians after the liquidation of their national district in 1936). Today, it is difficult for the Russians to understand the need of 'indigenous small peoples' in special protection and patronage, but very soon, already in this century, the Russians will find themselves in the same position for there are about 150 million ethnic Russians (in the world), or 150 million Russians belonging to different ethnic groups, compared to three billions of the Chinese and Indians.

Forest parks of the eucumene

Let us imagine a big city with the planned or spontaneous functional zones — residential, industrial, commercial, warehouse, and recreational. In some respects, the entire terrestrial land is to turn into a world city (eukumenopolis) (Doxiadis 1968) with the corresponding large functional zones that would cover the whole countries to integrate them into the world economy. There will be nothing tragic or shameful, if most of Russia (northeastern Europe, Siberia, Far East, Subarctic, all mountains) becomes a recreational-ecological zone of the world, an ecological addition, a forest-park periphery of the Old World. The peripheral position in the global economy is favorable for ecological specialization, because a big forest park should be located on the outskirts of the city.

The archaic ways of life and the costs of modernization are pushed out of the 'advanced' countries to the 'backward' ones; the same happens with some environmental opportunities that were lost by Western Europe, but are still actual for Russia due to the sparse population, shortage of roads, harsh climate, and mismanagement. Every cloud has a silver lining, and one can turn limitations into advantages, i.e. it is better not to overcome 'negative' features of Russia that are considered the signs of its backwardness in pursuit of 'world standards' and 'world level', but to use and develop these features in order to solve new tasks.

The more people are concentrated in the west and south of Eurasia, the less industry, population and cities should remain in the northeast. Russia can conquer the humankind not with weapons, but with a unique contribution to the preservation of biosphere; Russia can become an ecological pole of the entire eastern hemisphere. Once again, we can compare the whole world with a city: it is better for health to live in a quiet and green sleeping quarter than in a noisy city center crowded with people and transport; thus, the whole country can play

the role of a quiet and green sleeping quarter for the globe instead of striving in vain to become an industrial or financial world center.

Ecophilic nature management

If Russia is destined to remain a nature adjunct of the developed countries, its main export resources, unlike oil and gas, should be easily renewable or not at all consumed. The ecological specialization presupposes an ecophilic economy in most of the country: extensive animal husbandry including semi-wild livestock, fishing, hunting, gathering, fish and wildfowl farming — for consumer, sports, and commodity purposes (for domestic and foreign markets); and ecological tourism (Drozdov, 2005) — activities aimed at information and spiritual contacts with the natural landscape as a source of impressions rather than of raw materials and goods, without appropriation or destruction of natural resources (we get the same impressions in museums and at exhibitions).

The descendants of peasants that moved to the city do not break with the village: they visit it every summer and rebuild the old family house. Many Russians, for a long time or permanently living abroad, and their descendants will visit their ‘historical homeland’ as tourists; at the same time the Russian exotics, harsh nature and opportunities for extreme tourism will also attract ‘real’ foreigners. Under the global urbanization, Russia can take on the function of the ‘sub-urban zone of the world’ and become a source and reservoir of clean water and air, a place for physical and spiritual recovery. However, its main and primary task would be conservation of natural territorial complexes, biogeocenoses, elements of biosphere, and the global climate. Thus, Russia would have to get rid of any kind of tourism, even the most ecological, and of any economic activity, even the most eco-friendly, if they hinder the nature protection.

The key and fatal question for Russia is not “What to do?” but rather “What not to do?”. The country should refrain from harmful, ecophobic activities as the Soviet maintenance of the military-industrial complex and the post-Soviet plunder of nature to receive compensation from rich, more ‘developed’ countries. There is an opinion that Western Europe already owes Russia as an ecological donor for the oxygen produced by our forests and swamps (Golts, 2002), and for the refusal to use in agriculture those chemicals that pollute the seas through rivers. In other words, the main source of Russian income should be benevolent non-action rather than activities.

Non-interference in the natural process is typical for agronomy, when the farmer leaves his plants alone for a while. The state’s principle ‘laissez faire, laissez passer’ as a non-interference in the economy often determined its growth and flourishing. The benevolent inaction, or fruitful non-interference, means that we trust someone

and grant him freedom for self-development and self-organization. Today it is believed that one must act and have proper financing to achieve necessary results though such a position and the corresponding course of action are destructive for biosphere and society; the humankind is mad with the mania of activity and lacks the understanding of non-action goodness.

Labor in the 'developed' countries became so productive that it denies the necessity of labor in the countries with low productivity and vicious labor relations; the world says goodbye to the dominance of wage labor and full employment (Beck, 2001). It is very likely that soon most of the world population will live on benefits. Russia is 'ahead of the planet': we have a huge territory outside the cities, whose dwellers live only on benefits and pensions that should be increased to support rural resettlement with the help of foreign sponsors interested in preserving the Russian nature. I believe that to keep the forests of Siberia and the Baikal as environmental resources of world importance rich countries should financially support several millions of Russians.

If the majority of Soviet people received state salaries for the useless and harmful pseudo-work, then why their descendants, i.e. new generations of Russians, should not receive decent salaries from other states for the useful abstinence from harmful activities? It is better to be an open, honest and legal 'unemployed', usually a workaholic of the household raising children, engaged in arts, hobbies or one's own business, than to imitate work in some state institution to fool the population, to produce tons of useless papers or to extort bribes.

Certainly, the world is on the threshold of a radical change in labor relations, but we lack adequate terms to describe the situation for our usual words 'labor', 'employment', 'salary', etc. do not help to understand the course of events. If Russia wants to become a paid ecological donor, there has to be an information campaign in the 'advanced' countries to reinforce the development of science and changes in the international public opinion. If we want ordinary people to get at least a part of the compensation for the country being an ecological donor, the state should cease to be dominant (protecting the interests of the ruling elite) and should become serving (all citizens as taxpayers that hired and control the state).

Priority of uniqueness and a 'special path' of Russia

In the middle of the XX century in Soviet Azerbaijan, the Lenkoran unique subtropical forests were cut down in order to 'fill Moscow with tomatoes', which was determined not only by the decision of officials 'from above' but also by the pressure of the people's market economy 'from below' (collective farms and household plots). A few decades

later, the USSR similarly destroyed the West Siberian and Yakut taiga to fill Europe with oil and the world with diamonds. Some Russian economic geographers opposed such a conformist use of natural resources for they believed that every territory should provide only its unique production (Rakitnikov, 1970). This rule can be extended to all human activities and called a priority of uniqueness.

From the common sense perspective, the choice of specialization by a country or region is quite similar to the choice of profession. If a person has unique abilities, for instance in the arts or science, he has to be freed from earning a living by the routine work affordable by millions of other people. However, the current market or pseudo-market economy of post-Soviet Russia does not contribute to the flowering of uniqueness of either individuals or regions. The theorists of globalization advise the developing countries not to strive to do everything that the developed countries already do, but to rely on their specific capabilities to avoid the international competition. Certainly, some 'third world' countries do achieve high economic efficiency and competitiveness in some sectors of the economy based on the predatory use of non-renewable natural resources and on the violation of decent working conditions (Beck, 2001), but this is a dead-end path leading to the collapse. Russia also must begin preparations for getting off the oil-gas needle.

Russia's special path or common path with the humankind is an annoying dilemma for there is a third path — registration and use of our geographical specificity, the priority development of our natural and cultural heritage. The geographical specificity as a resource for development is excellently used by such microstates as Andorra and Monaco; the huge size of Russia makes its geographical features to be of a global importance.

Ecologization as a supporter of 'post-industrialization'

The proposed ecologization program concerns mainly the land but not the employment of the Russian population. It does not suggest that all Russians should become hunters and fishermen, watchmen and huntsmen, serve in the environmental police or portray villagers and shepherds for the fun of tourists, etc. I propose ecological specialization for that large part of Russia that is very sparsely populated (the dark part of the country on the night photos of the Earth). The remaining relatively small area, which consists of fragments scattered mainly in the southwest and is a permanent residence of the overwhelming majority of Russian citizens, must retain another specialization to respond to the challenges of the post-industrial XXI century. Thus, the transformation of the greater part of Russia into a nature reserve will rather help than prevent its big cities from becoming the centers of science and high technologies.

Moreover, the townspeople will get a healthier natural environment for everyday life and creative work; for instance, the work of an engineer, programmer, and scientist perfectly combines with ecological tourism and even seems to be impossible without it. It is no coincidence that the tourism leaders in the USSR were engineers, technicians and scientists of the military-industrial complex: they coped with their serious work, because they learned how to physically and spiritually heal and strengthen themselves in the wild nature that became for them a quasi-religion. It turns out that our 'great power' successes in the arms race and space exploration were largely determined by the hiking tourism.

Russia should not strive to return to the industrial world for it has already lost the chance. All non-military non-food goods that can be produced in Russia and be competitive would make a tiny drop in the world economy, which is not worth a try. However, Russia could focus on research, experimental small-scale and pilot production, and sell its scientific and technical achievements for the mass production in densely populated countries. Russia has already lost its 'working class' but can still ensure conditions for the reproduction of engineers, designers, and scientists. The Russians themselves are to ensure the prosperity of our big cities in the post-industrial era, while most of the country with the insignificant part of the population should be left to plants and animals.

References

- Beck U. (2001) *Chto takoe globalizacija?* [What is Globalization?]. Moscow.
- Golts G.A. (2002) *Kul'tura i ekonomika Rossii za tri veka, XVIII–XX vv.* [Russian Culture and Economy for Three Centuries. XVIII–XX]. Vol.1. Mentalitet, transport, informacija (proshloe, nastojashhee, budushee). Novosibirsk.
- Gorod i derevnja v Evropejskoj Rossii: sto let peremen* (2001) [Town and Village in European Russia: A Century of Changes]. Moscow.
- Drozdov A.V. (2001) *Osnovy ekologicheskogo turizma* [Bases of Ecological Tourism]. Moscow.
- Kagansky V.L. (2001) *Kul'turnyj landschaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo* [Cultural Landscape and Soviet Inhabited Space]. Moscow.
- Kagansky V.L. (2003) *Vnutrennij Ural* [Inner Ural]. *Otechestvennye zapiski*, no 3.
- Kagansky V.L. (2009) *Prostranstvo v teoreticheskoj geografii shkoly B.B. Rodomana: itogi, problemy, programma* [Space in the theoretical geography of the Rodoman's school: Results, challenges, and a program]. *Izvesija RAN. Serija: Geografija*, no 2.
- Kagansky V.L., Rodoman B.B. (2004) *Ekologicheskie blaga rossijskogo militarizma* [Environmental benefits of Russian militarism], *Otechestvennye zapiski*, no 1.
- Kagansky V.L., Rodoman B.B. (2005) *Neizvestnaja Chuvashia* [Unknown Chuvashia]. *Gumanitarnaja geografija*, vol. 2. Moscow.
- Mahrova A.G., Nefedova T.G., Treivish A.I. (2008) *Moskovskaja oblast' segodnja i zavtra: tendencii i perspektivy prostranstvennogo razvitija* [The Moscow Region Today and Tomorrow: Tendencies and Prospects for the Spatial Development]. Moscow.
- Nefedova T.G. (2003) *Sel'skaja Rossija na pereput'e: Geograficheskie ocherki* [Rural Russia at the Crossroads: Geographical Essays]. Moscow.
- Nefedova T.G., Pallot J. (2006) *Neizvestnoe sel'skoe hozjajstvo, ili Zachem nuzhna korova?* [Unknown Agriculture, or Why Do You Need a Cow?]. Moscow.
- Rakitnikov A.N. (1970) *Geografija sel'skogo hozjajstva (problemy i metody issledovanija)* [Geography of Agriculture (Challenges and Methods of Research)]. Moscow.

- Rodoman B.B. (2002) *Poljarizovannaja biosfera* [Polarized Biosphere]. Smolensk.
- Rodoman B.B. (2002a) Velikoe prizezhenie (paradoksy rossijskoj suburbanizacii) [Great land- ing (the paradoxes of the Russian suburbanization)]. *Otechestvennye zapiski*, no 6.
- Rodoman B.B. (2003) Bashkirija: nachalo puti [Bashkiria: The beginning of the way]. *Otechest- vennye zapiski*, no 3.
- Rodoman B.B. (2004) Ekologicheskaja specializacija Rossii v globalizirujushhemsja mire: "ne- standartnoe reshenie"? [Ecological specialization of Russia in the globalizing world: A 'nonstandard solution'?]. *Puti Rossii: sushhestvujushhie ogranichenija i vozmozh- nye varianty*. Moscow.
- Rodoman B.B. (2006) Ekologicheskaja specializacija Rossii v globalizirujushhemsja mire (Proekt nestandardnogo reshenija) [Ecological specialization of Russia in the globaliz- ing world (A draft 'nonstandard solution')]. *Obschestvennye nauki i sovremennost*, no 2.
- Rodoman B.B., Kagansky V.L. (2004) Russkaja savanna [Russian savanna]. *Geografija*, no 5. *Rossija i ejo regiony. Vneshnie i vnutrennie ekologicheskie ugrozy* (2001) [Russia and Its Re- gions. External and Internal Threats]. Pod. red. N.N. Kljueva. Moscow.
- Shvarts E.A. (1998) Ekologicheskie seti v Severnoj Evrazii [Ecological networks in Northern Eurasia]. *Izvestija RAN. Serija: Geographija*, no 4.
- Doxiadis C.A. (1968) *Ekistics: An Introduction to the Science of Human Settlements*. N.Y.

Экологическая специализация — желательное будущее России

Борис Борисович Родоман, доктор географических наук, E-mail: bbrodom@mail.ru

По мнению автора, Россия обладает огромными площадями мало измененного людьми природного ландшафта и потому может стать глобальным экологическим донором, обеспечивающим сохранение биосферы на всей планете. Концентрация населения в городских агломерациях, малолюдность и бездорожье в бывшей сельской местности, обширность военных полигонов, занятых лесами и степями, одичание ландшафта вдоль административных границ благоприятствуют превращению большей части российской территории в природные заповедники и парки, а также сохранению природы в охотничье-промысловых и рыболовных угодьях в целях экофильного землеприродопользования. Экологическая специализация и рекреационная роль пригородной зоны эйкуменополиса могла бы стать приоритетным сектором российского народного хозяйства и обеспечить нашей стране уникальное, незаменимое место в мировом сообществе, принципиально отличное от ее нынешней позиции в глобальной экономике как преимущественно экспортера невозобновляемых энергоресурсов, которая ставит страну в будущем в рискованную зависимость от различных нестабильных факторов, определяющих добычу и потребление данных ресурсов. В статье предложен проект изменения и расширения роли России как поставщика природных ресурсов и гаранта условий, необходимых для выживания и развития всего человечества. Автор убежден, что главным богатством нашей страны являются не отдельные полезные ископаемые или виды растительного и животного сырья, а весь природный ландшафт, или вся совокупность природных компонентов культурного ландшафта. Сохранение и поддержание природного ландшафта как важнейшего фрагмента биосферы, его материально-вещественное и духовно-информационное потребление без разрушения и истощения должно стать приоритетной отраслью российского народного хозяйства.

Ключевые слова: Россия; экологический донор; биосфера; национальная экономика; природный ландшафт; культурный ландшафт; экофильное землеприродопользование; экологическая специализация

«Я благодарю судьбу за то, что она толкнула меня на путь аграрной проблематики»

Интервью А.М. Никулина с Э.Н. Крылатых

Эльмира Николаевна Крылатых, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой управления фирмой Высшей школы корпоративного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 84. E-mail: elmira-kr@yandex.ru

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 84. E-mail: nikulin@ranepa.ru

В своем интервью журналу «Крестьяноведение» академик РАН Эльмира Николаевна Крылатых, замечательный исследователь агропродовольственной сферы России и Европы, автор более 250 научных работ, профессор, под руководством которого подготовлено и защищено более 30 докторских и кандидатских диссертаций, размышляет над главными вехами своего жизненного и научного пути, определяет основные тематические и институциональные направления трансформации советской и постсоветской аграрной науки.

В интервью даются характеристики советским научным направлениям исследования аграрной экономики, связанным с созданием сети опорных пунктов в исследовательской проблематике Всесоюзного института экономики сельского хозяйства, где изучением себестоимости колхозной продукции занималась Э.Н. Крылатых. Также особое внимание уделяется описанию становления и развития экономико-математического моделирования аграрной экономики во Всесоюзном НИИ кибернетики Министерства сельского хозяйства СССР, где Э.Н. Крылатых подготовила и защитила докторскую диссертацию «Проблемы планирования сельскохозяйственного производства на основе системы экономико-математических моделей».

Интересные характеристики научным разработкам и ученым, ими занимающимся, даются в интервью в связи с размышлениями об особенностях организации и развития науки на экономическом факультете МГУ, в Аграрном институте ВАСХНИЛ и Академии народного хозяйства, впоследствии трансформировавшейся в РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. Особое внимание на протяжении всего интервью уделяется размышлению над случайностями, определяющими закономерности жизни и судьбы человека в науке.

Ключевые слова: экономический факультет МГУ, экономика колхозов, экономико-математическое моделирование, организация науки, аграрная наука в СССР, постсоветская трансформация аграрной науки

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-3-44-56

А.М. НИКУЛИН: Эльмира Николаевна, расскажите, пожалуйста, как и почему Вы занялись исследованиями аграрной экономики?

Э.Н. КРЫЛАТЫХ: Я благодарю судьбу за то, что она толкнула меня на путь аграрной проблематики. У меня в семье не было людей, которые занимались сельской сферой, вот и мои внучки говорят: «Бабушка, ты у нас первый аграрник в семье». Как это произошло? Я поступила на экономический факультет МГУ, это был 1951 год, интересный год. На третьем курсе у нас появился Юрий Талыпин, который тогда был аспирантом последнего года обучения. Он выступил в нашей группе и сказал, что сейчас нет ничего интереснее аграрных дел: «Может, среди вас найдется чудак или чудачка, кто поверит мне и встанет на сельский путь?» А у меня элемент авантюризма заложен в характере — я и заинтересовалась.

А.М. НИКУЛИН: А сельскохозяйственный пленум, хрущевско-маленковский, обозначивший новые перспективы развития села, к тому времени уже состоялся¹?

Э.Н. КРЫЛАТЫХ: Кажется, да. Я задала Талыпину несколько вопросов, он на меня обратил внимание. После его выступления я подошла к нему и сказала, что у меня есть интерес к селу. Он говорит: «Хорошо, тогда летом поедем в Сталинградскую область, будут практические занятия в течение месяца». И вот собралось нас 15 человек, мы поехали в область, работали в МТС, познакомились с документами, изучали саму технологию сельскохозяйственного производства и т. д. Когда вернулись в Москву, я поняла — меня это очень привлекает. Мне интересно. Это возможность что-то действительно новое узнать про совершенно другой образ жизни, другие технологии. На следующий год, после четвертого курса, опять поехали на «село» те, кто выбрал аграрную тему для своих будущих дипломных работ, на этот раз в Рязанскую область. Опять интересная стажировка: и в колхозе, и в МТС. Короче говоря, я написала дипломную работу «Хозрасчет в МТС».

Нас с Сашей Анчишкиным, моим хорошим товарищем и будущим академиком², рекомендовали в аспирантуру. Но тут произошло следующее: мы сдали экзамены в аспирантуру, а ЦК КПСС в это время принял решение, что для поступления в аспирантуру, осо-

*А.М. Никулин,
Э.Н. Крылатых*
«Я благодарю
судьбу за то, что
она толкнула меня
на путь аграрной
проблематики»

1. Имеется в виду Сентябрьский пленум ЦК КПСС, рассматривавший вопрос «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР», который состоялся 3–7 сентября 1953 г. в Москве.
2. Анчишкин Александр Иванович (1933–1987) — академик АН СССР, лауреат Государственной премии СССР, первый директор Института экономики и прогнозирования научно-технического прогресса АН СССР в 1985–1987 гг. Воспоминания об Анчишкине см.: *Крылатых Э.Н.* (2013). Радость и грусть воспоминаний // Очерки о жизни и научной деятельности академика А.И. Анчишкина. М.: ИНФРА-М. С. 46–53.

бенно в аспирантуру МГУ, необходимо для начала отработать два года. И наш замечательный факультет, несмотря на то что мы там «звездами» были, как-то равнодушно отнесся к нашей судьбе. Мне пришлось самой искать себе работу.

Здесь вот начинается то, что в моей жизни оказывается «судьбоносной случайностью». Из какой-то ситуации, которая кажется совершенно не имеющей отношения к делу, вдруг вырастает что-то существенное. И таких случаев было несколько. Первый: я иду по Садовому кольцу и вижу на здании Минсельхоза вывеску «Всесоюзный институт экономики сельского хозяйства». Я остановилась, посмотрела, а потом подумала: «А что же это такое?» Зашла, там стоял милиционер, я ему говорю: «Мне надо тут повидаться с одним человеком». Он: «А где он работает?» Я что-то соврала и прошла. Нашла какой-то кабинет, зашла туда, там оказалась женщина, она позднее стала заместителем директора института, Нина Тимофеевна Батова. Я сказала, кто я, чем занимаюсь. Она так обрадовалась, сразу стала меня Элечкой называть: «Элечка, ты же наш человек, давай поступай в наш институт». Они в конце 1955 года только-только образовались как институт и теперь набирали сотрудников. Таким образом, первая случайность, которая произошла в моей жизни, это было попадание во Всесоюзный институт экономики сельского хозяйства, Александр Иванович Тулупников был его руководителем³. Этот институт создавал сеть опорных пунктов для исследования сельского хозяйства в 20 районах СССР. Мне Нина Тимофеевна говорит: «А может быть, тебе поехать на какой-то опорный пункт?» Мне сразу понравился колхоз «Рассвет» Кировского района Могилевской области. Его председателем был Орловский Кирилл Прокопьевич, Герой Советского Союза, Герой Соцтруда. Не прошло и недели, меня отправили в «Рассвет», где я проработала без малого три года. И мое формирование как будущего специалиста и работника науки проходило именно там. Это было совершенно потрясающее время: каждый день мы общались с Орловским! А это потрясающий человек! Частенько он приходил к нам в кабинет после тяжелого дня и часа по полтора-два рассказывал о том, как складывалась его жизнь. Он был партизаном, разведчиком, работал в Китае. В общем, не человек, а целая вселенная!

А.М. НИКУЛИН: Неужели это тот самый легендарный Кирилл Орловский, чекист, герой гражданских войн в Советской России и Испании, руководитель грозного партизанского отряда «Соко-

3. Тулупников Александр Иванович (1908–1988), член-корреспондент ВАСХНИЛ, был директором ВНИИ экономики сельского хозяйства в 1955–1962 гг. Позднее работал во ВНИИ информации и технико-экономических исследований по сельскому хозяйству и в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР.

лы» в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны, председатель первого советского колхоза-миллионера?! Ведь полагают, что именно его образ послужил прототипом для русского героя книги Хемингуэя «По ком звонит колокол?» и главного героя советского кинофильма «Председатель»⁴. Невероятно!

Э.Н. КРЫЛАТЫХ: Да! Это — он. Конечно, эти стороны своей политической биографии он не очень затрагивал, но вообще о жизни говорил много. Его дочь Светлана немного моложе нас, уже в колхозе он женился еще раз, но Светлана довольно часто к нему приезжала. Там мы с ней и познакомились. Несколько лет тому назад, когда отмечали юбилей Кирилла Прокофьевича в Институте экономики, Светлана много рассказала о нем.

Я считаю, что эта «случайность» на Садовом кольце — исходная — сыграла в моей жизни большую роль. Опорный пункт и К.П. Орловский ознаменовали первый этап моего профессионального становления. Кстати, именно когда я работала на опорном пункте, начали экспериментально рассчитывать себестоимость колхозной продукции. Методику разработал Всесоюзный институт экономики сельского хозяйства, а наша задача на опорном пункте заключалась в том, чтобы проверить, как эта методика может быть использована и есть ли действительно там информация, которая необходима для расчета себестоимости. Секретарь райкома партии — очень интересный человек был (я не помню его фамилии) — на одном заседании высказался так: «Хорошо, по «Рассвету» они все рассчитают, а у нас в районе 18 колхозов. Вот если поставить задачу, чтобы расчеты по себестоимости были по всем 18 колхозам. Мы могли бы тогда сравнивать и понимать, как работает каждый колхоз». Тогда нам дали в помощь еще ребят, и мы в течение полугода ездили по всем колхозам, где и использовали уже проверенную методику расчета.

Такая работа нас очень увлекала. Когда начали появляться конкретные показатели, мы вообще стали нарасхват: каждому колхозу было интересно посчитать свою себестоимость. Даже были случаи, когда меня «уволакивали» в один колхоз, Тоню, которая была моей начальницей, — в другой, и мы работали таким образом. Когда прошло 2,5 года, я решила все-таки поступить в аспирантуру, тем более у меня уже было собрано много материалов. А.И. Тулупников был в то время директором Всесоюзного института экономики

*А.М. Никулин,
Э.Н. Крылатых*
«Я благодарю судьбу за то, что она толкнула меня на путь аграрной проблематики»

4. Орловский Кирилл Прокофьевич (1895–1968) — в 1918–1938 гг. служил в ЧК, Разведуправлении РККА, ОГПУ–НКВД, в 1942–1943 гг. командовал крупным партизанским отрядом на территории Белоруссии; Герой Советского Союза (1943). Уволенный со службы после ранения и ампутации руки, по личной просьбе в 1945 г. избран председателем колхоза «Рассвет», который под его руководством стал одним из лучших. Герой Социалистического Труда (1958).

сельского хозяйства, и я благодарна, что он согласился стать моим научным руководителем.

А.М. НИКУЛИН: А аграрник Григорий Григорьевич Котов, учитель Татьяны Ивановны Заславской, тоже там работал?

Э.Н. КРЫЛАТЫХ: Да, он был заместителем Тулупникова. В общем, у меня дело в Институте пошло хорошо. Кроме всего прочего, я была шахматисткой, 2-й разряд имела, а в Институте проходили турниры. И помню, я заняла первое место среди мужчин. Так сказать, завоевала себе еще одно признание.

А насчет диссертации скажу — материал был по Белоруссии, и Александр Иванович мне сказал, что надо будет ехать защищаться в Белорусском институте экономики сельского хозяйства в Минске. Защита состоялась там. Было трогательно. Представляете, секретарь райкома партии, женщина, приехала на защиту, прекрасно выступила, что было для меня приятно. Так что защита прошла успешно.

А.М. НИКУЛИН: Вы писали по материалам расчета себестоимости?

Э.Н. КРЫЛАТЫХ: Да, по проблемам снижения себестоимости⁵. Моим первым оппонентом был д. э. н. Михаил Иванович Горячкин, а вторым — Владимир Васильевич Милосердов⁶. Он очень хорошо выступил на защите, но покритиковал меня за что-то. Я тогда только вышла замуж, все было одновременно. С тех пор уже более 50 лет дружим с Милосердовыми семьями. Короче говоря, наша многолетняя дружба тогда так и началась.

А.М. НИКУЛИН: Получается, в 1963 году вам 30 лет, вы защитили диссертацию и продолжили работать в своем же институте?

Э.Н. КРЫЛАТЫХ: Да, продолжала работать в ВНИЭСХ до 1969 года. А потом начался второй этап моей жизни, который был еще интереснее. В 1969 году был создан Всесоюзный НИИ кибернетики Минсельхоза СССР, и я рванула в него.

А.М. НИКУЛИН: Раз Вы играете в шахматы, то, наверное, и статьи у Вас экономико-математические есть?

5. *Крылатых Э.Н.* (1963). Себестоимость колхозной продукции и пути ее снижения (На примере колхозов Кировского района Могилевской обл.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Акад. наук БССР. Минск.

6. Милосердов Владимир Васильевич — академик ВАСХНИЛ/РАН, официальный сайт ученого: <http://vladimir.miloserdov.name/index.php>

Э.Н. КРЫЛАТЫХ: Да, у меня были хорошие математические способности. Кстати, такая интересная деталь — когда я поступала в МГУ, там был большой зал, где сидели представители всех факультетов. Я ходила кругами и три раза подходила к столику механико-математического факультета, поскольку окончила школу с золотой медалью и математику любила, то думаю, а не поступить ли на математику, на мехмат. Я присела к их столу, поговорила, а потом опять стала ходить по залу. А когда подошла к столику экономического факультета, вдруг выходит человек и говорит: «А что вы все ходите?» — «Думаю, куда поступать». — «Какие могут быть вопросы? Конечно, к нам, на экономический факультет». В общем, это оказался Вася Хачатуров, аспирант и спортсмен.

Короче говоря, после таких метаний между экономическим и математическим я написала заявление на экономический. Но все-таки потом вернулась в математику, кибернетику — именно потому, что какое-то такое ощущение математической нереализованности у меня сохранялось, поэтому я с огромным удовольствием принялась осваивать методы моделирования.

А.М. НИКУЛИН: Получается, каждый раз что-то «новое» — только что созданный Институт экономики сельского хозяйства, потом новые опорные пункты, и вновь новый институт?

Э.Н. КРЫЛАТЫХ: Да, в этом сказывается какая-то особенность моей судьбы. В Институте кибернетики вначале я была руководителем сектора, потом отдела, потом стала заместителем директора при директоре Ростиславе Григорьевиче Кравченко.

А.М. НИКУЛИН: А Кравченко был по образованию математиком?

Э.Н. КРЫЛАТЫХ: Нет, он был экономистом-аграрником, но имел большой интерес к математике, к моделированию. И когда мы познакомились с Леонидом Витальевичем Канторовичем⁷, он просто нас взял под свою опеку. Это было тоже очень важно, потому что Канторовича все знали. И мы проводили очень интересные конференции, ездили по республикам, были несколько раз в Белоруссии и на Украине. Потрясающе интересная работа была. Это Ростислав Григорьевич придал мне импульс для разработки системы моделей планирования АПК (или сельского хозяйства)⁸. Я разработала общую схему, систему моделей, и мы продолжили работать. Кто-то делал одну модель, кто-то другую, собирали, анализировали

7. Канторович Леонид Витальевич (1912–1986) — математик и экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике 1975 года.

8. В соавторстве с ним была написана книга: *Кравченко Р.Г., Крылатых Э.Н.* (1975). Автоматизированная система управления в сельском хозяйстве. М.: Колос.

данные — с 1969-го по 1978-й — девять лет. Докторскую диссертацию я писала именно по моделированию, по специальности 08.00.13. Она была посвящена системам моделей планирования АПК, защита состоялась в 1977 году⁹. Одним из оппонентов стал академик Александр Иванович Анчишкин.

У меня была готова докторская в Институте кибернетики, но как-то не было ясности, кого приглашать в оппоненты. И тут произошел вообще фантастический случай. Мы с мужем¹⁰ поехали на два дня отдохнуть в какой-то подмосковный дом отдыха. Стояли у фонтана. Вдруг подбегает к нам девушка (мой муж был с ней знаком, поскольку они работали вместе) и говорит ему: «Лёва, а это что, Эля?» Она не знала, что он на мне женат. Она была нашей студенткой когда-то, и потом они поженились с Сашей Анчишкиным. Она на два года была моложе его. Оказывается, они приехали тоже на два дня сюда же, и она увидела Лёву. А когда уже Саша к нам подошел, это было такое потрясение — мы с ним не виделись, наверное, лет десять.

а.м. никулин: А как же так произошло? Я, конечно, понимаю, что это время еще без интернета и мобильных, но вы оба жили в Москве и не пересекались? Вы же коллеги в академическом мире.

э.н. крылатых: Нет, он, конечно, знал, кто я и где я, но почему-то лично мы очень долго не встречались. Фантастическая вообще история: тут он узнает, что скоро моя защита, а он тоже занимается моделированием. И мы договорились, что он будет моим оппонентом. Он в это время еще не был директором Института народнохозяйственного прогнозирования, но уже был известен в научных кругах¹¹. Его выступление в качестве первого оппонента было очень хорошим. И потом он мне говорит: «Давай-ка переходи ко мне в институт». Я и пошла к нему в институт, на полставки. Тогда же стала работать на экономическом факультете МГУ: Саша Анчишкин там был зав. кафедрой планирования народного хозяйства. Девять лет я проработала на этой кафедре, было очень интересно. Во-первых, там продвигали экономическое моделирование,

-
9. *Крылатых Э.Н.* (1977). Проблемы планирования сельскохозяйственного производства на основе системы экономико-математических моделей. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / Всесоюз. науч.-исслед. ин-т кибернетики. М. Внешний отзыв на диссертацию дал Л.В. Канторович. На основе диссертации опубликована монография: *Крылатых Э.Н.* (1979). Система моделей в планировании сельского хозяйства. М.: Экономика.
 10. Супруг — Лев Николаевич Лапотников.
 11. А.И. Анчишкин в 1977 г. был членом-корреспондентом АН СССР, работал зав. отделом народнохозяйственного прогнозирования Центрального экономико-математического института АН и по совместительству зав. кафедрой планирования народного хозяйства МГУ.

многие ребята писали курсовые по моделям. Во-вторых, я попробовала проводить занятия в виде деловой игры, что было для экономического факультета в новинку. Одна из деловых игр имитировала разработку народнохозяйственного плана и получила поддержку деканата. Но Саша Анчишкин скоропостижно умер в 54 года, с новым заведующим кафедрой Владимиром Федоровичем Майером у меня отношения не складывались, и я ушла с факультета.

И вновь неожиданный поворот в моей судьбе: в 1989 году был создан Аграрный институт ВАСХНИЛ, куда меня пригласил его директор академик ВАСХНИЛ Александр Александрович Никонов¹². Через какое-то время я стала его заместителем.

А.М. НИКУЛИН: Да, такие надежды с ним связывались, что вот создается в период перестройки принципиально новая аграрно-исследовательская структура — аграрный институт нового типа... А какими направлениями Вам пришлось заниматься в Аграрном институте?

Э.Н. КРЫЛАТЫХ: По сути, это тоже были разработки прогнозного характера, а также тематика межотраслевых связей. Также была там и социальная проблематика.

А.М. НИКУЛИН: Вы, получается, застали там момент распада СССР. И как-то это повлияло на тематику института?

Э.Н. КРЫЛАТЫХ: Конечно, и очень сильно. А когда погиб, попав под автомобиль, Александр Александрович Никонов, я на полставки осталась в Аграрном институте, а на полную ставку перешла в Академию народного хозяйства. А в АНХ тоже, можно сказать, случайно попала. Я еще работала в институте у Анчишкина и в коридоре встретила как-то профессора Владимира Константиновича Фальцмана, с которым мы были знакомы. Он меня останавливает и спрашивает: «Эльмира Николаевна, Вы вообще здесь долго работать собираетесь? Я перехожу в Академию народного хозяйства. Переходите и Вы». И я перешла в АНХ. Абел Гезович Аганбегян меня знал хорошо и встретил приветливо. Здесь в 1993 году была создана Российско-немецкая высшая школа управления (РНВШУ). И мы очень хорошо работали в ней. Фальцман был деканом, а я была у него заместителем.

А.М. НИКУЛИН: Это была совместная германско-российская магистратура?

12. Никонов Александр Александрович (1918–1995) — академик, президент ВАСХНИЛ (1984–1992).

Э.Н. КРЫЛАТЫХ: Да, отчасти, но в основном у нас занимались взрослые люди, это было дополнительное высшее образование. Это был совместный проект с Магдебургским университетом, мы очень часто с нашими слушателями ездили в Германию, проводили там научную работу. У нас были годовые и полуторагодовые программы, мы оказались весьма востребованы, между прочим, даже Сбербанк к нам обращался. Так что Российско-немецкая школа внесла хороший вклад в подготовку наших экономических и управленческих кадров, в 1990-е годы программа была очень заметна.

Тем временем здесь, в Академии народного хозяйства, благодаря, конечно, Аганбегяну мне даже дали двухкомнатную квартиру, рядышком, на улице Анохина. Я очень благодарна. Это прекрасно, очень удобно: Тропаревский парк, метро рядом, работа рядом. Для научного работника это очень важно, чтобы такая комфортная обстановка была.

Однако через какое-то время у РНВШУ начались трудности, и я предложила Владимиру Константиновичу соединиться с Высшей школой корпоративного управления¹³, деканом которой был д.э.н. Сергей Оганович Календжян. Мы с ним были знакомы еще по МГУ, когда я там работала как профессор, а он защищал кандидатскую диссертацию. Три года назад было принято решение объединить наши два факультета. К сожалению, у Фальцмана как-то не получилось работать в этом объединенном варианте. Потом его пригласили на другой факультет, где не было никаких организационных забот, а полностью научная работа, что его очень устраивало.

А.М. НИКУЛИН: Примерно к этому времени относятся несколько очень интересных Ваших совместно с Т.И. Заславской и М.А. Шабановой исследований слушателей программ МВА в Академии народного хозяйства.

Э.Н. КРЫЛАТЫХ: Да, была такая исследовательская работа. Кстати, идея принадлежала мне, но проводить эти исследования без Заславской и Шабановой было бы невозможно. Была разработана (и Фальцман в этом участвовал) методика социологического опроса слушателей АНХ. Обработали информацию, выступили с этими результатами на Ученом совете АНХ (еще при А.Г. Аганбегяне это было). Результаты исследования произвели такое сильное впечатление, что Ученый совет АНХ принял решение использовать эту методику и повторить это исследование в масштабах всей Академии. Мы с интервалами в два года сделали эти опросы, первый мы провели в 2004 году, второй в 2006 году. Около полутора тысяч слушателей МВА и студентов было опрошено, между прочим. В 2007

13. Высшая школа корпоративного управления существует на правах факультета РАНХиГС.

году мы выпустили книгу «Новое поколение деловых людей России»¹⁴. Это было знаковое явление, книгу приняли очень хорошо. Тем более что 2007 год был юбилейный для Академии.

В этом году, но только на нашем факультете ВШКУ, мы повторили это исследование, чтобы понять, что происходит десять лет спустя, каково новое поколение. Я разработала методiku, мы провели опрос, но уже около 300 человек и только по нашему факультету. Мы опубликовали результаты. Кстати, меня вообще очень интересует все связанное с социологией и психологией. У меня и дочь — психолог, сейчас работает на кафедре. Мы подготовили очень интересный проект «Самореализация личности», она уже два года проводит занятия по этой теме. Я время от времени хожу к ней на занятия, наблюдаю.

А еще у меня есть нереализованная мечта — акмеология — это изучение психологии зрелых людей, которые уже имеют опыт «зрелого» физического состояния. Но что они могут? Могут ли они гармонично обустроить свою жизнь, когда уже нет большой повседневной работы? Что они могут делать для себя, для своего развития, для общества?

А.М. НИКУЛИН: Вообще для нашей страны это чрезвычайно актуально, я считаю. А с какого времени зрелость начинается? Что считать зрелым возрастом?

Э.Н. КРЫЛАТЫХ: Считается, что после 60. И есть теория, которая говорит об определенных ступенях подъема, развития в этом возрасте.

А.М. НИКУЛИН: То есть человеческая личность развивается до самого конца жизни?

Э.Н. КРЫЛАТЫХ: Совершенно правильно. Так что меня это очень интересует. Я даже провела небольшое исследование наших академиков и членкоров-аграрников. С некоторыми из них поговорила, чтобы показать, какой у них потенциал, какие трудности. Я беседовала с теми, с кем была в близких дружеских и профессиональных отношениях.

А.М. НИКУЛИН: Какой большой диапазон тем, экономических и междисциплинарных: от аграрной проблематики до экономического, стратегического междисциплинарного направления. Вам повезло в жизни.

*А.М. Никулин,
Э.Н. Крылатых*
«Я благодарю судьбу за то, что она толкнула меня на путь аграрной проблематики»

14. *Заславская Т.И., Крылатых Э.Н., Шабанова М.А.* (2007). Новое поколение деловых людей России. М.: Дело.

Э.Н. КРЫЛАТЫХ: Да, и еще большой опыт преподавания, совмещения научных исследований с педагогическими занятиями. Девять лет на экономическом факультете, и здесь, уже в Академии, двадцать с лишним лет. Правда, сейчас я значительно сократила свою лекционную деятельность. Читаю курс, связанный с аграрной проблематикой, но это на дополнительном образовании. В магистратуре я заведу кафедрой Управления фирмой. И в этом качестве я с магистратурой связана, а в другом качестве с МВА, ДВА. Кстати, на программе ДВА я руковожу выпускными работами, когда есть аграрники. Это очень интересные люди из России, Казахстана. Это взрослая публика, со своим опытом, и жизненным, и управленческим, и производственным. С ними интересно и полезно работать даже для собственного понимания современных тенденций.

А.М. НИКУЛИН: Итак, Вы охарактеризовали свой жизненный путь как ученого, исследователя, организатора науки, педагога, преподавателя, и очень емко и кратко. В целом как Вы относитесь к советскому периоду Вашей жизни и деятельности? В советские времена достаточно было людей, преданных своему делу, замечательных специалистов. И усилия прикладывались значительные, институты создавались, проводились интересные исследования. Но все, в конце концов, развалилось. И мы до сих пор думаем, почему же развалилось? И в этой связи Ваша оценка, Ваша характеристика советской экономической системы, в особенности аграрной, ее сильные и слабые стороны. А также Ваше видение сейчас современной проблематики, что Вы считаете наиболее ценным, стратегически важным. Как это можно было бы охарактеризовать?

Э.Н. КРЫЛАТЫХ: У меня отношение к советскому периоду очень уважительное. Может быть, много было того, что не нравилось, но была реальная жизнь. Даже когда мы в колхозе работали, там все было очень интересно, иногда нарушались границы, как, может быть, это делал тот же Кирилл Прокофьевич Орловский. Но было ощущение, что мы заняты нужным, важным для народа делом. И сами колхозники старались работать. И наука тоже делала полезное дело.

Сейчас я с большим интересом отношусь к фермерскому хозяйству. Хотя специальных исследований у меня по нему пока нет. Мне очень интересно было бы провести объективный анализ параллельного развития фермерского, личного подсобного хозяйства и крупного аграрного производства. И не на предмет их противоборства, а скорее наоборот, взаимного дополнения и переплетения. И чтобы не было вражды, а было понимание, что в конечном счете все работают результативно, на благо продовольственной безопасности народа.

Это дурное противопоставление непримиримой вражды «мелкого» и «крупного», у нас очень любят об этом поспорить так назы-

ваемые сторонники «крупного» и сторонники «мелкого» аграрного производства. Но в реальности они должны и они могут взаимопродуктивно дополнять друг друга. Как это сделать, как перестраивать сам хозяйственный механизм? Может быть, и тех и других? Кооперация, понятно, для фермерских хозяйств очень важна, но она идет медленно, очень медленно. А кооперирование сделало бы фермерские хозяйства более устойчивыми. И определенное соревнование между этими двумя системами было бы полезным, экономически и социально.

*А.М. Никулин,
Э.Н. Крылатых*
«Я благодарю судьбу за то, что она толкнула меня на путь аграрной проблематики»

А.М. НИКУЛИН: И достаточно равноправное. Сейчас у государства крен все-таки в сторону поддержки крупных и сверхкрупных аграрных предприятий.

Э.Н. КРЫЛАТЫХ: Конечно, тем более крупные требуют и крупных ассигнований или государственных, или кредитных. И еще у меня какая идея есть (она озвучена в моей монографии¹⁵): это понятие многофункциональности агропродовольственной сферы (АПС). Речь идет не просто о сельском хозяйстве или АПК даже, а об *агропродовольственной сфере*. Я попыталась определить это новое понятие. Многофункциональная система аграрной сферы, в моем понимании, имеет три основные функции — это экономическая, социальная и экологическая. Еще я выделяю несколько функций, содействующих реализации этих трех целевых. В их числе: инновационная, информационная, инвестиционная и интеграционная функции АПС. В этом году я надеюсь подготовить публикацию по этой проблематике. Мне в этом направлении хочется поработать на финише, научном и жизненном, и увязать это еще обязательно с экологическими проблемами. Так что все еще впереди!

“I am grateful to fate for pushing me on the path of agrarian studies”

An interview of A.M. Nikulin with E.N. Krylatykh

Elmira Krylatykh, Academician of the Russian Academy of Sciences, DSc (Economics), Head of the Chair of Organizational Management, Higher School of Corporate Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 84. E-mail: elmira-kr@yandex.ru.

15. *Крылатых Э.Н.* (2012). Многофункциональность агропродовольственной сферы: методология исследований для разработки стратегии развития. М.: Энциклопедия российских деревень. См. также главу в коллективной монографии: *Крылатых Э.Н.* (2015). Концепция многофункциональности агропродовольственной сферы и продовольственная безопасность Европы // Аграрная Европа в XXI веке / Под общей ред. Э.Н. Крылатых. М.: Летний сад. С. 26-37.

Alexander Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: harmina@yandex.ru.

In the interview to the *Russian Journal of Peasant Studies*, Elmira Nikolaevna Krylatykh, an academician of the Russian Academy of Sciences, a famous researcher of the agro-food sphere in Russia and Europe, an author of more than 250 scientific works, a professor that supervised more than 30 doctoral and PhD theses, considers the milestones of her life and scientific career, and defines the key thematic and institutional transformations of the Soviet and post-Soviet agrarian science. Thus, she describes the Soviet scientific approaches to the study of agrarian economy that determined the strong points in the research of the All-Union Institute of Agricultural Economics, in which E.N. Krylatykh studied the costs of the collective farms production. The interview also focuses on the development of economic and mathematical modeling of agrarian economy in the All-Union Research Institute of Cybernetics of the USSR Ministry of Agriculture, in which E.N. Krylatykh wrote and defended her doctoral thesis "Agricultural production planning based on the system of economic and mathematical models". E.N. Krylatykh makes interesting estimates of scientific developments and their authors when considers the features of organization and development of science at the Faculty of Economics of the Moscow State University, the Agrarian Institute of the Lenin's All-Union Academy of Agricultural Sciences and the Academy of National Economy that later turned into the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Throughout the interview, E.N. Krylatykh emphasizes the significance of random circumstances that determine the fate of the scientist.

Keywords: Faculty of Economics of Moscow State University, collective farm economy, economic and mathematical modeling, organization of science, agrarian science in the USSR, the post-Soviet transformation of agrarian science

Организационно-производственная школа в 1917 году

Т.А. Савинова

Татьяна Александровна Савинова, кандидат экономических наук, начальник отдела организационно-методической и кадровой работы Российского государственного архива экономики; 119992, Москва, ул. Б. Пироговская, 17. E-mail: savinova30@yandex.ru

В статье на основе вновь вводимых в научный оборот и известных источников проанализирована деятельность экономистов организационно-производственной школы в Лиге аграрных реформ и Главном земельном комитете Временного правительства по подготовке аграрной реформы. Прослеживаются основные вехи работы этих организаций от момента создания до ликвидации. В краткой историографии представлены наиболее значительные исследования по теме. Подробно рассмотрено участие экономистов школы в учредительных съездах Лиги и ГЗК, членство в распорядительной комиссии и Совете Лиги, изучены их доклады на втором съезде Лиги. Отмечены и проиллюстрированы архивными документами особенности проведения второй сессии ГЗК, проходившей на фоне июльских событий 1917 года в Петрограде. Центральное место в статье занимает исследование работы экономистов в основных комиссиях ГЗК (о перераспределении земельного фонда и статистико-экономической), подробно рассматриваются выступления Н.П. Макарова и А.Н. Челинцева, отмечается роль каждого в разработке реформы. Вскрываются причины прекращения работ по проведению Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи, незавершенности работы над реформой, судьба ее организаций. Впервые на основе вновь введенных в научный оборот архивных документов рассматривается организация, деятельность и ликвидация отдела сельскохозяйственной экономики и политики Министерства земледелия, руководимого А.Н. Челинцевым.

Ключевые слова: история российской революции, аграрная реформа, Лига аграрных реформ, Главный земельный комитет, сельскохозяйственная перепись, А.Н. Челинцев, А.В. Чаянов, Н.П. Макаров, А.А. Рыбников

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-3-57-75

Февральская революция была воспринята большинством русской интеллигенции с огромным воодушевлением, не оказались исключением и экономисты организационно-производственной школы. В сущности, это для нас они стали «школой» или «направлением», а в 1917 году это была группа единомышленников, ядро которой составляли А.Н. Челинцев, А.В. Чаянов, Н.П. Макаров и А.А. Рыбников. Также близкими по экономическим взглядам Чаянов считал А.Н. Минина, Б.Д. Бруцкуса, К.А. Мацевича. Все они были преподавателями сельскохозяйственных вузов, авторами многочислен-

ных книг, брошюр и статей, активными участниками Всероссийских агрономических съездов, работали в составе Московского, Харьковского и других сельскохозяйственных обществ. Иными словами, они обладали знаниями и значительным опытом в изучении русского сельского хозяйства. Не удивительно, что все они согласились принять участие в разработке аграрной реформы в качестве сотрудников Министерства земледелия и Главного земельного комитета Временного правительства, а также членов общественной организации с громким названием Лига аграрных реформ.

Тема подготовки аграрной реформы 1917 года неоднократно освещалась в нашей историографии, но, как правило, выводы исследователей сводились к констатации неудачи или ее незавершенности. Первыми подводить итоги работ по аграрной реформе стали их участники. Так, Чайанов в статье «Аграрная реформа революции 1917 года» в первом номере газеты «Власть народа» за 1918 год назвал свой обзор «воспоминаниями о пройденных путях аграрной реформы», где, кратко охарактеризовав весь ход работ в Лиге аграрных реформ и Главном земельном комитете, пришел к выводу, что «трудно, почти невозможно проводить оценку тому, что сделано, и предугадать то, что сохранится от грубого разрушения» (Чаянов, 2003: 92). Одним из участников разработки реформы был П.Н. Першин, составивший в 1922 году для плановой комиссии Наркомзема доклад «Итоги земельной политики 1917–1918 гг.»¹. В нем он попытался проанализировать три ее элемента: «общественную идеологию, правительственные мероприятия и аграрную действительность». «Самым страшным и трагическим вопросом Февральской революции» он считал политические разногласия вокруг переходных мер, которые должны были быть приняты еще до решения аграрного вопроса Учредительным собранием. Першин выделил три точки зрения, «три боевые позиции, последовательно побеждавшие в развитии революции: либеральную, умеренно социалистическую и социал-максималистскую»². Странники первых двух позиций выступали за сохранение частной собственности на землю до Учредительного собрания, третьей — за ее ликвидацию. Автор критиковал политику Временного правительства, которая, по его мнению, не отличалась устойчивостью и «эволюционировала от либерального сохранения прежнего строя земельных отношений до передачи земель в ведение земельных комитетов», а также его законодательную деятельность, «не отражавшую и не регулировавшую происходящего в деревне и как будто стоявшую вне своего времени»³.

Из числа позднейших исследований следует отметить работы Н.К. Фигуровской (1968) и А.Н. Медушевского (2005). Их разделя-

1. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 478. Оп. 2. Д. 130. Л. 77–118. Доклад не опубликован.

2. Там же. Л. 84.

3. Там же. Л. 91.

ет 37 лет и при существенных различиях роднит основательность, с которой рассмотрена деятельность учреждений реформы и подведены ее итоги. Правда, причины неудачи в них названы разные: в первом случае — идейно-политическая борьба, во втором — правовой дуализм.

В задачу данной статьи не входит всеобъемлющий анализ реформы, но нам кажется необходимым сказать о людях, которые хотели перемен и работали для того, чтобы улучшить жизнь большинства жителей России — крестьян. В 1917 году им представилась возможность претворить собственные идеалы в государственную аграрную политику. Почему она осталась нереализованной, мы попытаемся понять, подробнее рассмотрев работу экономистов в течение нескольких месяцев лета и осени судьбоносного для России года. По известным причинам в анкетах и биографиях после 1917 года они не упоминали эту свою деятельность, а после 1930 года и вовсе постарались забыть, но документы фондов РГАЭ позволяют достаточно полно ее проследить.

Организация и начало работы творцов реформы

Работа над аграрной реформой началась в Лиге аграрных реформ. Эта межпартийная общественная организация была образована по инициативе членов Вольного экономического общества, Всероссийского земского союза, Московского и Харьковского обществ сельского хозяйства и отдельных экономистов-аграрников. В апреле 1917 года Чайнов как член распорядительного комитета Лиги обратился к товарищу министра земледелия А.Г. Хрущеву с просьбой выделить для распорядительного комитета 10 тыс. руб. на организацию Лиги и ее местных отделов. Ходатайство было поддержано: «Со своей стороны министерство земледелия считает необходимым отметить, что скорейшая организация Лиги имеет ближайшее значение в работе Главного земельного комитета (ГЗК), ввиду чего оказание Лиге просимой поддержки представляется весьма желательным»⁴. Учредительный съезд Лиги состоялся 16–17 апреля 1917 года. В президиуме съезда был А.Н. Челинцев, в распорядительный комитет входили Н.П. Макаров, К.А. Мацевич, П.П. Маслов, С.Л. Маслов, Н.П. Огановский, А.И. Стебут, А.В. Чайнов. Чайнов выступил с программной речью «Постановка аграрного вопроса», где в пяти параграфах были четко сформулированы задачи Лиги. В Совет Лиги вошли все четверо экономистов организационно-производственного направления (Челинцев, Чайнов, Макаров, Рыбников). В конце мая Рыбниковым было открыто Саратовское отделение Лиги, Челинцевым — Харьковское. На местные

4. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 179б. Оп. 1. Д. 117. Л. 3–30б.

отделы возлагались серьезные надежды по претворению «руководящих схем» центра в конкретные планы, соответствующие губернским особенностям.

Главными вопросами, обсуждавшимися на съездах Лиги, были вопросы землевладения и землепользования, велись многочисленные жаркие баталии о национализации и социализации земли (Фигуровская, 1968: 23–67), однако раздавались и здравые голоса (один из которых принадлежал, например, Н.Н. Черненко): «отвлечься от теоретических разногласий», не пытаться решить земельный вопрос одним ударом и ограничить объем реформы (Фигуровская, 1968: 41).

Решение об учреждении Главного земельного комитета (далее ГЗК) было принято Временным правительством 21 апреля 1917 года, Учредительное собрание комитета состоялось 19–20 мая 1917 года. На нем был избран состав Временного совета комитета (Известия, 1917: 19)⁵ и намечена программа по разработке аграрной реформы. Заседания Совета вначале проходили в зале Совета министра земледелия (Петроград, ул. Морская, д. 42). Они состоялись 27 и 31 мая, 10 и 17 июня. Позднее комитет переехал на Литейный проспект, д. 37–39, в бывшее здание Департамента уделов.

На открытии комитета речи произнесли министр земледелия В.М. Чернов и его председатель А.С. Посников. На первой же сессии ГЗК был принят план образования комиссий: сметной, организационной, законодательных предположений, статистико-экономической, комиссии по выработке общих основ земельной реформы, юридической. Позднее — об организации комиссий: временных переходных мер, о перераспределении земельного фонда, правовых отношений населения к земле, о лесах, о недрах, о водах. В состав комиссий мог входить любой член Совета ГЗК по его желанию. Однако некоторые из этих комиссий так и не начали свою работу.

Одной из главных задач ГЗК была организация и координация деятельности местных комитетов в губерниях и уездах. Над этим довольно активно начала работать организационная комиссия. Ее председателями по очереди были: А.Н. Челинцев, В.И. Анисимов, С.Л. Маслов, А.П. Левицкий, Н.П. Макаров. Состоялось восемь заседаний, на которых был выработан наказ по организации и деятельности губернских и уездных комитетов, составлен список уполномоченных по 21 губернии, утвержден общий план деятельности местных комитетов по подготовке земельной реформы и инструкция уполномоченным по организации местных комитетов.

Русская привычка «долго запрягать» в полной мере проявилась в организационной работе ГЗК, которая сопровождалась постоянными «партийными трениями и подозрениями». Идеологические противоречия нашли свое отражение на страницах писем Рыбнико-

5. По свидетельству А.В. Чайнова, идея создания Совета ГЗК принадлежала А.Г. Дояренко (Чайнов, 2003: 93).

ва. Массив писем февраля-ноября 1917 года, адресованных будущей жене, З.А. Гласко, отложился в личном фонде экономиста в РГАЭ и составляет 55 писем из Саратова и Петрограда в Москву и Геленджик. Документы свидетельствуют, что противоречия раздирали не только противников, но и единомышленников: «Идет сейчас подготовительная работа земельного комитета, г[лавным] о[бразом] организационная. К моему удивлению, участники его все наши же (Черненко, Мацевич, Челинцев, Макаров, Огановский), принимаю участие в ней и я. Много в этой работе обострений из-за самолюбия (Вихляев, Черненко). Много партийных трений и подозрений. ...Печально, что за разговорами мне нет времени основательно приняться за настоящую работу, всё спорим. Вот и сегодня у нас у троих с утра и до 8 ч. вечера, собственно, было деловое обсуждение основ экономической политики и аграрной реформы, которое ещё не кончилось»⁶.

Подготовка ко второй сессии Лиги и ГЗК (с периодическими совещаниями) длилась еще месяц, а с момента их учреждения прошло уже два месяца. О ежедневной работе комитета — вновь в письмах Рыбникова: «Сейчас мы готовимся к земельному комитету и к Лиге. Лига 23 июня, а комитет 1 июля. И то и другое очень ответственно и полно сюрпризов. Надо подождать, надо послушать, что скажут люди с мест, тогда виднее будет, как дальше пойдет реформа. Сейчас же мужики из Совета крестьянских депутатов тянут к решительным правительственным декларациям, правительство упирается, а земельный совет и вовсе не правомочен выступать с категорическими заявлениями. Кроме того, организована подготовка работы земельного комитета довольно слабо. Я уже писал Вам, кажется, что меня звали в самый земельный комитет экономистом, но к моему, пожалуй, счастью, меня не пустили туда Макаров и Челинцев»⁷.

«Эти дни было несколько совещаний в земельном комитете по существу аграрного вопроса, и они показали, как далеко мы расходимся. С[оциалисты]-р[еволюционеры], оказывается, готовы сейчас немедленно к уничтожению права собственности на все земли (не исключая под городскими постройками...). Пришлось нам убеждать, что нельзя всё сразу, скокмаем, да и врагов будет столько, что сил не хватит. Ну и жарко было, а без толку. ...Третьего дня начался съезд Лиги аграрных реформ. Так как был и мой доклад (вчера я его читал) о «Контингенте хозяйств лиц, подлежащих обеспечению землей», то это меня совершенно завалило работой...»⁸.

В Лигу вошли экономисты самых разных взглядов и партийной принадлежности, тем не менее, по свидетельству Чаянова, уже

6. РГАЭ. Ф. 9470. Оп. 1. Д. 115. Л. 42.

7. Там же. Л. 45.

8. Там же. Л. 47.

на втором съезде им удалось найти общий язык. В своем докладе «О деятельности Лиги и планах ее дальнейшей работы» он говорил: «Ожидания основателей Лиги оправдались в полной мере, и она привлекла в свой состав представителей всех течений русской аграрной мысли. 35 местных отделов Лиги объединили вокруг себя работы агрономов, статистиков и других местных деятелей» (Основные вопросы, 1917: 7).

Состоялось семь заседаний второго съезда Лиги, доклады на которых можно тематически поделить на три группы:

1. Доклады о состоянии сельского хозяйства и земельного фонда в России в соотношении с населением и его нуждами в земле.
2. Доклады, посвященные изложению и критике основных идей аграрной реформы.
3. Доклад о финансовой стороне аграрной реформы.

Экономисты организационно-производственного направления выступали по первой группе вопросов и обсуждали земельные преобразования. Доклад Челинцева «О современном положении русского сельского хозяйства» был целиком построен на свежих данных сельскохозяйственной переписи 1916 года и статистике железнодорожных и водных перевозок. Огановский в своем докладе «Проблема перераспределения земельного фонда и ее роль в современной аграрной реформе» утверждал, что для проведения реформы нужно более 20 лет. Он считал неизбежным переход мелких трудовых хозяйств от индивидуальной к коллективной форме землепользования. Рыбников развил тему «экономических признаков контингента хозяйств, которым должно быть предоставлено право на обеспечение землей при реформе», а Макаров говорил о «Нормах обеспечения сельского населения землей». В прениях приняли участие А.А. Кауфман, В.И. Анисимов, К.А. Мацевич, А.В. Чайнов. Основные положения докладов возражений не встретили, и дискуссия велась главным образом по вопросам трудовой нормы, контингента наделения и других вопросов аграрной реформы, которые плавно сводили ее к земельной. Подробный разбор докладов второй и третьей групп, посвященных идеологической и финансовой стороне реформы, дан Н.К. Фигуровской (Фигуровская, 1968: 39–45, 53–54).

1 июля, как и намечалось, началась вторая сессия ГЗК, на которой был изменен состав его Совета. В него вошли, как и прежде, председатель комитета и его заместители (товарищи), управляющий делами и три его помощника, министр земледелия и его товарищи, было увеличено число членов комитета по избранию (всего их стало 35), а также добавились заведующие отделами Министерства земледелия: отдела сельскохозяйственной переписи (П.И. Попов), сельскохозяйственной статистики (Л.К. Чермак) и сельскохозяйственной экономики и политики (Челинцев), который и так уже был членом Совета ГЗК. Общее число членов Совета составило 50 человек.

Однако работа второй сессии ГЗК была скомкана июльскими событиями в Петрограде. Из письма Рыбникова жене: «Я уже Вам писал в первый день бунта. Тогда мы трое попали почти в гуцу. На другой день пошли мы с Н[иколаем] П[авловичем] Макаровым] в земельный комитет на Литейный, как Вы из газет знаете, как раз Литейный в тот день был несколько раз под обстрелом. В первый обстрел я не был в зем[ельном] комитете. А картина была там такая, что Вихляев, Каблуков и пр[очая] компания, работавшая в комиссии, ложилась на пол, так как выстрелы были вовсе рядом. Вечером попал и я под обстрел, когда заседал комитет, около него были расстреляны казаки почти на наших глазах. А мы... продолжали заседание...»⁹

Представители с мест, приехавшие на вторую сессию ГЗК, свидетельствовали, что реформа уже началась: землю делят. Чайнов в своей статье «Аграрная реформа революции 1917 г.» писал: «... На местах аграрная реформа идет стихийно, не дожидаясь Учредительного собрания, без общего плана...» (Чаянов, 2003: 94). Он считал, что земельная реформа — только часть аграрной, притом не самая трудная, но наиболее важная, так как, во-первых, значение передачи владельческих земель количественно ничтожно, но «морально — огромно»; во-вторых, в результате предыдущего землеустройства «в нашей деревне невероятный земельный хаос».

«Медленно запрягая», аграрная реформа, сведенная к решению земельного вопроса, активно начала обсуждаться в комиссиях ГЗК только в июле-августе 1917 года.

Работа основных комиссий ГЗК

Главные баталии по основам земельного реформирования проходили в двух комиссиях: о перераспределении земельного фонда и статистико-экономической. В комиссии о перераспределении земельного фонда 24 июля состоялись доклады Кауфмана и Челинцева «О ликвидации крупного землевладения», на заседаниях комиссии 26 и 27 июля прошли прения по этим докладам, а 7 августа обсуждались положения, выработанные по ним. В отличие от Кауфмана, ратовавшего за оставление капиталистических имений прежним владельцам, Челинцев считал, что количество помещичьих имений, отличающихся высокой производительностью, чрезвычайно мало, большинство из них должно быть передано крестьянам, а незначительное число «культурных имений» — государству. В своем докладе он отстаивал преимущества интенсивного крестьянского хозяйства перед помещичьим.

Вопрос о перераспределении земельного фонда при аграрной реформе был рассмотрен комиссией на четырех заседаниях. В ос-

9. РГАЭ. Ф. 9470. Оп. 1. Д. 116. Л. 4–406.

нову обсуждения легли доклады Н.П. Макарова, Б.В. Волкова, Б.Д. Бруцкуса. Доклад Макарова «О нормах земельного обеспечения при предстоящей земельной реформе» был сделан 28 июля 1917 года и обсуждался постатейно. Так, Бруцкус просил пояснить, что значит «обеспечить землей до полной нормы». Отвечая, Макаров дал определение потребительно-трудовой нормы обеспечения землей: хозяйство не настолько мало обеспечено землей, что члены его должны были бы отходить на промыслы, но и не настолько много, чтобы им приходилось нанимать работников¹⁰. Резюмируя обсуждение, Макаров обозначил два пути проведения земельной реформы: 1) закрепление распределения землепользования, как оно существует, и тогда будут избыточные районы и малоземельные крестьяне, что вредно и опасно с точки зрения политической и экономической; 2) планомерное проведение реформы по нормам путем вселения и расселения. Челинцев соглашался с нормированием земли с поправкой на эволюцию семьи и с удовлетворением отмечал, что большинство комиссии за дифференцированную норму. Территориальной единицей установления нормы была принята волость. Макаров считал, что основой нормирования могут быть материалы переписей 1916 и 1917 годов, а для справок необходимо пользоваться земскими и бюджетными исследованиями.

Заведующий отделом переписи Министерства земледелия Попов предложил разделить доклад Макарова на две части: 1) положения в области аграрной политики; 2) вопросы, рассматриваемые при любой аграрной реформе (размер земельного фонда, распределение его между землевладельцами, системы хозяйства и землепользования, определение условий, влияющих на соотношение между получением крестьянского надела в различных экономических районах, выяснение площади по трудовой и потребительской нормам). Статистик высказался за дифференцированную норму, зависящую от размера семьи и района, в котором ведется хозяйство¹¹.

Выступая в прениях, Кауфман внес предложение передать дальнейшую разработку положения о наделении землей в статистико-экономическую комиссию, однако Челинцев с ним не согласился, считая возможным передать статистико-экономической комиссии только часть положений, касающихся статистического метода установления норм¹².

Таким образом, вопрос земельного реформирования упирался в статистику, и его разработка постепенно смещалась из политической в «технологическую» плоскость. По мнению экономистов, нормы не только не «сбивали людей с толку и не затемняли истинную сущность дела», как полагал В.И. Ленин (Ленин, 1972: 147),

10. ГА РФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 18а. Л. 83об.

11. Там же. Л. 86об.

12. Там же. Л. 66.

но, наоборот, установленные по статистическим материалам должны были его прояснить.

В июле специальной комиссией, состоящей в основном из статистиков — членов Совета ГЗК, и возглавляемой приглашенным профессором Московского университета Н.А. Каблуковым, были разработаны «Основные положения статистической организации при подготовке земельной реформы».

В плане организации комиссий на первой сессии ГЗК среди других была названа и статистико-экономическая, ее состав был определен уже на заседании Совета ГЗК 27 мая 1917 г.¹³ В нее вошли: председатель — Кауфман, члены комиссии: В.И. Анисимов, С.Л. Маслов, П.А. Вихляев, Н.И. Ракитников, Н.Н. Черненко, А.Н. Челинцев, Н.П. Макаров, П.И. Попов, Н.П. Огановский, А.И. Хрящева. Активная работа комиссии началась только в июле, состоялось семь ее заседаний, последнее — 20 октября 1917 года.

Доклад Макарова «О приемах установления норм земельного обеспечения сельского населения», рассмотренный на соединенном заседании статистико-экономической комиссии ГЗК и ведомственной комиссии о нормативных началах распределения земельного фонда, в отличие от его доклада на комиссии о перераспределении земельного фонда, содержал конкретные указания: «В основу определения норм должны быть положены данные статистического характера и статистические приемы их разработки. В свою очередь, основным статистическим материалом для определения норм могут служить, с одной стороны, данные сельскохозяйственной и земельной переписи 1917 г., с другой — данные произведенных в сравнительно недавнее время земских переписей. Основным приемом для установления норм земельного обеспечения должен быть прием статистико-эмпирический, состоящий в определении размеров действительного землепользования определенных групп трудового населения»¹⁴. В докладе были также приведены конкретные методы обработки данных, полученных из материалов переписи.

Методологии разработки материалов переписи были посвящены еще два доклада: Кауфмана «О плане разработки результатов сельскохозяйственной переписи 1917 г.» и Попова «Программа разработки материалов переписи 1917 г. и других статистических материалов, необходимых для разрешения вопросов продовольственного дела и проведения аграрной реформы». Кауфман остановился на сугубо практических вопросах предстоящего перераспределения земельного фонда между трудовым населением. Экономист предложил вести разработку материалов сельскохозяйственной переписи по двум категориям владений: 1) крестьянские хозяйства (сюда входят отдельной категорией и хутора); 2) частновладельческие хозяй-

13. ГА РФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 19. Л. 47об.

14. РГАЭ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 361. Л. 11.

ства. Он также представил схему подсчета землевладения для разных категорий хозяйств.

Доклад Попова демонстрирует его роль в подготовке реформы. Доклад носил общий характер и вызвал оживленные споры при обсуждении его основных положений. По мнению докладчика, программу переписи необходимо было выстроить на базе практических мероприятий, из которых главнейшими являлись: 1) ликвидация землевладения одной группы населения; 2) расширение землепользования других; 3) выработка мер для поднятия производительности сельского хозяйства. Приступать к аграрной реформе без «понимания» крестьянских хозяйств, по мнению Попова, было совершенно немыслимо, ведь реформы не ограничивались лишь конфискацией земли и ее перераспределением. Аграрная реформа не есть простое частное от деления земельного фонда на число душ, говорил докладчик. Надо четко осознавать, кто наделяется землей, на каких началах и с какой целью. Для этого необходима характеристика как тех хозяйств, у которых земля будет браться, так и тех, которым она будет предоставляться. Наряду с перераспределением земельного фонда и в связи с ним Попову виделась задача поднятия производительных сил реформируемых хозяйств, поэтому программа статистической разработки должна была включать в себя социально-экономические группировки хозяйств. При этом предполагалась следующая очередность: в первую очередь составить таблицы землевладения и контингента нуждающихся, а затем обсуждать вопрос о нормах наделения землей.

В обсуждении доклада принимали участие Челинцев, Макаров и Черненко, последний возражал против социально-экономической характеристики хозяйств. Черненко полагал, что если ставить задачу «понять» крестьянское хозяйство, то реформу провести невозможно, так как теория крестьянского хозяйства находится в зачаточном состоянии. По его мнению, задача статистической разработки — подсчет, и для освещения предмета обследования надо ограничиться минимумом статистических работ. Также он считал необходимым выявить роль промысловых хозяйств, а в конце своего выступления рекомендовал поставить работу на сугубо практическую почву.

По предложению председателя, комиссия большинством голосов проголосовала за необходимость социально-экономической группировки хозяйств. Против голосовали Кауфман и Черненко.

Пока экономисты и статистики спорили о программе переписи и ее структуре, новая беда — нехватка средств — стала грозить прекращением работ по переписи и хотя бы предварительного подсчета результатов в целях продовольственного снабжения армии и населения, не говоря уже об аграрной реформе. На основании постановления Временного правительства от 5 мая 1917 года на осуществление Всероссийской сельскохозяйственной, поземельной и городской переписи было выделено 17 млн рублей. На меж-

ведомственных совещаниях в правительстве, проходивших 6 и 13 октября 1917 года, Министерство земледелия ходатайствовало о выделении еще 4,8 млн рублей на окончание производства переписи и содержание центральной переписной организации. Из них 300 тыс. рублей предназначались на разработку имеющихся материалов по земельному вопросу. Временное правительство признало возможным выделить для этой цели в 1917 году только 150 тыс. рублей, остальные деньги Министерство земледелия должно было включить в смету на 1918 год¹⁵.

Стремление сэкономить на земельной реформе было налицо, но даже успевшим получить дополнительные средства местным земельным комитетам и статистическим бюро вскоре стало не до подведения итогов переписи: наступившая Русская смута надолго отодвинула окончание этих работ. Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 52 губерниям и областям с предисловием Попова и Хрящевой были опубликованы уже ЦСУ РСФСР только в 1921 году.

Работа отдела сельскохозяйственной экономики и политики Министерства земледелия

Практически одновременно с Лигой и ГЗК в Министерстве земледелия было создано несколько отделов, один из которых — сельскохозяйственной экономики и политики, возглавлял Челинцев. Он пригласил в отдел единомышленников, заключивших своеобразный артельный договор. Без сомнения, всем участникам было известно определение артели, данное в законе об артелях трудовых или трудовых товариществах: «Артелью трудовой признается товарищество, образованное для производства определенных работ или промысла, а также для отправления служб и должностей, личным трудом участников, за общий их счет и с круговой порукою». Доклады экономистов организационно-производственного направления, с которыми они выступали в Лиге и ГЗК, являлись конечным результатом их черновой работы в отделе.

Определив для себя принадлежность к артели и заключив артельный договор, каждый из ее членов старался выполнять правило «круговой поруки». Сила договора была так велика, что даже после возвращения из эмиграции, в трудную минуту думая о поддержке своих детей после своей смерти, Челинцев писал в дневнике-завещании: «...Одна надежда на товарищей М., Р., Ч.¹⁶ <...>, что не дадут им подохнуть на улице»¹⁷. Так же серьезно относился

15. Журнал междуведомственного совещания об отпуске средств из казны: РГАЭ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 363. Л. 4, 7.

16. Макаров, Рыбников, Чаянов.

17. РГАЭ. Ф. 771. Оп. 3. Д. 233.

к артельному договору и Чаянов: при назначении его товарищем министра земледелия решающее слово было за артелью.

О том, как налаживалась работа отдела сельскохозяйственной экономики и политики и насколько тесно она была связана со всем, что происходило в Лиге и ГЗК, читаем в письмах Рыбникова: «В Питере, конечно, плохо. Всё мне здесь чужое и другое, не мое. В отделе у нас теперь трое: Челинцев, Макаров и я. Работу налаживаем, но больше всякой трепки, заседаний, совещаний, чем настоящей работы... Из работы отдела на мою душу выпадает меллиорация, торговые договоры. Это помимо того, о чем мы с вами говорили, т. е. промысловой деятельности населения»¹⁸.

«Сегодня почти весь день мы были вместе (с Челинцевым. — Т.С.), много толковали, и кое-что выяснилось. Завтра конец нашим переговорам, придется решать дело вместе с Хрущевым и фактическим министром земледелия Визляевым. Программу мою приняли, т.к. и сами мои коллеги уже приблизительно подумали то же — особенно в общей части. Дают мне возможность иметь сотрудников не только в Питере, но где я захочу, как окажется возможным и необходимым. Досадно, что заставляют меня немного более чем я хочу быть в Питере. Челинцев всячески упрашивает скорее перебраться в Питер на более долгий срок, и я должен был обещать, что я из трёх месяцев июня, июля и августа никак не более месяца буду в отсутствии, а в Питер приеду в 20-х числах мая. Действительно, Челинцеву сейчас трудно, т[ак] к[ак] Мацевич отказывается участвовать в артели, Чаянов форменно болен»¹⁹.

«...15–17 съезд, будут общие разговоры о сельскохозяйственной политике в целом, т[о] е[сть] то, что мы артель в целом обязаны развернуть, за этим нас звали. Особенно известно потому, что мы же артель. Уеду я, придется другим отдуваться: Челинцеву, Макарову. Чаще мне кажется, что вовсе я не нужен здесь как творец новой государственной жизни, чаще кажется, что я нужен в Саратове в том маленьком масштабе работы, какая была...»²⁰

Несмотря на сомнения, каждый из артельщиков продолжал вносить посильный вклад в дело реформы, участвуя в работе комиссий и подкомиссий Министерства земледелия: комиссии о нормативных началах в распределении земельного фонда (Челинцев, Чаянов, Макаров, Рыбников), в подкомиссии по вопросу о системах хозяйства и организации труда (Челинцев, Макаров), лесной комиссии (Рыбников), а также в комиссиях ГЗК — в работе, рассчитанной на «многие месяцы».

18. РГАЭ. Ф. 9470. Оп. 1. Д. 115. Л. 38.

19. Там же. Л. 49.

20. Там же. Л. 46.

Лига продолжала свою работу и после Октябрьских событий. Чаянов как член ее распорядительного комитета приглашал Макарова выступить с докладом на III съезде Лиги аграрных реформ (открылся 21 ноября в Москве)²¹. В работе съезда приняли участие все члены артели, кроме Челинцева, с докладами выступили Макаров, Чаянов, Рыбников, Минин, Огановский.

В газете «Власть народа» Чаянов сообщал, что III съезд Лиги «подвел итоги работы ГЭК и, несмотря на исключительно тяжелое и подавленное настроение деятелей аграрной реформы, позволил собрать все силы для окончания работ» (Чаянов, 2003: 95). Это отразилось в тексте проекта закона о земле, представленного фракцией эсеров Учредительному собранию его председателем В.М. Черновым для обсуждения. Учредительное собрание было разогнано большевиками 6 января 1918 года. Ранее, 16 декабря 1917 года, была созвана экстренная сессия ГЭК, правда, оказавшаяся малочисленной, а 19 декабря декретом Совнаркома комитет был распущен. Такова судьба организаций, занимавшихся подготовкой аграрной реформы в 1917 году.

Саму реформу можно считать несостоявшейся. По новому «Закону о земле» право собственности на землю отменялось, все земли составляли народное достояние, а распоряжение землями, недрами, лесами и водами осуществлялось органами государственной и местной власти, предполагалось безвозмездное отчуждение частновладельческих земель. Права лиц и учреждений устанавливались только в форме пользования. Иными словами, это был закон, со многими положениями которого экономисты были не согласны. Однако на фоне всей законотворческой деятельности Временного правительства это было достижением, от той эпохи остались четыре основных законодательных акта, непосредственно относящихся к земельному вопросу:

Положение о Земельных комитетах 21 апреля. Положением были учреждены главный, губернские, уездные и, по мере надобности, волостные земельные комитеты. На них было возложено собирание и разработка материалов для подготовки аграрной реформы, а также решение споров и недоразумений по земельным делам с учреждением для этого при них посреднических и примирительных камер. Им было предоставлено право издания обязательных постановлений в пределах действующих законов. Однако ни это положение, ни какое-либо другое постановление законодательного характера не устанавливали никаких материальных норм, которыми должны были руководствоваться земельные комитеты в своей деятельности по разрешению текущих земельных дел и конфликтов.

21. РГАЭ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 47. Л. 3.

Постановление 28 июня о приостановлении действия некоторых узаконений о крестьянском землевладении и землепользовании, положения о землеустройстве, а также об упразднении землеустроительных комиссий. Согласно этому закону приостанавливались впредь до разрешения земельного вопроса Учредительным собранием: 1) выдача актов, удостоверяющих право личной или семейной собственности на наделную землю в тех случаях, где таковая признана старым законодательством; 2) возникновение вновь права личной или семейной собственности на наделные земли в порядке чересполосного укрепления или землеустройства. Вместе с тем прекращались и все землеустроительные действия по положению 29 мая 1911 года.

Постановление 13 июля об ограничении сделок на землю. Закон был составлен так, что сделки могли осуществляться с разрешения государственных органов, он также не предусматривал изъятие земель по сделкам после 1 марта 1917 года и оставлял решение на усмотрение Учредительного собрания.

Постановление 17 сентября о подчинении земельных и продовольственных комитетов ведению судов по административным делам. Это было последним и притом репрессивным законодательным актом временной власти по отношению к местным земельным органам, осуществлявшим в своей аграрной практике желание крестьянских организаций.

Правительство последнего, 4-го состава, 24 октября приступило к обсуждению законопроекта о регулировании земельных отношений (построенного на принципе передачи земель в ведение местных комитетов) и приняло его первые три главы, но в целом он не успел получить силу закона. Таким образом, можно согласиться с мнением Першина, что «ни один закон не был издан тогда и так, когда и как он требовался быстро развивающимся течением аграрной революции»²².

ГЗК фактически не имел возможности руководить и регулировать земельные отношения. Уговоры не нарушать существующий порядок, не производить самовольный захват частновладельческих земель и ждать решения аграрного вопроса Учредительным собранием не возымели своего действия на крестьян. Местные комитеты, не имея другой законодательной базы, все шире претворяли в жизнь решения крестьянских съездов по распределению частновладельческих земель. 18 июля 1917 года была предпринята попытка остановить эту деятельность путем издания циркуляра министра внутренних дел И.Г. Церетели и приказа министра продовольствия А.В. Пешехонова о недопустимости исполнения местными земельными комитетами решений крестьянских съездов и проведения земельной реформы на местах их силами. Виновных

22. Першин П.Н. Итоги земельной политики 1917–1918 гг.: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 130. Л. 92.

в таких действиях предписывалось подвергать судебному преследованию. Министерство юстиции выдало предписание усилить прокурорский надзор за деятельностью земельных комитетов. Результат — значительное число арестованных и преданных суду местных аграрных деятелей.

Однако практически одновременно с репрессивными актами на местах появилась инструкция министра земледелия В.М. Чернова, подписанная еще 16 июля, которая прямо не запрещала распределять владельческие земли, но рекомендовала не делать этого, за исключением случаев острой нужды, и деятельность местных комитетов не осуждала.

Аграрное движение быстро нарастало. Уже в мае было зарегистрировано 750 резких аграрных конфликтов более чем в 100 уездах 35 губерний, в основном Центрально-Черноземного района и Поволжья. Затем движение под руководством местных земельных комитетов по захвату частновладельческих земель шло по нарастающей и к сентябрю-октябрю достигло своего апогея, переходя в грабеж, пожары, насилие и убийства²³. Кроме того, центральные и местные статистические учреждения далеко не всегда могли обеспечить проведение переписи и первичную обработку ее материалов, которые служили практическим основанием разработки аграрной реформы.

Итоги работы и судьба отдела-артели

Как писал Макаров, «работа мысли организационно-производственного направления стимулировалась технически-практическим интересом к сельскому хозяйству — прежде всего к хозяйству крестьянскому; она питалась стремлением помочь крестьянскому хозяйству в рационализации его производства...» (Макаров, 1923: 24). Чаянов считал, что «аграрный вопрос перешел теперь из мира отвлеченных идей и противопоставления принципов в область конкретной организационно-хозяйственной работы» (Чаянов, 2003: 38). Именно она должна была определить *государственную аграрную политику — главный итог работы отдела-артели*. Она понималась экономистами как результат исследования существующего состояния землевладения и землепользования, систем хозяйства и возможных путей их развития, как определение недостатков и способов их преодоления. «Установление системы сельского производства, подбор отраслей производства, установление размеров производства и руководство всей текущей жизнью хозяйства — все это и составит деятельность хозяина как организатора», — считал Макаров. Таким организатором должен был стать каждый крестьянин. «Деятельность государства в области сельскохозяйственной

23. Там же. Л. 98.

политики должна быть подчинена одной идее: принимать такие меры, которые обеспечили бы развитие и расцвет крестьянского хозяйства» (Макаров, 1917а: 8, 107).

Экономисты-аграрники страдали «русской болезнью» «долго запрягать» и были верны выбранной схеме, рассчитанной на долгие месяцы работы: сначала статистика — потом политика. Являясь фактически чиновниками Министерства земледелия Временного правительства, они не могли самостоятельно действовать и решать, чтобы реализовать представившийся им шанс на проведение собственной аграрной политики. Увлеченные «кабинетной работой», они не обращали должного внимания на нарастающую волну аграрного движения на местах, которая, по выражению Чаянова, «смыла реформаторов».

Дольше всех артельщиков на своем посту в отделе оставался Макаров. 18 ноября 1917 года в ГЗК ему было выдано удостоверение для поездки на III съезд Лиги аграрных реформ, откуда он должен был вернуться в Петроград²⁴. Судя по воинственному тону его статьи, экономист не намерен был сдаваться: «Нельзя только признавать большевистских самозванцев. Нельзя сдавать им «дела и ключи», как нельзя уголовным преступникам, захватившим Ваш дом, сдавать Ваше домохозяйство» (Макаров, 1917: 1). Макарову Челинцев и Чаянов адресовали письма о дальнейшей судьбе отдела-артели и свои работы по определению аграрной политики.

Челинцев покинул Петроград в октябре. В конце месяца он обращается к Макарову: *«Я рассчитывал на соглашение о месте и времени съезда участников артели-отдела по вопросу о судьбах работы в ближайшее переходное время и потом»*. Далее он советует, как поступить с техническими сотрудниками отдела, дает им поручения и описывает свое видение ситуации: *«Более отдаленное будущее при известных неблагоприятных условиях может рисоваться в виде сосредоточения артельной работы в Московском кооперативном центре. Одна из предпосылок возведения теоретического здания с[ельско]х[озяйственной] политики теперь выяснилась: колониальное положение страны в международных связях и децентрализация хозяйственная и политическая внутри её»*. Челинцев хотел отправить письмо с оказией, так как почта работала плохо, и дотянул до получения письма от Макарова, в котором последний, видимо, обрисовал состояние дел в Петрограде, ибо приписка к основному письму датирована 28 ноября: *«Мой взгляд на работу отдела при сохранении теперешнего владычества я сказал, и предупредить, думаю, надо было сотрудников давно, что артель не будет у дела при нем. Теперь работа официально обречена на замирание с предоставлением его сотрудникам свободы действий. При благоприятном повороте дела артели нам надо просто продолжить действие контракта на 1–1,5*

24. РГАЭ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 47. Л. 3.

мес. и напрячь усилия для передачи в надежные руки. При неблагоприятном же, для окончания начатых работ надо постараться пробраться к Московскому центру кооперации»²⁵.

В письме Рыбникову, написанном в поезде Москва — Харьков 28 октября, Челинцев также определяет будущее отдела: «Вместе с тем я решил категорически отказаться от моей обязанности товарища министра. Не знаю только, кому вручить отставку. Связь с отделом по артельному договору нельзя разорвать без наших переговоров лично. И нельзя бросить всё на полдороге. Но главным выходом мне кажется все же перенос дел в Московский общественный центр.

Если письмо моё застанет Вас в П[итере], то пишите Ваши планы и решения в ответ на него... Место в Москве есть; согласие на него правления Института получено.

В Харькове пробуду до 15 ноября, после чего, надеюсь, можно будет продолжать петроградскую работу отдела.

Если шансы для этого не создадутся, то придется раскляняться к этому времени со всеми делами нашего отдела.

Мне кабинетная работа в создавшейся обстановке постоянного сведения политических счетов борющихся сторон делается непосильной.

Ник[олай] Павл[ович] М[акаров] за продолжение её, но говорит, что пусть решит большинство»²⁶.

Из писем Чайнова Макарову этих двух месяцев следует, что он несколько иначе оценивал политическую ситуацию, но на продолжение работы в кооперации смотрел так же: приглашал Макарова работать в Центральное товарищество льноводов (ЦТЛ) и создать «Московское товарищеское издательство по вопросам с[ельско]х[озияйственной] экономики и политики», «...если Вы согласитесь сие товарищество совместно со мною, Мининьм и дядей Сандро²⁷ составить. Привлечем Бруцкуса и Челинцева, я берусь достать финансы и обзаведение, и будем издавать «Ежегодник с[ельско]х[озияйственной] экономики и политики», «Энциклопедию с[ельско]х[озияйственной] э[кономики] и п[олитики]» и опису со- товарищей. Разрешаете?»²⁸

В 1919 году был организован «Высший семинарий сельскохозяйственной экономики и политики», из которого в том же году выделился Научно-исследовательский институт сельскохозяйственной

25. РГАЭ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 150. Л. 6–8об.

26. РГАЭ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 149. Л. 18–19об. Долгое время авторство письма приписывали А.В. Чайнову, оно было опубликовано в книге В.А. Чайнова «А.В. Чайнов — человек, ученый, гражданин», М., 2000. С. 194–196. Анализ содержания и почерковедческая экспертиза позволили определить истинного автора письма.

27. А.А. Рыбников

28. РГАЭ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 149. Л. 6.

экономики и политики (НИИСХЭиП) во главе с Чаяновым. Идея его создания, приписываемая одному Александру Васильевичу, принадлежит также сотрудникам отдела сельскохозяйственной экономики и политики: в Совет Петровской академии еще 21 июня 1917 года поступила записка об организации при высших учебных заведениях особых семинаров по вопросам сельскохозяйственной экономики и аграрной политики для окончивших высшие учебные заведения, авторами которой были Макаров, Мацевич, Рыбников, Чаянов, Челинцев.

Все они собрались вновь в НИИСХЭиП к середине 1920-х годов, были профессорами факультета сельскохозяйственной экономики и политики Тимирязевской сельскохозяйственной академии, открытого в феврале 1923 года, участвовали в работе различных комиссий Наркомзема, вели серьезные экономические разработки, в течение небольшого периода возлагали серьезные надежды на свое влияние на аграрную политику и экономику страны, но и этим надеждам, увы, не суждено было осуществиться.

Библиография

- Известия Главного земельного комитета (1917). № 1.
Ленин В.И. (1972). Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной Думе // Полное собрание сочинений. Т. 15. С. 127–160.
Макаров Н.П. (1917). Министры и товарищи министров по местам // Голос народа. 12 ноября. Пг.
Макаров Н.П. (1917а). Крестьянское хозяйство и его интересы. М.: Универсальная библиотека.
Макаров Н.П. (1923). Русская экономическая мысль в вопросах сельского хозяйства // Крестьянская Россия. Прага. Т. IV. С. 24–45.
Медушевский А.Н. (2005). Уравнительный передел земли как форма социальной утопии эпохи аграрной революции // Проекты аграрных реформ в России: XVIII–начало XXI в. М. С. 331–401.
Основные вопросы аграрной реформы на 2-м Всероссийском съезде Лиги аграрных реформ (1917). М.
Фигуровская Н.К. (1968). Банкротство «аграрной реформы» Временного правительства // Исторические записки. Т. 81. М. С. 23–67.
Чаянов А.В. (2003). Не публиковавшиеся и малоизвестные работы. Сборник статей. М.

The organization-production school in 1917

Tatiana Savinova, PhD (Economics), Head of Organizational-Methodical and Personnel Work Chair, Russian State Archive of Economy; 119992, Moscow, B. Pirogovskaya St., 17. E-mail: savinova30@yandex. ru

The article is based on new and well-known scientific sources on the work of economists of the school in the League of Agrarian Reforms and Main Land Committee of the Provisional Government aimed at developing the agrarian reform. The author identifies

the milestones in the work of these organizations from their establishment to the liquidation. In the brief historiography based on the archive data, the author considers the participation of the school in the founding congress of the League and SLC, in the work of the Executive Committee and Council of the League, and in the second congress of the League and SLC held after the July events in Petrograd. The author studied the work of economists in the key commissions of the SLC on redistribution of the land fund. The statistical and economic reports of N.P. Makarov and A.N. Chelintsev were examined to identify their roles in the reforms. The author reveals the reasons to destroy the data of the all-Russian agricultural and land census, the causes of the incompleteness of the reform, and the fates of its organizations. Based on the new archive sources the author considers the structure, work and liquidation of the Department of Agricultural Economy and Policy of the Ministry of Agriculture headed by A.N. Chelintsev.

Keywords: history of the Russian revolution; agrarian reform; League of Agrarian Reforms; Main Land Committee; agricultural census; A.N. Chelintsev; A.V. Chayanov; N.P. Makarov; A.A. Rybnikov

References

- Chayanov A. V. (2003) *Ne publikovavshiesya i maloizvestnyie raboty. Sbornik statey* [Unpublished and little known works. A collection of articles]. Moscow.
- Figurovskaya N. K. (1968) Bankrotstvo «agrarnoy reformy» Vremennogo pravitelstva [The bankruptcy of «agrarian reform» of the Provisional Government]. *Istoricheskie zapiski*, vol. 81, pp. 23–67.
- Izvestiya Glavnogo zemelnogo komiteta (1917)* [News of the Chief Land Committee], no 1.
- Lenin V. I. (1972) *Proekt rechi po agrarnomu voprosu vo vtoroy Gosudarstvennoy Dume* [The Draft speech on the agrarian question in the second State Duma]. *Polnoe sobranie sochineniy* [Full. Coll. Op.], vol. 15, pp. 127–160. Moscow.
- Makarov N. P. (1917) *Ministry i tovarischi ministrov po mestam*. [Ministers and friends of ministers]. *Golos naroda* [The voice of the people], 12 November. Petrograd.
- Makarov N. P. (1917a) *Krestyanskoe hozyaystvo i ego interesyi* [The peasant farm and its interests]. Moscow: Universalnaya biblioteka.
- Makarov N. P. (1923) *Russkaya ekonomicheskaya mysl v voprosah selskogo hozyaystva* [Russian economic thought in agriculture]. *Krestyanskaya Rossiya* [Peasant Russia]. Vol. IV, pp. 24–45. Prague.
- Medushevsky A. N. (2005) *Uravnitelnyy peredel zemli kak forma sotsialnoy utopii epohi agrarnoy revolyutsii* [Egalitarian redistribution of land as a form of social utopia in the era of the agrarian revolution]. *Proekty agrarnykh reform v Rossii: XVIII–nachalo XXI vv.* [The agrarian reform projects in Russia: XVIII–beginning of XXI centuries]. P. 331–401. Moscow.
- Osnovnyie voprosyi agrarnoy reformyi na 2-om Vserossiyskom s'ezde Ligi agrarnykh reform (1917)* [The main issues of the agrarian reform at the 2nd all-Russian Congress of the League of agrarian reforms]. Moscow.

Юрий Александрович Мошков в контексте историографии коллективизации^{1,2}

Н.Г. Кедров

Николай Геннадьевич Кедров, кандидат исторических наук, научный сотрудник Вологодского государственного университета, 160000, г. Вологда, ул. Ленина, 15 e-mail: nk149@yandex.ru

Статья посвящена анализу работ известного российского историка-аграрника Ю.А. Мошкова. Его творчество рассматривается в контексте эволюции отечественной историографии коллективизации. Автор отмечает, что Мошков впервые оказался на авансцене исторической науки в эпоху оттепели. Это был важнейший период в формировании проблематики истории советского общества. В статье отмечается, что советскими историками была предложена исследовательская программа изучения аграрных преобразований в СССР как объективного процесса становления социалистического способа производства. Книга Мошкова «Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства в СССР» сыграла самую существенную роль в осуществлении задач этой программы. Высказанные в ней идеи анализируются в сравнительном контексте. Автор сопоставляет их как с концептами сталинской историографии, так и с ревизией последних, предложенной историками-аграрниками эпохи оттепели. В частности, подчеркивается, что работа Мошкова способствовала пересмотру в отечественной науке причин хлебозаготовительного кризиса 1927/28 года, вопроса о верхней хронологической границе нэпа, оценок результатов коллективизации. Благодаря этому Мошков стал одной из центральных фигур в советской аграрной историографии. Также автор рассматривает треки дальнейшего восприятия работ историка. Отмечается, что, несмотря на его активное участие в историографической революции 1990-х годов, ее результаты в определенной мере ретушировали значение высказанных ранее идей ученого. В силу этого влияние его работ на развитие современных исследований коллективизации в настоящее время в полной мере еще не оценено.

Ключевые слова: советская историческая наука, аграрная историография, Ю.А. Мошков, коллективизация, колхозная система

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-3-76-96

1. Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ проекта № 15-31-01250 «Эволюция российской историографии коллективизации крестьянства».
2. 6 апреля 2017 года видному российскому историку Юрию Александровичу Мошкову, стоявшему у истоков изучения истории крестьянства и сельского хозяйства советского периода, исполнилось 95 лет. Публикуемая статья Н.Г. Кедрова не планировалась журналом заранее, не привязана к дате и не носит юбилейного характера. Это независимая исследовательская работа, ряд положений которой не бесспорны и, как мы надеемся, станут предметом дальнейших дискуссий. Публикуя ее, редакция полагает также, что само появление таких статей лучше всяких «юбилейных» материалов характеризует вклад ученого в науку. Журнал «Крестьяноведение» желает Юрию Александровичу Мошкову крепкого здоровья, активного долголетия и выражает надежду на плодотворное сотрудничество.

Научные труды Юрия Александровича Мошкова хорошо известны современным исследователям истории советской деревни. Казалось бы, автор «Зерновой проблемы в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР» навсегда вписал свое имя в анналы отечественной историографии. Однако мы смотрим на путь, пройденный предшествующими исследователями проблемы коллективизации, сквозь призму современных подходов и оценок. В силу этого фигура Ю.А. Мошкова оказывается в тени других историков, сыгравших более существенную роль в историографической революции рубежа 1980–1990-х годов, прежде всего В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого, И.Е. Зеленина. Показательно, что в первом специальном издании, посвященном биографиям известных историков-аграрников, занимавшихся исследованием истории советской деревни не нашлось места для статьи о нем. (Кондрашин, 2014). Такая оценка научных заслуг Мошкова нам представляется несправедливой. И кстати, вплоть до указанного рубежа сообщество историков-аграрников воспринимало его фигуру иначе. И первому и второму обстоятельствам, однако, есть свои объяснения.

Ю.А. Мошков получил научную известность в середине 1960-х годов. Соответственно, временем формирования его исторического мировоззрения стали 1950-е–начало 1960-х годов — десятилетие, когда он был сначала студентом, аспирантом и, затем, преподавателем Московского университета. Стоит отметить, что это была важнейшая эпоха в жизни советской исторической науки, происходившие тогда процессы предопределили ее дальнейшее развитие вплоть до распада СССР. Период, вошедший в хроники политической истории страны под названием «оттепель», стал временем подлинно научного формирования историографии советской истории. Дело в том, что, в отличие от исследователей более ранних эпох, ученые, специализирующиеся на истории СССР, не могли опираться на достижения старой школы. Исследование истории советского общества в сталинские времена фактически было слито с изучением истории партии. Специалисты в этой области концентрировались преимущественно на кафедрах истории КПСС, что, конечно, накладывало свою специфику на осуществляемую ими научную работу. Идеальным ядром сталинского исторического мифа был «Краткий курс истории ВКП(б)». Режим не допускал каких-либо вольных трактовок этого «священного писания», в силу чего изучение советской истории на деле превращалось в обычное комментирование его положений. Отсутствовали и организационные условия для независимого обмена мнениями. Научные мероприятия представляли собой по большей части парадно-декларативные собрания, посвященные выражению лояльности и прославлению вождя партии, а неверно сказанное слово могло повлечь за собой политические обвинения. Таким образом, в академическом мире отсутствовала дискуссионность — важнейшее условие для формирования любой науки. Вызревание в этой среде предпосылок появления научной историографии само по себе является любопытной темой, выходящей, правда, за рамки нашего исследования. Здесь же

отметим, что смерть И.В. Сталина стала не только началом политического обновления страны, но и толчком для бурного инфраструктурного и идейного формирования историографии советского общества.

Перемены, происходившие с исторической наукой в эпоху оттепели, сегодня подробно изложены в научной литературе (Сидорова, 1997; Савельев, 2003; Пыжиков, 2001). Сам Юрий Александрович, позитивно оценивая происходившие тогда изменения, в особенности подчеркивал положительное значение создания при Академии наук научных советов по различным проблемам (истории Октябрьской революции, истории империализма, развитию рабочего класса и т. д.). «Вот эти научные советы — это было большое дело. Почему? Потому что научные советы на своих конференциях, симпозиумах могли объединить молодежь <...> поросль послевоенных историков, историков партии, историков СССР <...> для обсуждения общих проблем. Понимаете, это сразу очень высоко подняло обсуждение и научные дискуссии. <...> Люди впервые могли поглядеть друг на друга, поняли, какие тут проблемы стоят перед ними», — рассказывал историк³. В данном случае Мошков назвал одну из важнейших функций этих форумов в контексте формирования научной историографии советского общества: они способствовали преодолению внешней изолированности историков сталинского времени, создали благоприятную среду для обмена мнениями. В одной из работ 1960-х годов историк обозначил и основные вехи начавшегося обсуждения аграрной проблематики. «Весной 1957 года в Алма-Ате состоялась объединенная научная сессия по истории Средней Азии и Казахстана в эпоху социализма; в 1958 году — межвузовская конференция «Всемирно-историческое значение опыта КПСС по коллективизации сельского хозяйства» в Ростовском-на-Дону государственном университете; в 1961 году — научная сессия по истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР, организованная Институтом истории АН СССР, затем Уральская сессия в Свердловском государственном университете. С 1965 года начала работу советская сессия в ежегодном симпозиуме по аграрной истории Восточной Европы» (Мошков, 1967: 167). К сказанному можно добавить, что на этой волне выросло то блестящее поколение российских историков-аграрников, к которому в полной мере принадлежал и сам Мошков.

Наряду со становлением научных институций и формированием коммуникативной среды шел процесс дифференциации собственно научной проблематики истории советского общества. Начался он с обсуждения фундаментальных тем, в частности, периодизации советской истории. В 1954 году в журнале «Вопросы истории» была опубликована статья И.Б. Берхина и М.П. Кима «О периодизации истории советского общества», ставшая предметом оживленной дискуссии на одном из заседаний ученого совета Института истории АН СССР и на страницах названного журнала (Берхин, 1954; К вопросу о периодизации истории..., 1955; О периодизации истории совет-

3. Интервью с Ю.А. Мошковым. 31.10. 2015.

ского общества, 1955а; О периодизации истории советского общества, 1955б). Наиболее радикальное положение работы Берхина и Кима заключалось в следующем: история советского общества имеет свою периодизацию, отличную от этапов истории партии, обозначенных в «Кратком курсе истории ВКП(б)», поскольку развитие партийной организации не могло отражать все стороны жизни страны. В качестве критерия определения этапов «гражданской истории» авторы статьи предложили использовать «завершенные этапы в развитии способа производства». История советского общества, по их мнению, делилась на две эпохи: 1) перехода от капитализма к социализму; 2) перехода от социализма к коммунизму. Эпохи, в свою очередь, делились на более дробные периоды и этапы. При определении последних авторам статьи не удалось преодолеть характерную для сталинской историографии субъектную модель описания исторического процесса. Выделяя периоды, Берхин и Ким говорили о различиях задач, стоящих на разных отрезках советской истории. Вопрос о том, кто был субъектом действия этих самых задач — революция, партия, народ, — статья оставляла без ответа. Тем не менее их позиция вызвала бурю откликов. Часть историков, принявших участие в обсуждении работы, с разной степенью резкости отрицала саму необходимость новой по отношению к «Краткому курсу» периодизации. Например, прошедший в свое время школу большевистского подполья и фронтов Гражданской войны А.П. Кучкин прямо упрекнул авторов в том, что они «отрывают историю партии от истории народа». Но были и те, кто счел статью Берхина и Кима «своевременной и нужной». Их возражения оказались связаны с деталями определения авторами отдельных граней периодизации. Среди прочих обсуждался вопрос о завершении восстановительного и начале реконструктивного периода. Сами Берхин и Ким указали в качестве этого водораздела рубеж 1926–1927 годов. Это попытался оспорить Б.П. Орлов, полагавший, что восстановление хозяйства страны в силу отставания ряда отраслей растянулось и на 1927 год. С прямо противоположным мнением выступили А.М. Панфилова и А.М. Анфимов, которые, основываясь на факте увеличения государственных капиталовложений в промышленность, предлагали считать началом индустриализации 1926 год. В.П. Данилов в качестве значимого рубежа видел 1929 год — «когда и в городе, и в деревне победили социалистические производственные отношения». Таким образом, проблема хронологического рубежа конца 1920-х годов уже тогда приобрела характер сложного узла вопросов, распутывание которого требовало от исследователей знания различных контекстов советской истории.

Обсуждение этой темы продолжилось в середине 1960-х годов в ходе дискуссии по проблемам нэпа. Начало самой дискуссии было положено публикацией статьи Э.Б. Генкиной «В.И. Ленин и переход к новой экономической политике» (Генкина, 1964). Резкостью оценок ее работа не отличалась, но автор позволила себе рассуждать о том, что ранее считалось сакральным, а это было необычно для советской академиче-

ской среды. Вслед за статьей Генкиной последовали другие публикации, освещающие различные аспекты нэпа. В дискуссии приняли участие Ю.А. Поляков, В.П. Дмитренко, Ю.С. Кукушкин, Л.Ф. Морозов, И.Я. Трифонов и другие советские ученые. В 1966–1968 годах дискуссия переместилась на страницы журнала «Вопросы истории КПСС». Среди прочих в ходе обсуждения были подняты и вопросы хронологии и периодизации нэпа. Со статьей на эту тему выступил Ю.Н. Климов: в истории новой экономической политики он насчитал четыре этапа: 1) период отступления (с марта 1921 по март 1922 года); 2) период перегруппировки сил (с марта 1922 до конца 1925 года); 3) период наступления на капитализм (с конца 1925 до начала 1933 года); 4) период завершения нэпа (с начала 1933 до конца 1936 года) (Климов, 1966). Как видим, его трактовка вновь отсылала к анализу действий некоего абстрактного исторического субъекта. Но важным в данном случае представляется другое. Во-первых, автор доводил историю нэпа до второй половины 1930-х годов, а во-вторых, отрицал наличие сколь-либо значимого рубежа в политике партии в конце 1920-х годов. Такому взгляду на вещи историки были обязаны прежде всего Сталину, который еще в 1928 году во время борьбы с правым уклоном неоднократно декларировал тезис о продолжении руководством страны ленинской политики нэпа (Сталин, 1949д: 15; Сталин, 1949в: 46). Впоследствии, когда политическая нужда в этом утверждении отпала, Сталин тем не менее не счел нужным его опровергать. Так, в «Кратком курсе», несмотря на то что коллективизация рассматривается в качестве дискретной вехи советской истории⁴, говорится о том, что «новая экономическая политика была рассчитана на полную победу социалистических форм хозяйства» (Краткий курс, 1938: 306). В результате тезис о продолжении нэпа в 1930-е годы стал одной из догм сталинской историографии.

Но вернемся к ходу дискуссии. С возражениями по поводу предложенной Ю.Н. Климовым периодизации выступил В.И. Кузьмин. Он отмечал, что произошедшее на рубеже 1920–1930-х годов сужение рыночных связей и усиление наступления советского государства на «капиталистические элементы» свидетельствовало о наступлении следующего этапа новой экономической политики. Правда, само осуществление этого курса он, как и Климов, прослеживал до второй половины 1930-х годов (Кузьмин, 1967). С резкой критикой этого подхода тогда же выступил Ю.А. Мошков, приславший в редакцию журнала статью, в которой аргументированно доказы-

4. Как известно, «Краткий курс», приравнивая значение коллективизации к Великому Октябрю, фактически конституировал ее в качестве грани эпох в жизни советского общества. Учебник давал ей следующую характеристику: «Это был глубочайший революционный переворот, скачок из старого качественного состояния общества в новое качественное состояние» (Краткий курс, 1938: 291). Любопытно, что В.П. Данилов во время дискуссии по статье Берхина и Кима, указывая в качестве хронологического рубежа 1929 год, фактически воспроизводил логику «Краткого курса».

вал, что произошедшие на рубеже 1920–1930-х годов изменения в системе взаимоотношений города и деревни свидетельствуют о полной отмене нэпа. В редакции журнала ее, по всей видимости, сочли дерзкой выходкой молодого историка. Работу так и не напечатали, однако она была упомянута в редакционной статье по итогам дискуссии (К итогам обсуждения проблем новой экономической политики, 1968: 86). Впрочем, сама статья вряд ли имела столь уж большое значение для Юрия Александровича, к этому времени увидела свет его «Зерновая проблема», по сути поставившая в обсуждении вопроса о верхней хронологической границе нэпа жирную точку.

Итак, гомогенность, присущая сталинскому историческому мифу, не оставляла зарождавшемуся в 1950–1960-е годы научному дискурсу советской истории иного пути, кроме «отцеубийства». Попытки ученых объяснить те или иные явления и процессы недавнего прошлого неизбежно сталкивались с догматикой «Краткого курса» и других текстов, призванных конституировать мировоззрение научного сообщества. На этом пути вступали в конфликт принципы партийности и научности, патриотизма и объективности, возникал вопрос о том, как относиться к научному наследию тех людей, которых официально продолжали именовать «троцкистами и правыми оппортунистами». В силу этого демиурги новой историографии вынуждены были выступить в качестве могильщиков мифологии советской истории, сложившейся в сталинскую эпоху. Вопрос, однако, заключается в другом: имело ли поколение историков оттепели свою позитивную программу? Иными словами, было ли разрушение концептов прежней исторической парадигмы их самоцелью или средством решения научных задач? Нам представляется, что такая программа у историков, занимавшихся изучением истории советского общества, все же была. Юрий Александрович считал, что внутренней пружиной этого движения было «стремление заниматься именно наукой, исследованием, привлечением источников»⁵. С точки зрения наших знаний о политической культуре сталинского времени в этом мотиве легко увидеть намерение преодолеть характерный для развития науки в 1930–1950-е годы синкретизм политического и собственно научного. Бесспорно, эта черта в методологическом отношении сближала историков эпохи оттепели, однако предложенная ими программа исследования советской истории имела и свои концептуальные константы. Так, еще на заре «славного десятилетия» М.П. Ким и Г.Н. Голиков, критикуя историков предшествующего времени, писали о том, что «развитие советского общества изображалось как сплошное триумфальное шествие», в результате чего «оставалась невыясненной объективная обусловленность исторических поворотов» (Ким, Голиков, 1954: 50). В.П. Данилов одной из задач советской историографии считал изучение «объективного процесса формирования и развития социалисти-

5. Интервью с Ю.А. Мошковым. 31.10. 2015.

ческого способа производства» (О периодизации истории советского общества, 1955а: 82). Передовая статья журнала «Вопросы истории», ставшего в 1955–1957 годах рупором идейного обновления в исторической науке, гласила: «История партии является частью общегражданской истории. Вся деятельность, политика и тактика партии определяются объективными историческими процессами, внутренним и внешним положением страны» (XX съезд КПСС..., 1956). Историки оттепели отнюдь не были противниками советского строя. Но, согласно кредо ученого, они пытались заменить трансцендентальный пафос борьбы партии за достижение высших целей, являвшийся в сталинской историографии источником исторического развития советского общества, логикой поддающихся эмпирической проверке экономических, социальных и иных процессов. В своих работах они стремились определить и проследить закономерности генезиса советского общества. Существенную роль в осуществлении задач этой исследовательской программы суждено было сыграть «Зерновой проблеме» Ю.А. Мошкова. Попробуем рассмотреть изложенные в ней идеи и подходы, сопоставляя их как с концептами сталинской историографии, так и с предложенной историками оттепели ревизией последних.

Именно желание понять реальные процессы, происходившие в деревне в эпоху «великого перелома», привело молодого аспиранта Мошкова в архив. Там Юрий Александрович впервые познакомился с материалами Московского комитета ВКП(б) по чистке партийных рядов, отчетной документацией политотделов МТС, данными хлебофуражных балансов СССР и другими источниками. Они открыли перед историком картину репрессий, хаоса и бесхозяйственности, царивших в колхозах начала 1930-х годов. Тогда же он впервые узнал о голоде в советской деревне. Разумеется, обо всем этом по понятным причинам открыто рассказать в печати не представлялось возможным. Однако не меньшей проблемой для молодого ученого была задача найти адекватный объяснительный механизм, раскрывающий суть процессов, происходивших тогда в деревне. Каковы были первопричины коллективизации? Какие обстоятельства обуславливали государственную политику в отношении деревни? Каковы ее результаты? Перед исследователем стояла задача увязать воедино разнообразие ответов на эти вопросы. В итоге Мошков пришел к убеждению, что первопричиной кардинальных изменений в жизни села рубежа 1920–1930-х годов была зерновая проблема. В одноименной книге он дал следующее определение этому понятию: «Под зерновой проблемой подразумевается исторически обусловленное расхождение между производством зерна в СССР и быстро растущим его потреблением» (Мошков, 1966: 5). Уже только одним этим предложенный им подход существенно отличался от модели анализа, характерной для сталинской парадигмы. В «Кратком курсе» и исторических работах 1930-х–первой половины 1950-х годов основным источником изменений признавалась мессианская деятельность коммунистической

партии. Зерновая проблема у Мошкова — это своего рода фокус объективных процессов производства и потребления. Все прочие, связанные с коллективизацией явления и тенденции в жизни охватывались в числе ее производных. Таким образом, уже на первых страницах книги Мошкова мы видим торжество объектного объяснительного механизма, определившего дальнейшее прочтение автором всей темы. Существенные отличия от предшествующей историографической традиции изучения коллективизации заметны и в ряде других аспектов исследования.

Прежде всего следует отметить, что Мошков дал новую характеристику причин зерновой проблемы в целом и хлебозаготовительного кризиса 1927/28 года в частности. Как известно, Сталин еще непосредственно во время кризиса назвал в качестве главной его причины «кулацкий саботаж» (Сталин, 1949). При этом сам он был прекрасно осведомлен о том, что основными держателями хлеба в деревне были середняки, но в ходе партийных дискуссий продолжал настаивать на своем (Сталин, 1949д: 12; Сталин, 1949б: 86). Противники Сталина в партийных дебатах в качестве причины хлебозаготовительного кризиса считали ошибки, допущенные советскими плановыми и заготовительными органами. Возможно, отсылку к «классовой борьбе» генсек счел наиболее простым и доступным аргументом для убеждения в своей правоте партийного большинства. Впоследствии тезис о «кулацком саботаже» был принят на вооружение и в исторических работах. Характеристика истоков хлебозаготовительного кризиса, приведенная в книге Мошкова, в равной мере отличалась от оценок как Сталина, так и его оппонентов. Автор выделил две группы факторов, обусловивших обострение зерновой проблемы в СССР к концу 1920-х годов. К первой им были отнесены объективные тенденции экономического и демографического развития страны. Историк отмечал ряд позитивных изменений, происходивших в сельском хозяйстве в 1920-е годы: рост посевных площадей, увеличение валовых сборов зерна, улучшение урожайности. Однако эти результаты наталкивались на тенденции иного рода: с 1913 по 1928 год население страны выросло с 114,6 до 123 млн человек, т. е. увеличилось количество потребителей зерна. К тому же передача в результате революции помещичьих земель крестьянам привела к измельчанию сельскохозяйственного производства. Численность крестьянских дворов с 1916 по 1927 год увеличилась на 19% (с 21 до 25 млн). Этому процессу соответствовал рост поголовья скота, что автоматически предполагало увеличение затрат зерна на его содержание. По данным Мошкова, доля затрат на прокорм домашнего скота и птицы с 1925/26 по 1927/28 год увеличилась с 26,2 до 31,9% от валового сбора. Еще более быстрыми темпами в условиях начавшейся индустриализации росло городское население. Ежегодно численность городских жителей увеличивалась более чем на миллион человек. «Из производителей сельскохозяйственных продуктов эти люди превращались в их по-

Н.Г. Кедров

Юрий Александрович Мошков в контексте историографии коллективизации

требителей». В итоге «все перечисленные обстоятельства обуславливали отставание зернового хозяйства от роста потребностей населения и государственных задач», — заключал историк (Мошков, 1966: 21-29). Ко второй группе Мошков отнес факторы субъективного порядка (ошибки советских торгово-заготовительных организаций, «сопротивление кулачества»). Конечно, нельзя категорично заявлять, что сталинская историография полностью игнорировала влияние указанных Мошковым тенденций. Так, Сталин в конце 1920-х годов заявлял об исчерпании возможностей развития мелкого крестьянского хозяйства (Сталин, 1949а). Однако у Мошкова, в отличие от сталинской парадигмы, эти факторы в иерархии причин, обусловивших зерновую проблему, словно бы поменялись местами.

Существенные отличия заметны и в характеристике Мошковым государственной политики. В «Кратком курсе» и других официальных текстах сталинского времени последняя — это сравнительно константная величина. Да, политический курс правящей партии и там сталкивается с серьезными препятствиями, иногда партия вынуждена маневрировать, отдельные ее представители могут допускать тактические ошибки. Однако в сталинских нарративах партия всегда преодолевает препятствия, промахи и недочеты отдельных членов исправляются усилиями коллективного разума, а маневры в любом случае служат достижению конечной цели — построению социализма. Принципы государственной политики в этой трактовке статичны, они не зависят от условий социальной среды. Мошков в своей книге пользовался явно более прагматичными представлениями о политике государства. Экономические и демографические процессы в его концепции, формируя различного рода факторы, создают своего рода рамку социальных вызовов, в которой вынуждено действовать государство. Решая текущие проблемы, правительство может тасовать принципы политики как карточную колоду, ибо сама политика в данной трактовке — это набор определенных мероприятий. Так, новая экономическая политика в деревне, согласно Мошкову, была основана на двух моментах: сельхозналоге и разрешении свободы торговли. Сельхозналог представлял собой фиксированный объем продукции (с 1924/25 года он взимался полностью в денежной форме), отдаваемой государству. С оставшейся частью произведенного продукта крестьянин мог поступать по своему усмотрению. Отмеченные выше факторы привели к хлебозаготовительному кризису 1927/28 года, выход из которого партия нашла в усилении мер административного воздействия на деревню. Летом 1929 года правительствами РСФСР и Украины был принят ряд постановлений, которые предусматривали продажу государству «хлебных излишков» по твердым ценам. Эти меры означали отказ от принципов сельхозналога и свободы торговли. Последующее развитие полностью подтверждало этот тезис историка. Так, неизменно росла доля государственных заготовок во всей товарной продукции зерновых: в 1928/29 году она составляла 73,4%, в 1929/30-м — 81,7%, в 1930/31-м — 92,8%, в 1931/32-м — 97,8%. Оборот же частной

торговли сократился с 4457 млн руб. в 1927/28 году до 1240 млн руб. в 1929/30-м (Мошков, 1966: 124-125). Хотя сам автор в книге ограничился утверждением о том, что изменения принципов хлебозаготовительной политики в конце 1920-х годов «знаменовали наступление нового завершающего этапа нэпа», любой здравомыслящий читатель из сказанного мог понять, что с этого времени нэп как набор организационно-хозяйственных мероприятий перестал существовать. Впоследствии историк вернулся к этой теме и уже более однозначно говорил о завершении нэпа (Мошков, 1971). В «Зерновой проблеме» Мошков также констатировал, что описанные выше изменения так или иначе подталкивали государство к широким социальным преобразованиям в деревне, так как опыт времен военно-коммунистического эксперимента однозначно показывал, что «сдача хлеба государству по невыгодным для крестьян ценам неминуемо вела к сокращению производства хлеба до потребительского минимума» (Мошков, 1966: 65). Еще одним важным сдвигом, фиксируемым в книге, стало изменение в системе планирования хлебозаготовок. Их монополизация и устранение рынка в качестве связующего звена привели к тому, что теперь планы сборов зерновых составлялись исходя из потребностей в зерне государства. Таким образом, Мошков стал одним из первых отечественных историков, которому удалось в своих работах показать реальную эволюцию советской аграрной политики рубежа 1920–1930-х годов.

Но, пожалуй, самым кардинальным образом исследование Мошкова пересматривало итоги коллективизации. Сталин, как известно, противопоставлял «счастливую и зажиточную» жизнь колхозной деревни мраку и нищете, царившим на селе до осуществления «революции сверху», поэтому в советской исторической литературе 1930–1950-х годов ничего не говорилось о последовавшем за ней кризисе сельскохозяйственного производства. Сам генсек в своем отчетном докладе XVII съезду ВКП(б) лишь вскользь упомянул об имевшем место снижении валового сбора зерновых в начале 1930-х годов, объяснив это временными трудностями реорганизационного периода (в приводимой статистической таблице данные за 1933 год им, очевидно, были завышены) (Сталин, 1953б: 320-321)⁶. В «Кратком курсе» и вовсе сравнивались показатели производства зерновых за 1917 и 1937 годы (первые при этом были произвольно занижены) (Краткий курс, 1938: 321)⁷. Одним словом, вождь хорошо умел работать со статистикой. Практика, связанная с ретушированием реальной картины дел в этом вопросе, получила продолжение в исторической литературе. Так, М.А. Краев, например, сравнивал средние показатели валового сбора зерновых за 1909–1914, 1928–1932 и 1933–1937 годы и, разумеется, на выходе получил тенден-

6. Вероятно, в данном случае с амбарным урожаем за предыдущие годы сопоставлялся так называемый биологический урожай зерновых.

7. Не вдаваясь в детали современных дискуссий на эту тему, можно отметить то, что цифры за 1913 год расходились даже с озвученными ранее Сталиным на XVII съезде ВКП(б).

цию их неуклонного роста (Краев, 1954: 638). Мошков в своей книге не только привел точные цифры хлебофуражных балансов СССР, показывающие снижение валовых сборов зерна в начале 1930-х годов, но и писал, что в связи с увеличением в это же время посевных площадей реальная урожайность зерновых культур значительно снизилась. Особенно этот процесс был заметен в южных районах страны. Согласно приводимым историком данным, урожай в нечерноземной полосе составляли 7,7–9,1 ц/га против 4,3–7,0 ц/га в районах, считавшихся житницами страны (Мошков, 1966: 226–228). В книге было дано убедительное объяснение этому, казалось бы, парадоксу. Переход к практике обязательных хлебозаготовок и их количественный рост привел к тому, что колхозы были вынуждены сдавать большую часть произведенной продукции государству. Государственные цены на сдаваемое зерно оказались ниже себестоимости. На любые попытки уклониться от хлебозаготовок власть отвечала репрессиями. Автор констатировал очевидное нарушение принципа материальной заинтересованности колхозников. В результате сложившаяся система отношений между государством и колхозами наиболее сильный удар нанесла по благосостоянию селян южных районов страны, где люди уже привыкли жить за счет продажи продукции сельского хозяйства (Там же: 214). К незаинтересованности колхозников в результатах своего труда добавлялись произошедшее упрощение агротехники и резкое сокращение поголовья скота, что привело к нехватке тягловой силы и органических удобрений. Из сказанного ясно, что осуществление коллективизации имело катастрофические последствия для советского сельского хозяйства. Конечно же, и сам Сталин в своих речах, и официальные документы партии признавали наличие некоторых трудностей в развитии аграрной сферы. Борьба за хозяйственно-организационное укрепление колхозов в «Кратком курсе» указывалась в числе наиболее важных задач партии на начало 1930-х годов. Однако в изложении Сталина это были временные проблемы, обусловленные «болезнью роста» колхозов и вредительской работой недобитого кулачества, тогда как у Мошкова описанные выше черты колхозного строя обретали системный характер.

Еще одна идея, явственно звучавшая в работе ученого: индустриализация осуществлена за счет ресурсов деревни. Исходя из логики своего подхода, Мошков рассмотрел не только процессы производства сельскохозяйственной продукции в СССР, но и тенденции, связанные с ее потреблением. Для того чтобы показать суть происходивших на рубеже 1920–1930-х годов в этой сфере изменений, исследователю понадобилось ввести в свой анализ такие категории, как внедеревенское и внутридеревенское потребление. Понятно, что доля первого в Советском Союзе в исследуемый период возрастала. Происходил рост городов, население которых увеличилось с 1928 по 1931 год на 12,4 млн человек. Ввиду практически полной монополизации хлебной торговли их обеспечение легло на плечи советского государства и потребовало введения карточной системы. Данные хлебофуражных балансов также показывали резкое увеличение на рубеже 1920–1930-х

годов хлебного экспорта (с 260 тыс. т в 1929 г. до 4841 тыс. т в 1930 г.). Учитывая общее снижение валового сбора зерна в начале 1930-х годов, нетрудно было догадаться, за счет чего государство смогло удовлетворить возникшие потребности. Согласно приводимым в книге Мошкова данным, личное потребление неземледельческого населения страны с 1928 по 1932 год выросло с 53 697 тыс. ц до 92 539 тыс. ц, а земледельческого населения — сократилось с 312 220 тыс. ц до 260 000 тыс. ц (Там же: 117-137, 230). Более того, исследователь использовал статистические данные об изменении норм душевого потребления продуктов сельского хозяйства; последние показывали не только общее для города и деревни снижение потребления продуктов животноводства, но и сокращение на селе потребления продуктов основных земледельческих культур (хлеба и картофеля). Эти сведения, разумеется, были очень далеки от бравых реляций Сталина об исчезновении «обнищания и пауперизма в деревне» (Сталин, 1953а: 196). Сам Юрий Александрович, охарактеризовав ситуацию как «величайший вклад колхозного крестьянства в дело создания основ индустриализации», в итоге пришел к заключению, что зерновая проблема в исследуемый период в СССР так и не была решена.

Мошков, безусловно, принадлежал к числу ученых, настаивавших на необходимости нового научного прочтения истории советского общества. Он не только печатным словом, но и делом помогал В.П. Данилову бороться за возможность объективного изучения «великого перелома». В частности, Юрий Александрович выступал в защиту подготовленной историками Института истории коллективной монографии «История коллективизации сельского хозяйства в СССР» на печально знаменитом обсуждении в Отделе науки ЦК КПСС⁸. Все это, однако, не снимает вопрос о соответствии идей ученого работам других «ревизионистов» советской аграрной истории. Определенное представление об основных направлениях переосмысления темы «социалистической реконструкции» советского сельского хозяйства в советской науке на начало 1960-х годов дают историографические работы М.Л. Богденко и И.Е. Зеленина (Богденко, Зеленин, 1961, 1962). В них под видом описания научных дискуссий авторы поднимали ряд острых проблем истории коллективизации. Характеризуя тенденции, предшествовавшие «революции сверху», они подчеркивали отсутствие или ограниченность ее объективных предпосылок. При изложении самого процесса Богденко и Зеленин акцентировали внимание на его наиболее драматических аспектах, «перегибах», раскулачивании, классовой борьбе. Так, «перегибам» в соответствии с канонами иносказания в их брошюре была посвящена объемная сноска, в которой авторы фактически настаивали на том, что курс на «форсирование темпов» и «извращения» был сознательно принят партией. Тема раскулачивания должна была имплицировать насильственные методы осуществления «великого перелома». Даже, казалось бы,

8. Интервью с Ю.А. Мошковым. 31.10. 2015.

соответствующий сталинской традиции сюжет об усилении классовой борьбы давал возможность историкам поговорить о такой табуированной в то время теме, как крестьянское сопротивление. Рассматривая итоги коллективизации, Богденко и Зеленин настаивали на недостаточной изученности экономических показателей колхозного строя.

Теперь посмотрим, насколько идеи, высказанные Мошковым в его «Зерновой проблеме», соответствовали этой номенклатуре проблем. Причины коллективизации в его системе взглядов предопределила диалектика объективных процессов производства и потребления. О раскулачивании и «перегибах» в книге содержится лишь несколько отдельных упоминаний. Автор явно не акцентировал внимание своих читателей на этих сюжетах. Классовая борьба была отнесена историком к числу факторов второго порядка. Любопытно, что Богденко и Зеленин даже сделали замечание одной из статей Мошкова за недооценку «враждебной деятельности кулачества» (Богденко, Зеленин, 1961: 41). Пожалуй, единственное место, где векторы усилий названных историков полностью совпадали, было освещение обусловленного коллективизацией спада сельскохозяйственного производства. Все это, однако, не значит, что Мошков избрал более конформистскую стратегию, сказанное выше убеждает нас в обратном. Просто использованная историком аналитическая модель в большей степени была ориентирована на определение причинно-следственных связей, нежели высвечивание наиболее драматических точек процесса коллективизации.

Наконец, еще одно напрашивающееся сравнение. Как правило, вершиной советской аграрной историографии считают принадлежащие перу В.П. Данилова две монографии по истории доколхозной деревни (Данилов, 1977, 1979). Думаю, с этой оценкой вполне можно согласиться. Если сравнить эти книги с «Зерновой проблемой» Мошкова, можно заметить, что характер изложения материала в них более объективный, чем в работе последнего. У Мошкова изложение ряда сюжетов превращается в традиционное для советской историографии описание борьбы партии за выполнение тех или иных задач: подготовки посевной кампании, расширения посевных площадей, усиления материальных стимулов работы в колхозе и т. д. Сочинения Данилова, рассматривающие эволюцию социальных и экономических процессов в деревне накануне коллективизации, с этой точки зрения смотрятся выигрышнее. Тем не менее, даже оставив за рамками сравнения тот факт, что обе его работы написаны на десятилетие позже (а значит, отражали дальнейшее развитие знаний по проблеме), следует отметить две существенных их особенности. Во-первых, обе книги, равным образом как и первая монография В.П. Данилова, давали отрицательный ответ на главный вопрос исследования об объективных предпосылках коллективизации. А потому любопытствующий читатель всегда может спросить: с какой целью автор писал эти книги? Не ставя под сомнение научные намерения Данилова, отметим, однако, что ему самому пришлось серьезно ретушировать собственные выводы в заклю-

чениях своих работ. Во-вторых, блистательно проделанный Даниловым анализ ряда внутренних аспектов деревенской жизни обрывался 1929 годом. Открытым в таком случае оставался вопрос о применимости использованных автором методик анализа к истории колхозной деревни. Современному читателю понятно, что многое, о чем хотел написать историк на страницах своих работ, в то время по цензурным соображениям сделать было нельзя. Но ведь Мошков в «Зерновой проблеме» с равной мерой пристрастности излагал проблемы истории села как до, так и после «великого перелома». В обоих случаях в изложении у Мошкова действуют одни и те же исторические законы, определяющие естественный ход вещей. А это значит, что избранная историком аналитическая модель в условиях того времени оказалась более универсальной. Она позволяла не только исследовать прошлое, но и рассказать о нем советским читателям. В целом же «Зерновая проблема» стала одним из наиболее ярких воплощений исследовательской программы изучения коллективизации второй половины 1950-х годов. «Революцию сверху» она рассматривала как закономерный результат развития объективных процессов производства и потребления. При этом ее автор сумел не погрешить против истины, показав в своей работе не столько достижения «социалистической реконструкции», сколько реальные проблемы колхозной жизни. Все это, разумеется, сказывалось на восприятии фигуры Мошкова в кругу советских историков-аграрников. Фактически вплоть до историографической революции рубежа 1980–1990-х годов его имя оставалось вторым по значимости после Данилова, в числе историков советской деревни. В связи с этим закономерен вопрос: почему в дальнейшем это положение изменилось?

В какой-то степени свою роль сыграла не столь высокая по сравнению с другими известными историками-аграрниками публикационная активность Мошкова. Несмотря на то что в 1960–1980-е годы Юрий Александрович принимал участие в коллективных научных трудах, выступал с докладами на конференциях и статьями в журналах (Вылцан, Данилов, Кабаков, Мошков, 1982; 1971; 1979; 1963; 1965; 1984), он так и остался автором одной монографии, пусть даже для своего времени выдающейся в общем ряду научных трудов советских историков-аграрников. Мошков погрузился в преподавательскую работу и, в отличие от многих своих коллег, спокойно относился к получению научных званий и степеней. В 1990-е годы Мошков всецело поддержал происходившую тогда историографическую революцию в области изучения аграрной истории советского общества. Суть происходящих тогда процессов сам историк характеризовал эпитетом «освобождение»⁹. Он не только приветствовал свободу слова, открытие архивов, появившуюся возможность сотрудничества с коллегами из-за рубежа, но и принял деятельное участие в осуществлении основных проектов исследовательской программы изучения советской деревни начала 1990-х годов. Остановимся чуть

9. Интервью с Ю.А. Мошковым. 31.10. 2015.

подробнее на двух аспектах, повлиявших на восприятие фигуры Мошкова в контексте новой парадигмы коллективизации.

В 1990-е годы с повестки дня исторической науки был снят поиск объективных предпосылок «великого перелома». Вопрос о причинах коллективизации теперь звучал совсем иначе: руководствовался ли Сталин, осуществляя «революцию сверху», необходимостью решения проблем экономического развития страны или им двигали мотивы борьбы за власть? Таким образом, в новом варианте постановки этой проблемы речь шла о выборе либо построении иерархии исключительно субъектных факторов. В этой связи историков вновь заинтересовали причины хлебозаготовительного кризиса 1927/28 года. В частности, эта проблема была поднята Даниловым во время обсуждения монографии Ш. Мерля «Аграрный рынок и новая экономическая политика» на теоретическом семинаре «Современные концепции аграрного развития» в 1994 году. Немецкий историк объяснял кризис ошибками советских заготовительных и налоговых организаций (низкие закупочные цены на хлеб, отсутствие промышленных товаров в торговой сети, освобождение от уплаты сельхозналога значительной части бедняцких хозяйств). Однако Данилова тогда не устроила такая трактовка, поскольку, по его словам, «чрезвычайщина, создавшая кризис, была бы пущена и без Октябрьского манифеста. В чем действительно прав Ш. Мерль, так это в утверждении, что исключительно вследствие принудительных мер трудности заготовительной кампании превратились в кризис заготовок зерна» (Современное крестьяноведение..., 2015: 367). В этом утверждении маститого историка-аграрника причины и следствия хлебозаготовительного кризиса словно бы менялись местами. Получалось, что не попытка партийной верхушки решить доступными средствами возникший кризис хлебозаготовок привела к эскалации государственного насилия в деревне, а сам кризис был лишь предлогом для активации сталинским руководством репрессивной машины. Развернутая система аргументов в пользу такого взгляда была приведена Даниловым во «Введении» к первому тому «Трагедии советской деревни», где кризис рассматривался в качестве части манипуляций, осуществленных Сталиным и его сторонниками в ходе борьбы за власть (Данилов, 1999). Мошков участвовал в работе того самого заседания теоретического семинара и с мнением Данилова согласился (Современное крестьяноведение, 2015: 387). Однако вне зависимости от оценок историком причин кризиса на тот момент времени, следует понимать, что такая трактовка полностью дезавуировала исходный пункт его собственных рассуждений, ставших основой концепции «Зерновой проблемы». В целом же вектор усилий исследовательской программы начала 1990-х годов был направлен на вытеснение так в полной мере и не использованной в советской науке объектной модели объяснения «великого перелома». В силу этого попытка осмыслить события коллективизации посредством анализа взаимосвязи про-

цессов производства и потребления, предпринятая в книге Мошкова, в новой системе концептуальных взглядов явно становилась неактуальной.

Еще одним важным с точки зрения программы начала 1990-х годов проектом, в котором принял участие Мошков, стала документальная серия «Трагедия советской деревни». Непосредственно его перу принадлежит вступительная статья к четвертому тому этого издания, посвященного периоду 1934–1936 годов (Мошков, 2002б). Этот очерк в полной мере соответствует основному направлению переосмысления истории советской деревни в 1990-е годы. В нем автор фиксирует внимание на репрессиях, голоде, в меньшей степени — на крестьянском сопротивлении. Впрочем, иного и не следовало ждать от издания, ставшего «иконой» новой исследовательской программы изучения коллективизации. Тем не менее главной темой этой работы Мошкова стал анализ системных факторов неэффективности колхозного производства. Она отчетливо прозвучала и в других публикациях историка (Мошков, 1997, 2002а, 2006). В них автор развивал положения, высказанные им еще в 1960-х годах. Система директивного планирования, не учитывающая местных особенностей, низкий уровень агротехники, практика прорывных кампаний, незаинтересованность большей части колхозников в результатах своего труда, тяжелые условия жизни в деревне стали причинами низкой производительности советских коллективных хозяйств. Такая ситуация, по его мнению, сохранялась и в середине и в конце 1930-х годов. Исходя из этого, Мошков делал вывод о стагнации советского сельского хозяйства. Все эти выкладки, разумеется, вполне соответствовали теоретическим установкам исследовательской программы 1990-х годов. Однако они явно отличались меньшим драматизмом, нежели темы голода и репрессий. Выбор Мошковым сюжетов, связанных с изучением колхозной экономики, в качестве основного направления своей исследовательской деятельности в 1990–2000-е годы, как нам представляется, на тот момент также несколько сужал пространство для восприятия его идей в научном сообществе. Вместе с тем эти наблюдения имели важное значение для складывания новой парадигмы коллективизации. Если Данилов в 1990 году создал скелет новой исторической картины жизни деревни эпохи «великого перелома», то исследования, подобные работам Мошкова, формировали ее плоть. Анализ экономических процессов заполнял пустоты, возникающие в результате концентрации внимания исследователей на описании репрессивных акций режима. Мы считаем, что вклад историка в формирование современной парадигмы коллективизации до сих пор не оценен в полной мере.

Сегодня в некоторых историографических работах развитие аграрных исследований во второй половине 1950-х–1980-е годы трактуется практически как исключительно борьба ученых с догматизмом «Краткого курса» и цензурными препонами. Все это, разумеется, имело место, но следует также понимать, что перед советскими историками-аграрниками стояли и собственно научные

Н.Г. Кедров

Юрий Александрович Мошков в контексте историографии коллективизации

задачи. Сформировавшаяся в середине 1950-х годов научная программа ориентировала исследователей на изучение генезиса советского общества. В силу ряда причин ее концептуальные посылки так и не были в полной мере реализованы в советской исторической науке. Тем не менее в изучении истории советской деревни в этот период были и творческие прорывы. Вне всякого сомнения, к их числу следует отнести «Зерновую проблему» Ю.А. Мошкова. Эта книга стала одним из наиболее объективных исследований в советской аграрной историографии и, соответственно, одним из наиболее последовательных воплощений установок программы середины 1950-х годов. Как кажется, еще один подвиг историк незаметно для нас совершил в 1990-е годы, когда вновь встал вопрос о переосмыслении «революции сверху». Ученый, не колеблясь, пожертвовал своими прежними теоретическими наработками ради торжества исторической истины. Недооценено сегодня и влияние идей Мошкова на развитие современных исследований по истории советской деревни: во многом именно его работы положили начало обсуждению в отечественной аграрной историографии таких сюжетов, как эволюция советской заготовительной политики и государственного регулирования рынка, фискальное обложение и изменение хозяйственного уклада крестьянского двора, взаимозависимость процессов развития города и деревни. Даже в сюжете о голоде, ставшем своего рода визитной карточкой современной историографии коллективизации, можно увидеть развитие поставленного Ю.А. Мошковым вопроса о соотношении внедеревенского и внутридеревенского потребления. Однако эта тема пока еще ждет своего исследователя.

Библиография

- Берхин И.Б. (1954). О периодизации истории советского общества // Вопросы истории. № 10. С. 72–78.
- Богденко М.Л., Зеленин И.Е. (1962). История коллективизации сельского хозяйства в современной историко-экономической литературе // История СССР № 2. С. 133–151.
- Богденко М.Л., Зеленин И.Е. (1961). Основные проблемы коллективизации сельского хозяйства в современной исторической литературе. М.
- Вылцан М.А., Данилов В.П., Кабанов В.В., Мошков Ю.А. (1982). Коллективизация сельского хозяйства в СССР: пути формы, достижения. М.
- Генкина Э.Б. (1964). В.И. Ленин и переход к новой экономической политике // Вопросы истории. № 5.
- Данилов В.П. (1999). Введение (истоки и начало деревенской трагедии) // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы в 5-ти томах. Т. 1. М.
- Данилов В.П. (1977). Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М.
- Данилов В.П. (1979). Советская доколхозная деревня: социальная структура и социальные отношения. М.
- История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс (1938). М.

- К вопросу о периодизации истории советского общества (1955) // Вопросы истории. № 3. С. 71–79.
- К итогам обсуждения проблем новой экономической политики (1968) // Вопросы истории КПСС. № 12.
- Ким М., Голиков Г. (1954). Некоторые вопросы разработки истории советского общества // Коммунист. № 5.
- Климов Ю.Н. (1966). К вопросу о периодизации новой экономической политики // Вопросы истории КПСС. № 11.
- Кондрашин В.В. (2014). Историки-аграрники России XX–начала XXI в.: творческий путь и международное сотрудничество. Прага.
- Краев М.А. (1954). Победа колхозного строя в СССР. М.
- Кузьмин В.И. (1967). Новая экономическая политика и смычка социалистической промышленности с мелкокрестьянским хозяйством // Вопросы истории КПСС. № 2. С. 46–57.
- Мошков Ю.А. (1984). Демографические изменения в деревне СССР в годы первых пятилеток // Социально-демографические аспекты развития производительных сил деревни. XX сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Таллин.
- Мошков Ю.А. (1963). Зерновая проблема в годы коллективизации сельского хозяйства // История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. Материалы научной сессии состоявшейся 18–21 апреля 1961 г. в Москве. М.
- Мошков Ю.А. (1966). Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929–1932 гг.). М.
- Мошков Ю.А. (1965). Кибернетика и методы исторического исследования // История СССР. № 6. С. 214–220.
- Мошков Ю.А. (1997). Коллективизация и сельскохозяйственное производство в СССР в 1930-е годы // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1997. № 3. С. 46–75.
- Мошков Ю.А. (1967). Основные вопросы историографии сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР // Очерки по историографии советского общества. М.
- Мошков Ю.А. (2002а). Производство зерна, хлебозаготовки и урожайная статистика СССР в 1930-е годы // Россия в XX веке: реформы и революции. Т. 1. М. С. 591–603.
- Мошков Ю.А. (1971). Решающий этап осуществления ленинского кооперативного плана и вопрос о заключительной стадии нэпа // Проблемы аграрной истории советского общества. М. С. 150–154.
- Мошков Ю.А. (2002б). Советское сельское хозяйство и крестьянство в середине 1930-х годов // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы в 5-ти томах. Т. 4. М. С. 7–38.
- Мошков Ю.А. (1979). Статистика сельскохозяйственного производства СССР // Массовые источники по социально-экономической истории советского общества. М. С. 196–227.
- Мошков Ю.А. (2006). Экономические аспекты становления колхозной системы: информационный потенциал годовых отчетов колхозов 1930-х годов // Экономическое обозрение. Вып. 12. М. С. 113–123.
- О периодизации истории советского общества (1955) // Вопросы истории. № 4. С. 81–85.
- О периодизации истории советского общества (1955) // Вопросы истории. № 9. С. 56–62.
- Пыжиков А.В. (2001). Общественные науки в годы «оттепели» // Преподавание истории и обществознания в школе. № 5. С. 15–24.
- Савельев А.В. (2003). Номенклатурная борьба вокруг журнала «Вопросы истории» в 1954–1957 гг. // Отечественная история. № 5. С. 148–162.
- Сидорова Л.А. (1997). Оттепель в исторической науке (советская историография первого послевоенного десятилетия). М.
- Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке (2015). М.
- Сталин И.В. (1953а). Итоги первой пятилетки. Доклад 7 января 1933 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М.
- Сталин И.В. (1949а). К вопросам аграрной политики в СССР. Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 12. М. С. 141–172.

- Сталин И.В. (1949б). На хлебном фронте. Из беседы со студентами Института красной профессуры, Комкадемии и Свердловского университета 28 мая 1928 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 11. М.
- Сталин И.В. (1949в). О работе апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК // Сталин И.В. Сочинения. Т. 11. М.
- Сталин И.В. (1949г). О хлебозаготовках и перспективах развития сельского хозяйства (Из выступлений в различных регионах Сибири в январе 1928 г.) // Сталин И.В. Сочинения. Т. 11. М. С. 2–4.
- Сталин И.В. (1953б). Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) 26 января 1934 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М. С. 320–321.
- Сталин И.В. (1949д). Первые итоги заготовительной кампании и дальнейшие задачи партии. Ко всем организациям ВКП(б) // Сталин И.В. Сочинения. Т. 11. М.
- XX съезд КПСС и задачи истории партии (1956) // Вопросы истории. № 3.

Yury Moshkov in the historiography of collectivization

Nikolay Kedrov, PhD (History), Research Fellow, Vologda State University; 15 Lenina St., Vologda, 160000, Russia e-mail: nk149@yandex.ru

The project was supported by the Russian Foundation for Humanities. The project No.15-31-01250 "Evolution of the Russian Historiography of the Peasant Collectivization".

Article is devoted to the analysis of works of known Russian agrarian historian Ju. A. Moshkov. The author considers its works in a context of evolution of a Russian historiography of collectivization. The author notices that Moshkov has appeared for the first time on a proscenium of a historical science during epoch of «thaw». It was the major period in formation of a problematics of history of the Soviet society. Then, Soviet historians offered the research program of studying of agrarian transformations to the USSR as objective process of formation of a socialist way of production. Moshkov's book «The Grain problem in years of continuous collectivization of agriculture in USSR» has played the most essential role in realization of science tasks of this program. The author analyzes the ideas of Moshkov's book in a comparative context. He compares them both with concepts a Stalin's historiography, as with the audit of the last offered by agrarian historians of an epoch of «thaw». In particular, it is underlined, that Moshkov's work promoted revision in a Russian science: the reasons grain crisis in 1927/28 year, a question on the top chronological border of the New Economic Policy, estimations of results of collectivization. Thanks to it, Moshkov became one of the central figures in the Soviet agrarian historiography. Also, the author considers tracks of the following perception of the Moshkov's works in the historiography. Moshkov participated in historiographic revolution of 1990th years. However, the results of this scientific revolution retouched the previous ideas of the scientist. Owing to it, influence of its works on development of modern researches of collectivization to the full is not estimated now yet.

Keywords: Soviet historical science, agrarian historiography, Ju. A. Moshkov, collectivization, kolkhoz system

Reference

- Berhin I. B. (1954) O periodizacii istorii sovetskogo obshchestva [On the periodization of history of the Soviet society]. *Voprosy istorii*, no. 10, pp. 72–78.
- Bogdenko M. L., Zelenin I. E. (1962) Istoriya kollektivizacii sel'skogo hozjajstva v sovremennoj istoriko-ehkonomicheskoj literature [History of collectivisation of agriculture in the contemporary historic-economic literature]. *Istoriya SSSR*, no 2, pp. 133–151.
- Bogdenko M. L., Zelenin I. E. (1961) *Osnovnye problemy kollektivizacii sel'skogo hozjajstva v sovremennoj istoricheskoj literature* [Basic problems of collectivisation of agriculture in the contemporary historic literature], Moscow.

- Vylcan M. A., Danilov V. P., Kabanov V. V., Moshkov YU. A. (1982) *Kollektivizatsiya sel'skogo hozhaystva v SSSR: puti formy, dostizheniya*. [Collectivisation of agriculture in the USSR: Ways, forms, achievements], Moscow.
- Genkina E.H. B. (1964) V. I. Lenin i perekhod k novej ehkonomicheskoy politike [V.I.Lenin and transition to new economic policy] *Voprosy istorii*, no 5.
- Danilov V.P. (1999) Vvedenie (istoki i nachalo derevenskoj tragedii) [Introduction (roots and beginning of rural tragedy)]. *Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy v 5-ti tomah*, vol. 1. Moscow.
- Danilov V.P. (1977) *Sovetskaya dokolhoznaya derevnya: naselenie, zemlepol'zovanie, hozyajstvo*. [Soviet village before collective farms: Population, land tenure, economy], Moscow.
- Danilov V.P. (1979) *Sovetskaya dokolhoznaya derevnya: social'naya struktura i social'nye otnosheniya*. [Soviet village before collective farms: Social structure and social relations], Moscow.
- Istoriya Vsesoyuznoj Kommunisticheskoy partii (bol'shevikov). Kratkij kurs* (1938) [History of All-Union Communist party (Bolsheviks). The Short course], Moscow.
- K voprosu o periodizatsii istorii sovetskogo obshchestva (1955) [On the periodization of history of the Soviet society]. *Voprosy istorii*, no 3, pp. 71–79.
- K itogam obsuzhdeniya problem novej ehkonomicheskoy politiki (1968) [The results of the discussion on problems of new economic policy]. *Voprosy istorii KPSS*, no 12.
- Kim M., Golikov G. (1954) Nekotoryj voprosy razrabotki istorii sovetskogo obshchestva [Some questions of the history of the Soviet society] *Kommunist*, no 5.
- Klimov Yu. N. (1966) K voprosu o periodizatsii novej ehkonomicheskoy politiki [On the periodization of new economic policy]. *Voprosy istorii KPSS*, no 11.
- Kondrashin V. V. (2014) *Istoriki-agrarniki Rossii XX–nachala XXI vv.: tvorcheskij put' i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo*. [Historians of agriculture in Russia XX–in early XXI centuries: Career and international cooperation], Praga.
- Kraev M. A. (1954) *Pobeda kolhoznogo stroya v SSSR*. [Victory of the collective-farm system in the USSR], Moscow.
- Kuz'min V. I. (1967) Novaya ehkonomicheskaya politika i smychka socialisticheskoy promyshlennosti s melkokrest'yanskim hozyajstvom [New economic policy and the connection of socialist industry with small peasant economy]. *Voprosy istorii KPSS*, no 2, pp. 46–57.
- Moshkov YU. A. (1984) Demograficheskie izmeneniya v derevne SSSR v gody pervyh pyatiletok [Demographic changes in USSR village in the first five-years periods]. *Social'no-demograficheskie aspekty razvitiya proizvoditel'nyh sil derevni. HKH sessiya Vsesoyuznogo simpoziuma po izucheniyu problem agrarnoj istorii*, Tallin.
- Moshkov Yu. A. (1963) Zernovaya problema v gody kollektivizatsii sel'skogo hozhaystva [The grain problem under the collectivisation of agriculture]. *Istoriya sovetskogo krest'yanstva i kolhoznogo stroitel'stva v SSSR. Materialy nauchnoj sessii sostoyavshejsya 18–21 aprelya 1961 g. v Moskve*, Moscow.
- Moshkov Yu. A. (1966) *Zernovaya problema v gody sploshnoj kollektivizatsii sel'skogo hozhaystva SSSR. (1929–1932 gg.)*. [The grain problem under the overall collectivisation of agriculture in the USSR], Moscow.
- Moshkov Yu. A. (1965) Kibernetika i metody istoricheskogo issledovaniya [Cybernetics and methods of historical research]. *Istoriya SSSR*, no 6, pp. 214–220.
- Moshkov Yu. A. (1997) Kollektivizatsiya i sel'skohozyajstvennoe proizvodstvo v SSSR v 1930-e gody [Collectivisation and agricultural production in the USSR in the 1930th years]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser.8. Istoriya*, no 3, pp. 46–75.
- Moshkov Yu. A. (1967) Osnovnye voprosy istoriografii sploshnoj kollektivizatsii sel'skogo hozhaystva SSSR [Basic questions of the historiography of the overall collectivisation of agriculture in the USSR]. *Ocherki po istoriografii sovetskogo obshchestva*, Moscow.
- Moshkov YU. A. (2002a) Proizvodstvo zerna, hlebozagotovki i urozhajnaya statistika SSSR v 1930-e gody [Grain production, grain collection and yields statistics in the USSR in 1930s]. *Rossiya v XX veke: reformy i revolyucii*. vol. 1. Moscow, pp. 591–603.

- Moshkov Yu. A. (1971). Reshayushchij etap osushchestvleniya leninskogo kooperativnogo plana i vopros o zaklyuchitel'noj stadii nehpa [Final stage of the Lenin co-operative plan and the final stage of the New Economic Policy]. *Problemy agrarnoj istorii sovetskogo obshchestva*, Moscow, pp. 150–154.
- Moshkov Yu. A. (2002b) Sovetskoe sel'skoe hozyajstvo i krest'yanstvo v seredine 1930-h godov [Soviet agriculture and peasantry in the mid 1930s]. *Tragediya sovetskoj derevni. Koll-ektivizaciya i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy v 5-ti tomah*, vol. 4, Moscow, pp. 7–38.
- Moshkov Yu. A. (1979) Statistika sel'skohozyajstvennogo proizvodstva SSSR [Statistics of agricultural production in the USSR]. *Massovye istochniki po social'no-ehkonomicheskoj istorii sovetskogo obshchestva*, Moscow, pp. 196–227.
- Moshkov YU. A. (2006) Ehkonomicheskie aspekty stanovleniya kolhoznoj sistemy: informacionnyj potencial godovyh otchetov kolhozov 1930-h godov [Economic aspects of collective-farm system: information potential of annual reports of collective farms in the 1930s]. *Ehkonomicheskoe obozrenie*, vol. 12, Moscow, pp. 113–123.
- O periodizacii istorii sovetskogo obshchestva (1955). [On the periodization of the history of Soviet society]. *Voprosy istorii*, no 4, pp. 81–85.
- O periodizacii istorii sovetskogo obshchestva (1955) [On the periodization of the history of Soviet society]. *Voprosy istorii*, no, 9, pp. 56–62.
- Pyzhikov A. V. (2001) Obshchestvennye nauki v gody «ottepeli» [Social studies of the «thaw»]. *Prepodavanie istorii i obshchestvoznaniya v shkole*, no 5, pp. 15–24.
- Savel'ev A. V. (2003). Nomenklaturnaya bor'ba vokrug zhurnala «Voprosy istorii» v 1954–1957 gg. [The nomenclature struggle about the «Questions of history» in 1954–1957]. *Otechestvennaya istoriya*, no 5, pp. 148–162.
- Sidorova L. A. (1997) *Otpepel' v istoricheskoj nauke (sovetskaya istoriografiya pervogo poslevoennogo desyatiletiya)*. [«Thaw» in the historical science (the Soviet historiography of the first post-war decade)], Moscow.
- Sovremennoe krest'yanovedenie i agrarnaya istoriya Rossii v XX veke* (2015) [Modern peasant studies and agrarian history of Russia in the XX century], Moscow.
- Stalin I. V. (1953a). Itogi pervoj pyatiletki. Doklad 7 yanvarja 1933 g. [Results of the first five-years period. The report on January, 7th, 1933]. Stalin I. V. *Sochineniya*, vol. 13, Moscow.
- Stalin I. V. (1949a). K voprosam agrarnoj politiki v SSSR. Rech' na konferencii agrarnikov-mark-sistov 27 dekabrya 1929 g. [The agrarian policy in the USSR. Speech at the conference of agricultural economists-Marxists on December, 27th, 1929]. Stalin I. V. *Sochineniya*, vol. 12, Moscow, pp. 141–172.
- Stalin I. V. (1949b). Na hlebnom fronte. Iz besedy so studentami Instituta krasnoj professury, Komakademii i Sverdlovskogo universiteta 28 maya 1928 g. [At the grain front. From discussions with students of Institute of Red Professorate, Communist Academy and Sverdlovsk university on May, 28th, 1928]. Stalin I. V. *Sochineniya*, vol. 11, Moscow.
- Stalin I. V. (1949v). O rabote aprel'skogo ob'edinennogo plenuma CK i CKK [On the work of April incorporated plenum of the Central Committee and the Central Control commission]. Stalin I. V. *Sochineniya*, vol. 11, Moscow.
- Stalin I. V. (1949g). O hlebozagotovkah i perspektivah razvitiya sel'skogo hozyajstva (Iz vystuplenij v razlichnyh regionah Sibiri v yanvare 1928 g) [On grain-collections and prospects of development of agriculture (From speeches in various regions of Siberia in January 1928)]. Stalin I. V. *Sochineniya*, vol. 11, Moscow, pp. 2–4.
- Stalin I. V. (1953b). Otchetnyj doklad XVII s'ezdu partii o rabote CK VKP(b) 26 yanvarja 1934 g. [The report to the XVII congress about the Central Committee of the Communist party on January, 26th, 1934]. Stalin I. V. *Sochineniya*, vol. 13, Moscow, pp. 320–321.
- Stalin I. V. (1949d). Pervye itogi zagotovitel'noj kampanii i dal'nejšie zadachi partii. Ko vsem organizacijam VKP(b) [The first results of grain campaign and further tasks of the party. To all organisations of the Communist party]. Stalin I. V. *Sochineniya*, vol. 11, Moscow.
- XX s'ezda KPSS i zadachi istorii partii (1956) [XX congress of the Communist party of the Soviet Union and the tasks oh the history of the party]. *Voprosy istorii*, no 3.

Современные отходники севера и юга европейской части России

Н.Н. Жидкевич

Наталья Николаевна Жидкевич, аналитик проектно-учебной лаборатории муниципального управления Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». 101000 Москва, ул. Мясницкая, 20.
E-mail: nzhidkevich@hse.ru

Статья посвящена явлению внутренней временной трудовой миграции, всё чаще называемой «современным отходничеством». Рассматривается аспект его территориальной дифференциации. Дифференциация обусловлена экономическими, социокультурными, демографическими особенностями территорий постоянного проживания отходников. Наблюдаются различия в таких характеристиках, как масштабность отходничества в местном («домашнем») сообществе, распространённость отходничества среди женщин, доминирующие мотивы к работе на выезде, основные отходнические специализации, статус отходников в «домашнем» сообществе. Указанные различия особенно заметны с движением с севера на юг европейской России. На обследованных территориях, отнесённых автором к «югу», доля отходников в местных сообществах значительно выше, чем на территориях, отнесённых к «северу», так как на «юге» существенно выше плотность населения. На «юге» в отходничество вовлекается и мужское, и женское население, тогда как на «севере» женщины-отходники встречаются редко. В отношении специализаций для лесного «севера» примечательно присутствие среди отходников плотников, возводящих строения для обеспеченных горожан (на «юге» плотников практически нет). «Южные» же отходники отличаются своим делением на две контрастные категории — разнорабочими и занятыми квалифицированным высокооплачиваемым трудом, чаще всего в местах добычи полезных ископаемых. На «юге» конкуренция за рабочие места выше, чем на «севере», к тому же «северные» плотники, обладающие редкими умениями, востребованы на рынке; вследствие этого можно говорить о том, что на «юге» отходники мотивированы более выталкивающим фактором, на «севере» — притягивающим. Доля отходников в сообществе и набор «выездных» специализаций определяют различия в их позициях в местной социальной структуре. Характерные для «севера» плотники имеют скорее высокий социальный статус. «Южные» отходники первой выделенной категории обладают статусом преимущественно невысоким, второй категории — преимущественно высоким.

Ключевые слова: отходничество, внутренняя временная трудовая миграция, трудовая миграция, территориальные различия, север европейской России, юг европейской России, российская провинция, стратегии занятости

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-3-97-107

В ходе исследований современного отходничества (внутренней временной трудовой миграции), осуществлённых в 2011–2013 го-

дах под руководством профессора НИУ ВШЭ Ю.М. Плюснина¹, нами были замечены территориальные² различия данного явления (Плюснин и др., 2013: 97-112). Наблюдения и интервью, проведённые в нескольких регионах европейской России, показали, что для ряда территорий характерно существование той или иной доминирующей специализации, по которой местные жители работают на выезде. В обследованных районах Костромской, Вологодской и Архангельской областей многие жители заняты возведением на выезде деревянных домов (срубов) обеспеченным горожанам в ближайших для последних пригородах. В обследованных районах Мордовии, Чувашии и Рязанской области, расположенных значительно южнее, отходники по своей выездной специализации условно делятся на тех, кто занят малоквалифицированным трудом (в охране, на уборке, в торговле, на домашних работах) — таких оказалось большинство, и тех, кто может предложить рынку востребованную специализацию (работает по специальности в промышленности, строительстве, на транспорте). Также обследования показали, что с движением с «севера» на «юг» доля женщин-отходников увеличивается. Косвенным подтверждением этого наблюдения стал тот факт, что существующие описания женщин-отходников сделаны исследователями, работавшими в южных российских регионах (White, 2007; Лебёдушкина, 2008; Великий, 2010).

В исследовании, проведённом автором аналогичными методами в 2012–2014 годах³, география была расширена, территориальной специфике отходничества уделялось особое внимание. Полученные результаты подтвердили сделанные нами ранее выводы о существовании территориальных различий в половом составе отходников и в наборе специализаций, по которым работают на выезде. Также было установлено, что территориальные различия проявляются в таких характеристиках, как доля отходников в местном сообществе (подразумевается сообщество исхода), их социальное положение в нём и доминирующие мотивы к отходничеству. Было отмечено

1. В рамках проектов «Отходники в малых городах России» (при финансовой поддержке фонда «Хамовники»), «Отходники в малых городах» (грант РГНФ). Автор являлась участником исследований.
2. Под «территориальными» автором понимаются различия в первую очередь на районном уровне (под «районом» условно подразумевается территория одного из современных муниципальных районов или городских округов в границах бывших административных районов — как правило, такой территории свойственно социально-экономическое и социокультурное единство); строгой привязки к районам не делается. Под «территориальной» будет подразумеваться также единообразная специфика отходничества, демонстрируемая сразу несколькими районами (чаще соседствующими или расположенными недалеко друг от друга) и даже, с определёнными ограничениями, несколькими регионами.
3. В рамках проекта «Социальный портрет современного российского отходника» (при финансовой поддержке фонда «Хамовники»).

но, что территориальная специфика отходничества обуславливается следующими основными обстоятельствами: состояние и структура местной экономики (в том числе специализация уже не действующих предприятий); наличие профессиональных учебных заведений и набор специализаций, по которым происходит обучение в них; доступность крупных рынков труда; спрос на специалистов определённого профиля на ближайшем крупном рынке труда; местные социокультурные особенности и традиции; демографические характеристики территории (половозрастной состав, плотность населения).

Были подтверждены и дополнены наши наблюдения, свидетельствующие о том, что в европейской России территориальные различия отходничества наиболее ярко проявляются с движением с «севера» на «юг». Различия зависят от многих обстоятельств и лишь косвенно связаны с дихотомией «север — юг». По сходству характеристик отходничества обследованные районы Костромской, Архангельской, Вологодской областей, Пермского края были условно отнесены автором к «северу», районы Мордовии, Чувашии, Рязанской, Пензенской, Саратовской областей — к «югу». Районы Ленинградской, Псковской, Тверской, Ярославской, Нижегородской, Ивановской областей по своим характеристикам занимают переходное положение между «севером» и «югом». В районах, отнесённых к «северу», собрано 113 интервью, к «югу» — 117 интервью, к переходным — 129 интервью. Подчёркнём, что отходничество — явление многообразное, и те или иные комбинации характеристик могут встретиться в любой местности. Мы не подвергаем отходников «сортировке», а фиксируем значимость фактора территории их постоянного проживания.

Покажем территориальные различия «северного» и «южного» отходничества — (1) доля отходников в местном сообществе, (2) набор специализаций, по которым работают на выезде, (3) доминирующие мотивы к отходничеству, (4) распространённость женского отходничества, (5) положение отходников в сообществе — на полученных эмпирических данных.

(1) Доля отходников в сообществе определяется в первую очередь состоянием местной экономики — чем больше действующих организаций и предприятий, тем меньше отходников. При этом уровень занятости зависит не только от числа работодателей, но и от числа потенциальных работников. В каждом муниципальном образовании есть «обязательный» набор рабочих мест, которые так или иначе дают работу местным жителям (в основном в бюджетной сфере); чем жителей меньше, тем большая доля трудоспособных людей сможет найти работу по месту жительства. Иными словами, как правило, в районах с низкой плотностью населения доля отходников среди трудоспособных людей ниже. В то же время очевидно, что чем ближе и доступнее крупные рынки труда, обеспечивающие прибыльную занятость, тем привлекательнее и разнообразнее становится отходничество.

В каждом обследованном нами районе соотношение работающих «дома» и на выезде различалось, но чётко прослеживалась та тенденция, что на «юге» доля отходников в сообществе существенно выше, чем на «севере». Отходничество на «юге» распространено настолько, что в начале интервью тема поездок на заработки даже не сразу воспринималась информантами всерьёз — для них это не примечательное явление, а обыденная реальность. Показателен пример информантки из Калининского района (Саратовская область), оказавшейся одновременно матерью троих, бабушкой двоих и тётшей одного отходника. А в чувашском селе местная жительница, перебирая дома на своей улице — достаточно протяжённой — один за другим, называла те, в которых живут люди, ездящие на заработки, и оказалось, что они есть практически во всех домах. Схожие оценки давали информанты в Бековском районе (Пензенская область), отмечая, что отходники есть абсолютно в каждом доме. Эти наблюдения подтверждаются расчётами масштабов отходничества в северных и южных регионах, сделанных Т.Г. Нефёдовой (см.: Нефёдова, 2015а).

Дифференциация масштабов отходничества на «севере» и на «юге» объяснима следующими обстоятельствами. Плотность населения на юге в несколько раз превышает соответствующий показатель на «севере», вследствие чего конкуренция за рабочие места там существенно выше. Кроме того, если в «северных» периферийных районах ведущей отраслью экономики является лесозаготовка и иногда лесопереработка, то в «южных» таковым является, как правило, значительно менее доходное сельское хозяйство. Поэтому, даже если рабочие места и есть, большинство из них из-за слишком низких заработных плат неинтересны потенциальным работникам. При этом наблюдается и нехватка рабочих мест, вызванная сложившимся в последнее время избытком сельского населения (см.: Нефёдова, 2015б): на сельхозпредприятиях всё чаще используются современные технологии, и для выполнения того же объёма работ в настоящее время требуется меньше работников, чем раньше, к тому же часть из них заняты сезонно. Наконец, более населённый «юг», в отличие от «севера», обладает и более развитой транспортной инфраструктурой, что также способствует росту числа отходников (см. также: Аверкиева, 2016).

(2) Набор специализаций, по которым трудятся отходники, варьирует в зависимости от таких обстоятельств, как специализация местных предприятий (в том числе уже не действующих), набор специальностей, по которым происходит обучение в местных профессиональных учебных заведениях (если таковые имеются), спрос на специалистов определённого профиля на ближайшем крупном рынке труда, местные традиционные умения. Также определяющим может стать случай — например, если вслед за одним отходником на привлекательную работу начинают массово подтягиваться его знакомые и знакомые знакомых.

Для обследованных «северных» районов важную роль в определении распространённой специализации отходников сыграли местные традиционные умения. Значительная часть отходников специализируется на изготовлении и установке под частный заказ срубов — деревянных домов, дач, бань. На «юге» эта отходническая специализация почти не встречается, так как там практически отсутствуют леса с качественной строевой древесиной и, соответственно, местные жители не обладают плотницкими навыками. До революции плотницкий строительный отход был характерен для жителей северо-западных губерний (см., напр.: Смурова, 2007), сохранённые потомками навыки рубки срубов оказались востребованными и на современном рынке труда. Подавляющее большинство заказов плотникам идёт из Москвы и ближайшего Подмосковья. Этот промысел достаточно прибыльный, соответственно, значительная часть «северных» отходников удовлетворены своим заработком, и, возможно, поэтому доля ездящих вахтами в места добычи полезных ископаемых (что также является доходным занятием) относительно мала.

Специализация «южных» отходников имеет свою специфику, подмеченную нами изначально ещё в работе по проектам Ю.М. Плюснина. Один из информантов из Касимовского района (Рязанская область) указал, что в отход из его местности едут две категории людей: ленивые, подающиеся в основном в охрану, и востребованные квалифицированные специалисты. В дальнейшем мы постоянно убеждались в верности этого замечания для большинства обследуемых районов «юга», с той поправкой, что для части отходников первой категории причиной непрестижности их работы является не лень, а отсутствие у них (в сравнении с «северными» плотниками) навыков, которые высоко оплачиваются.

Судя по полученным данным, первая категория более многочисленна и отличается значительным разнообразием отходнических специализаций. Скорее важно не то, в какой сфере трудится человек, а то, что работает он на территории, где платят ощутимо большие деньги. Зачастую «южные» информанты, рассказывая о знакомых отходниках, затруднялись указать сферу, в которой те работают, зная чётко только место работы (чаще всего им оказывалась Москва). Работа таких отходников зачастую не требует квалификации и низко оплачивается. Показателен пример одного из саратовских информантов-отходников, который за небольшой срок сменил несколько новых, не требующих квалификации видов деятельности в разных регионах — был разнорабочим на стройке, подмастерьем при ремонте квартир, развозил топливо на тракторе; в любой момент он готов ехать куда угодно, хвататься за первую предложенную работу. Большинство же отходников этой категории, по нашим оценкам, действительно, работают охранниками. Также они заняты в торговле, в организациях общественного питания, на заводах и фабриках, оказывают услуги домработниц, сиделок, нянь и т. д.

К «южным» отходникам второй категории относятся те, кто имеет востребованную квалификацию. Большинство из них ездят вахтами в места добычи полезных ископаемых, где работают преимущественно машинистами спецтранспорта (на бульдозерах, самосвалах и т. п.). Это во многом определяется традиционной специализацией местных предприятий и связанным с ней набором специальностей в местных профессиональных учебных заведениях.

(3) Логика ответов отходников на вопросы о мотивах к работе на выезде также обнаруживает территориальные различия. Представляется, что в обследованных «северных» районах на потенциальных отходников действует скорее притягивающий фактор, тогда как в «южных» — скорее выталкивающий (см.: Lee, 1966).

В «северных» районах, как уже отмечалось, вследствие относительно низкой плотности населения конкуренция за рабочие места в принципе относительно невысока. При этом «северные» отходники часто указывали, что у них есть возможность работать в лесу или на пилораме. Однако их не устраивает тяжесть труда, травматизм, непостоянный характер работы, а также соотношение усилий и оплаты за выполненную работу — хотя заработки там в целом удовлетворительные. Таким образом, на «северных» потенциальных отходников действует скорее притягивающий фактор. Особенно это характерно для составляющих значительную часть местного населения отходников-плотников, умения которых пользуются высоким спросом на рынках труда крупных городов и высоко оплачиваются.

В плотно заселённых «южных» районах конкуренция за рабочие места, особенно для мужчин, существенно выше. К тому же в обследованных районах «юга» нет аналога «северному» относительно доходному лесному сектору. Таким образом, на потенциальных отходников действует скорее фактор выталкивания. Они мотивированы тем, что в их населённом пункте достойно трудоустроиться невозможно и на работу в отъезде их гонит нужда. Примечательно, что «южные» информанты-отходники часто сетовали на то, что у них стало не хватать денег на оплату коммунальных услуг (т. е. на самые базовые траты), поэтому пришлось уезжать на заработки (тогда как на «севере» часто начинали с того, что «нужно было детей учить»). Некоторые «южные» отходники отмечают, что теоретически есть возможность жить за счёт ведения личного подсобного хозяйства, но эта стратегия занятости чересчур трудоёмка и нестабильна. В такой ситуации отходничество оказывается для них рациональным выходом из положения.

(4) «Север» и «юг» демонстрируют яркие контрасты в распространённости женского отходничества. Большинство информантов из «северных» районов отмечают, что либо не слышали о нём, либо с чьих-то слов знают о каких-то единичных случаях. На «юге», напротив, по оценкам информантов, женщины ездят на заработки наравне с мужчинами. Дополнительным свидетельством спра-

ведливости этих оценок является тот факт, что все (хоть и немногочисленные) интервью с информантками-отходниками получены в «южных» районах. Чаще всего их специализация относится к первой выделенной категории — продавцы, официанты, сиделки, уборщицы и т. п.

Анализируя различия в масштабах женского отходничества, можно указать на воздействие притягивающих (на «севере») и выталкивающих (на «юге») факторов: так как на «юге» по экономическим причинам в принципе больше населения вовлекается в отходничество, то и женщин-отходников, соответственно, там больше. Также, на наш взгляд, половой состав частично обуславливается местными социокультурными особенностями и традициями. Традиции прочнее сохраняются в местах староосвоенных, значительно удалённых от крупных городов, с низкой транспортной доступностью. Такие места характерны более для «севера». Поэтому можно предположить, что там по большей части сохраняются патриархальные взгляды на роль женщины в семье и разделение труда и редко допускается, чтобы жена, мать или дочь могли работать в отрыве от дома. По той же причине в разных районах одного и того же региона информанты могли неодинаково оценивать распространённость женского отходничества. Например, жители Никольского района Вологодской области не считают нормальным отъезд женщины на заработки, тогда как в Белозерском районе той же области информанты спокойно признавали, что такие случаи есть. Различия объясняются тем, что первый район расположен на востоке этого достаточно протяжённого региона, вдали от крупных городов, а второй — на западе, тяготеющем к Ленинградской области и Санкт-Петербургу. Различия в масштабах женского отходничества, вызванные культурными особенностями, могут наблюдаться и в соседствующих районах. Так, в Костромской области в изолированном и имеющем давнюю историю Кологривском районе традиционные представления сохраняются, и женщины в отходничество практически не вовлечены, тогда как в соседнем, относительно новом, стоящем на железнодорожной магистрали райцентре Мантурово женское отходничество встречается часто. В пользу влияния традиций говорит и тот факт, что на заработки ездят женщины преимущественно из городов, в то время как в сельской местности это практически не распространено. Таким образом, влияние культурного аспекта определёнno присутствует. Однако этим не снимается вопрос о получении средств к существованию одинокими женщинами (данные Федеральной службы государственной статистики по разводам для регионов, в которых расположены рассматриваемые «северные» и «южные» районы, сопоставимы). Наблюдения позволяют предположить, что на «севере» одинокие женщины получают финансовую помощь от родителей, среди которых много отходников-плотников и которые, благодаря своим относительно

высоким заработкам, могут тратить часть дохода на финансовую помощь взрослым детям.

(5) Территориальные различия присутствуют на уровне статуса отходников в местном сообществе. Переход от «северных» районов к «южным» особым образом изменяет их статус. Во многом это связано с уже описанными территориальными различиями — с долей отходников в сообществе, набором «выездных» специализаций, их доминирующими трудовыми мотивами.

В сообществах «северных» районов отходники являются меньшинством с активной трудовой позицией. Значительная часть из них работают плотниками. На деле это означает, что они не только обладают специфическими навыками, но и работают с тяжёлыми бревнами, в травмоопасных условиях, делая перерывы только на питание и сон, так как заказчик требует выполнения заказа в кратчайшие сроки. Поскольку дом ставится чаще всего «в чистом поле», плотникам приходится жить в палатках или временных постройках, сколоченных ими же на скорую руку, готовить и стирать самостоятельно. Договорённость на словах обуславливает неофициальный характер их работы. Поэтому плотники, принимая заказ, рискуют в лучшем случае не получить за него деньги. При удачном раскладе за сезон плотники зарабатывают деньги, позволяющие жить в достатке целый год. Выполняя тяжёлую, требующую особых умений, навыков и репутации работу, работая в бригаде из 3–5 человек, отходник-плотник зарабатывает до 100 тыс. руб. на каждого за заказ. Годовой доход плотника составляет в среднем 400–500 тыс. руб. исключительно за счёт сезонного строительства. Владение редкими навыками и готовность применять их в тяжёлых и опасных для здоровья и жизни условиях вызывает у общества уважение к ним. Местные жители отмечают их обеспеченность, улучшение материального положения их домохозяйств. Всё это определяет высокий социальный статус таких характерных для «севера» отходников.

В «южных» районах на заработки ездит большинство трудоспособного населения. Вследствие этого особое отношение сообщества проявляется скорее по отношению к людям, успешно трудоустроенным по месту жительства, коих меньшинство. «Южные» отходники, как уже отмечалось, по своей специализации как бы делятся на две основные категории, которым соответствуют разные социальные статусы. Работа «южных» отходников многочисленной первой категории часто считается относительно лёгкой, поэтому оплачивается низко. Они работают обычно непродолжительными вахтами и получают, в зависимости от работы, 15–25 тыс. в месяц (180–300 тыс. руб. в год). Как по словам местных жителей, так и по наблюдаемым внешним признакам такие отходники часто либо не отличаются по уровню жизни от тех, кто не ездит на заработки, либо отличаются даже более низким уровнем жизни. Доходы их достаточны для обеспечения себя всем необходимым, но в то же время по срав-

нению с местными жителями, удачно трудоустроенными «дома» (например, по сравнению с мелким предпринимателем, владеющим одним-двумя продуктовыми магазинами, или с начальником отдела в районной администрации), по своему материальному положению отходники практически не выделяются или даже могут отличаться более низким материальным благополучием. Для них работа в отходе привлекательна не заработком, а относительной доступностью, простотой и стабильностью. Всё это определяет относительно невысокий социальный статус таких отходников. Отходники второй категории, работающие на спецтранспорте в регионах добычи полезных ископаемых, трудятся в опасных для здоровья и жизни условиях; несчастные случаи, с учётом специфики работы, происходят часто. Особенно тяжелые условия приходится на тех отходников, которые начинают работать на новом участке посреди тайги, будучи оторванными от остального мира. Вследствие удалённости территории работы и дороговизны транспорта им редко удаётся бывать «дома», и часто отходник до полугода (иногда и более) находится в отрыве от семьи. Воздействие экстремальных природно-климатических северных условий способны выдерживать только самые стойкие и выносливые. В зависимости от выполняемой работы и режима они зарабатывают от 300 до 700 тыс. руб. в год. Это квалифицированные кадры, предъявляющие высокие запросы к уровню заработной платы и готовые к непростому образу жизни. По своим трудовым и индивидуально-личностным характеристикам они сопоставимы с «северными» плотниками. Такие отходники пользуются среди местных жителей уважением и имеют высокий социальный статус.

Итак, в ходе исследований современного отходничества были зафиксированы территориальные (районные, региональные) различия в характеристиках явления на севере и на юге европейской части России. Различия проявляются в доле отходников в сообществе, в их половом составе, в доминирующих мотивах к отходничеству, в наборе «выездных» специализаций, в местном социальном статусе отходников. В сравнении с «севером» на «юге» существенно выше доля отходников в местном сообществе и выше доля женщин-отходников среди местного женского населения. Представляется, что на «севере» на потенциальных отходников действует скорее фактор притяжения, на «юге» — скорее фактор выталкивания. Для «севера» характерно отличительное присутствие среди прочих отходников значительной части тех, кто возводит дома для обеспеченных заказчиков; на «юге» отходники по своей специализации делятся на две основные категории — занятые на самых разных работах, часто не требующих высокой квалификации и относительно малооплачиваемых, и занятые квалифицированным высокооплачиваемым трудом, чаще всего в качестве машинистов спецтранспорта в местах добычи полезных ископаемых. Различия в масштабности отходничества и ориентации преобладающих специализаций опре-

деляют разницу в восприятии отходников сообществом и в их позициях в местной социальной структуре.

Библиография

- Аверкиева К.В.* (2016). Рынки труда и роль отходничества в занятости сельских жителей российского Нечерноземья // Известия РАН. Серия географическая. № 1. С. 25–37.
- Великий П.П.* (2010). Неотходничество, или Лишние люди современной деревни // Социологические исследования. № 9. С. 44–49.
- Лебёдушкина О.* (2008). До Москвы одна ночь // Отечественные записки. № 5(44). С. 249–256.
- Нефёдова Т.Г.* (2015а). Отходничество в системе миграций в постсоветской России. География [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly [сайт]. № 643–644. 18–31 мая 2015. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0643/demoscope643.pdf> (дата обращения: 15.06.2015).
- Нефёдова Т.Г.* (2015б). Отходничество в системе миграций в постсоветской России. Предпосылки [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly [сайт]. № 641–642. 4–17 мая 2015. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0641/demoscope641.pdf> (дата обращения: 15.06.2015).
- Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А.* (2013). Отходники / Науч. ред. С.Г. Кордонский. М.: Новый хронограф.
- Смурова О.В.* (2007). Профессиональные группы крестьян-отходников, работавших в столицах (вторая половина XIX–начало XX в.) // Научный вестник Костромского государственного технологического университета. № 2 (16). С. 39–42.
- Lee E.S.* (1996). A Theory of Migration // Demography. No. 3. P. 47–57.
- White A.* (2007). Internal Migration Trends in Soviet and Post-Soviet European Russia // Europe-Asia Studies. Vol. 59. No. 6. P. 887–911.

Today's migrant workers in the north and south of European Russia

Natalia Zhidkevich, Analyst, Project-Training Laboratory of Municipal Government, National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitckaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: nzhidkevich@hse.ru.

The article considers the phenomenon of temporary labor migration, i.e. the so-called 'contemporary migrant/seasonal work'. The author focuses on its regional features determined by economic, social-cultural and demographic situation in the migrant workers' hometowns and villages. There is a clear differentiation in such characteristics as the scale of migrant work, women's seasonal positions, dominant motives of such work and its key specialties, migrant workers' status in the local community, etc., especially in the northern and southern parts of European Russia. The share of migrant workers in local communities is much higher in the 'south' than in the 'north' for the density of population in the 'south' is higher. In the 'south', both men and women are engaged in migrant work while in the 'north' women among the migrant workers are rare. The 'north' with its forests is known for migrant carpenters that build houses, bath-houses and other buildings for wealthy city dwellers (there are almost no carpenters in the 'south'). The 'southern' migrant workers can be divided into two groups — general workers and skilled workers engaged in oil and gas industries, so labor competition is

fierce in the 'south'; moreover there is a big demand for 'northern' carpenters' unique skills. Thus, 'southern' migrant workers are motivated by push-factors, while the 'northern' — by the attraction-factors. The scale of migrant work and its key specialties determine the differences in migrant workers' positions in local communities: for instance, carpenters of the 'north' mainly have a high social status; 'southern' migrant general workers usually have a low status, while the skilled ones — a high status.

Keywords: migrant work; (temporary) labor migration; regional differences; the north and south of European Russia; Russian periphery; employment strategies

References

- Averkieva K.V. (2016) Rynki truda i rol' othodnichestva v zanyatosti sel'skikh zhitel'ey rossiy-skogo Nechernozem'ya [Labor markets and the role of seasonal work in the employment of the rural inhabitants of the Russian Nechernozemie]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*, no 1, pp. 25-37.
- Lebyodushkina O. (2008) Do Moskvy odna noch' [One night to Moscow]. *Otechestvennye zapiski*, no 5(44), pp. 249-256.
- Lee E.S. (1996) A Theory of Migration. *Demography*, no 3, pp. 47-57.
- Nefyodova T.G. (2015a) Othodnichestvo v sisteme migratsiy v postsovetsoy Rossii [Seasonal work in the system of migrations in post-Soviet Russia. Geography]. *Geografiya* [Elektronnyi resurs]. *Demoskop Weekly* [sait]., no 643-644, 18-31 maya 2015. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0643/demoscope643.pdf> (accessed 15.06.2015).
- Nefyodova T.G. (2015b) Othodnichestvo v sisteme migratsiy v postsovetsoy Rossii. Predposylki [Seasonal work in the system of migrations in post-Soviet Russia. Prerequisites] [Elektronnyi resurs]. *Demoskop Weekly* [sait]., no 641-642, 4-17 maya 2015. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0641/demoscope641.pdf> (accessed 15.06.2015).
- Plyusnin Yu.M., Zausaeva Ya.D., Zhidkevich N.N., Pozanenko A.A. (2013) *Othodniki* [Migrant workers] / Nauch. red. by S.G. Kordonskiy. Moscow: Novyi hronograf.
- Smurova O.V. (2007) Professional'nye gruppy krest'yan-othodnikov, rabotavshih v stolitsah (vtoraya polovina XIX — nachalo XX vv.) [Professional groups of farmers, migrant workers in the capitals (second half of XIX — early of XX century)]. *Nauchnyi vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta*, no 2(16), pp. 39-42.
- Velikiy P.P. (2010) Neoothodnichestvo, ili lishnie lyudi sovremennoy derevni [New migrant workers, or excess people from today's village]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 9, pp. 44-49.
- White A. (2007) Internal Migration Trends in Soviet and Post-Soviet European Russia. *Europe-Asia Studies*, vol. 59, no. 6, pp. 887-911.

Трансформации в польском сельском хозяйстве

Р. Кисель, Р. Маркс-Бельска

Роман Кисель, профессор экономики Департамента экономики и региональной политики экономического факультета Варминьско-Мазурского университета в Ольштыне, Польша. 10-719 Olsztyn, ul. Oczapowskiego 4. E-mail: kisiel@uwm.edu.pl

Рената Маркс-Бельска, профессор экономики Департамента экономики и региональной политики экономического факультета Варминьско-Мазурского университета в Ольштыне, Польша 10-719 Olsztyn, ul. Oczapowskiego 4. E-mail: renatam@uwm.edu.pl

Сельское хозяйство испокон веков являлось в Польше исключительно важной отраслью экономики; оно выступало в роли стабилизатора экономических колебаний, источника основных потребительских благ и сырья для других отраслей в периоды нестабильности, гарантируя самообеспечение и продовольственную безопасность страны, выполняло роли, связанные с охраной природной среды, служило источником рабочей силы и давало работу, наконец, оказывало существенное влияние на формирование национальной идентичности и культуры. Занимая почти половину общей площади страны, сельскохозяйственное производство определяет на протяжении всей истории Польши основные способы использования земли, формирует природную среду и ландшафт. Тем не менее оно испытывает на протяжении многих лет политическое, экономическое, экологическое давление, под воздействием которого в национальном сельском хозяйстве произошли многочисленные преобразования.

В статье рассматриваются ключевые изменения, связанные с экономической трансформацией сельской Польши. Особое внимание уделяется изменениям в системе собственности в польском сельском хозяйстве в начале процессов политической и экономической трансформации. Дается оценка роли польского сельского хозяйства, его производственному потенциалу в целом, национальной экономике. Особое внимание уделяется анализу поддержки польского сельского хозяйства из бюджета Европейского союза. Цель настоящей статьи — на основе научных публикаций статистических данных Главного статистического управления и Агентства аграрной недвижимости проанализировать все эти изменения, сделав упор на трансформации сельских территорий, оставшихся после бывших совхозов.

Ключевые слова: польское сельское хозяйство, экономическая трансформация в Польше, аграрная политика в Польше, Европейский союз

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-3-108-119

Под экономической трансформацией подразумевается, как правило, переход от централизованной экономики, основанной на государственной собственности на большинство средств производства, к рыночной, в которой преобладают индивидуальные хозяйственные субъекты с частной собственностью. Речь обычно идет о политически и экономически обусловленном системном изменении, в результате которого формируется качественно новый системный порядок или экономический строй. В данном процессе каждая страна представляет собой уникальный случай, несмотря на одни и те же системные основания. Опыт стран, в которых этот процесс длится уже свыше 20 лет, весьма разнообразен и обусловлен, как правило, различиями в политическом управлении.

Сельское хозяйство Польши в послевоенный период производило 30% (данные за 1950 г.) ВВП (Marks-Bielska, 2010). Снижение количества лиц, занятых в этой отрасли экономики, а также естественное снижение удельного веса сельского хозяйства в ВВП — результат развития общества, однако это не говорит о снижении значения данной отрасли экономики.

На продуктивность сельского хозяйства и его конкурентные возможности огромное влияние оказывают структура хозяйств и их обеспеченность средствами производства. От предыдущих исторических периодов мы унаследовали значительный разброс в их размерах. Так, в 1989 году лишь 25% земли принадлежало большим коллективным хозяйствам. Главным образом на их основе впоследствии формировались крупные частные фермерские хозяйства. Однако большинство сельскохозяйственных территорий все еще находятся во владении небольших ЛПХ (Wilkin, 2016).

Политические и экономические трансформации, начавшиеся в сельском хозяйстве 1 августа 1989 года в связи с либерализацией цен на сельскохозяйственные продукты, выявили потребность в существенных изменениях в экономической и законодательной базе функционирования всех видов фермерских хозяйств, в том числе и совхозов. Введение свободных цен и реальных процентных ставок по кредитам, а также почти полное прекращение государственного субсидирования выявили слабые стороны этих хозяйств. Способом улучшения ситуации должны были стать реструктуризация, приватизация и изменение системы собственности. Кроме экономических предпосылок решающими при принятии решения о приватизации государственных сельскохозяйственных предприятий оказались также и политические мотивы (Marks-Bielska, Kisiel 2003).

Сельское хозяйство в настоящее время остается одной из ведущих отраслей национальной экономики, хотя его роль постоянно меняется под влиянием других факторов, например, индустриализации или развития сферы услуг. Основной задачей сельскохозяйственно-

го производства является, как и в прошлом, снабжение продуктами питания населения и сырьем сельскохозяйственного происхождения промышленности. Дискуссия о будущем польских сельских территорий включает широкий диапазон проблем, среди которых по крайней мере часть выходит за пределы вопросов, связанных с их развитием. Трудности возникают уже с толкованием самого понятия «сельские территории». Раньше этот термин ассоциировался исключительно с сельским хозяйством. Сегодня понятие «деревня» подразумевает пространство, в котором живут люди, а также общественную среду и образ жизни. Термин становится все более многозначным, размытым, ему начинают придавать идеологические коннотации.

В зависимости от толкования и содержания термина «деревня» мы можем рассматривать совершенно разные проблемы и предлагать разнообразные методы их решения. В настоящее время невозможно воспринимать деревню лишь с точки зрения ее аграрности либо сельского хозяйства, поскольку это не приведет к разработке эффективной стратегии развития сельских территорий. Сейчас сельское хозяйство не является уже единственным фактором, формирующим общественную структуру, экономическую жизнь или поведение людей, которые там живут. К сельскохозяйственному производителю не может относиться каждый пользователь участка площадью свыше 1 га, необходима более сложная идентификация. Проведенные исследования подтверждают, что доходы преимущественно от сельского хозяйства получает все меньшее число людей, а в начале XXI века это были около половины тогдашних производителей. В случае более широкого толкования сельского хозяйства, включающего его социальные аспекты, совсем по-другому формируются и его функции (Kisiel, 2013).

Система собственности в польском сельском хозяйстве в начале процессов политической и экономической трансформации

До 1989 года в польской экономике доминировала государственная собственность (около 80%) с централизованной системой планирования. Для этого периода были характерны высокая стоимость производства, низкая производительность и эффективность, относительно низкое качество изделий и устаревшая система передачи и обработки информации. Все это способствовало инертности системы в целом и впоследствии привело к ее падению.

Сельское хозяйство представляло собой специфическую отрасль национальной экономики. Хотя государственный сектор никогда не был здесь преобладающим, однако в послевоенной истории польского сельского хозяйства он сыграл существенную производительную и политическую роль. В конце 1980-х годов в его распоряжении находилось всего около 19% сельскохозяйственных территорий,

и в нем производилось 18% валового производства всего сельского хозяйства, 19% конечного продукта, 21% товарного производства (Marks-Bielska, Kisiel, 2003).

Размещение совхозов (государственные фермерские хозяйства/*Państwowe Gospodarstwa Rolne — PGR*) в отдельных регионах Польши было весьма неравномерным (Olko-Bagieńska и др., 1992). В воеводствах, расположенных в северной и западной Польше, в период функционирования командно-административной экономики, они занимали свыше 50% аграрных территорий, в четверти воеводств совхозам принадлежали около 60% земель сельскохозяйственного назначения (в том числе ресурсы Государственного земельного фонда). В то же время в 17 центральных и северных воеводствах совхозные владения не превышали 5% от общей площади сельскохозяйственного назначения (см. рис. 1).

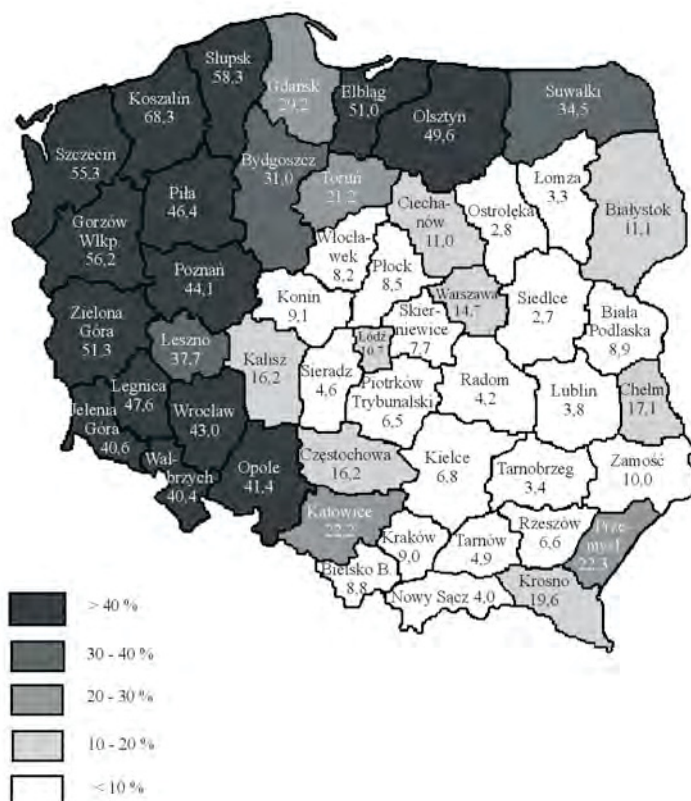
*Р. Кисель,
Р. Маркс-Бельска*
Трансформации
в польском сель-
ском хозяйстве

Трансформация рынка земли в Польше

В соответствии с законом от 19 октября 1991 года «Об управлении землями сельскохозяйственного назначения Государственной казны» («Вестник законов» за 1991 г., № 107, поз. 465 с посл. изм.) совхозы были ликвидированы, а их земли включены в состав ресурсов сельскохозяйственной собственности Государственной казны. К ним были также присоединены земли из Государственного земельного фонда (*Państwowy Fundusz Ziemi — PFZ*). Этими землями управляет созданное в Польше на основании указанного закона государственное учреждение — Агентство сельскохозяйственной недвижимости (*Agencja Nieruchomości Rolnych — ANR*), которое до 2003 года носило название Агентство сельскохозяйственной собственности Государственной казны (*Agencja Własności Rolnej Skarbu Państwa — AWRSP*) (Marks-Bielska, 2012). Основной задачей Агентства является приватизация бывшего государственного имущества в секторе сельского хозяйства и рациональное управление порученным ему имуществом Государственной казны.

В Агентство поступили 4,7 млн га земель, которые в прошлом принадлежали государству (все государственные земельные участки были включены в Ресурсы сельскохозяйственной собственности Государственной казны), которыми оно управляет различным образом (продажа, аренда, администрирование, временное управление). По состоянию на 31 декабря 2015 года картина распоряжения земельной недвижимостью выглядела следующим образом: в Ресурсах сельскохозяйственной собственности Государственной казны оставалось 1 406,4 тыс. га, в том числе в аренде — 1 023,9 тыс. га, в постоянном управлении 20,2 тыс. га, в долговременном пользовании — 52,3 тыс. га, другие виды «непостоянного» распоряжения (пожизненное пользование, бездоговорное пользование и др.) — 15,2 тыс. га, «чужие участки» (земельные участки, которые

Рис. 1. Удельный вес совхозных владений землями сельскохозяйственного назначения в Польше (по состоянию на 1991 г.)

Источник: Marks-Bielska, 2010: 119

по закону перешли под управление других субъектов, но остаются на учете Ресурсов сельскохозяйственной собственности Государственной казны до момента их официальной передачи этим субъектам) — 45 тыс. га. Для распределения оставались лишь 249,7 тыс. га, причем это земли относительно низкого качества и небольшие по площади (Raport z działalności ANR, 2015).

Деятельность Агентства способствовала улучшению территориальной структуры польских фермерских хозяйств и рациональному использованию земли в Польше. Это государственное учреждение ведет активную политику на рынке земель сельскохозяйственного назначения в Польше.

Согласно данным последней сельскохозяйственной переписи (2010), в Польше увеличилась средняя общая площадь хозяйств с 6,59 га в 2002 году до 7,93 га. Таким образом, наблюдается тен-

денция роста площади хозяйств, прежде всего путем приобретения или аренды земли. Одновременно сохраняется региональное разнообразие структуры хозяйств. Значительное число небольших по площади хозяйств расположено в южно-восточных воеводствах, тогда как крупные хозяйства — в северной части страны (рис. 2).

*Р. Кисель,
Р. Марк-Бельска*
Трансформации
в польском сель-
ском хозяйстве

Роль польского сельского хозяйства в национальной экономике и его производственный потенциал

Анализ показателей, определяющих роль польского сельского хозяйства в национальной экономике, а также производственный потенциал этого сектора за 2002–2014 годы, проведенный Баэр-Навроцкой и Почтой (2016), показал, в числе прочего, что систематически уменьшается удельный вес сельского хозяйства в глобальном производстве и ВВП (в течение двух последних анализированных лет он снизился до 4% и 3%) (табл. 1).

Одновременно снижается удельный вес сельскохозяйственного сектора во владении основными производственными фондами — с 8% в 2002 году до 5% в 2014-м. Этому способствовал низкий (приблизительно на уровне около 2%) удельный вес сельского хозяйства в восстановлении и увеличении фондов путем инвестиционных вложений. Начиная с 2010 года растет удельный вес лиц, работающих в сельском хозяйстве, среди всех занятых, а также количество работающих на 100 га ЗХН. В 2014 году в сельскохозяйственном секторе были заняты 2 332,5 тыс. человек, т. е. 16% от общего числа занятых.

В 2002–2014 годы площадь земель сельскохозяйственного назначения, остающихся во владении фермерских и подсобных хозяйств, уменьшилась с 16 899 тыс. га до 14 558 тыс. га, т. е. более чем на 2,3 млн га (почти на 14%), что вызвано главным образом выводом этих участков за пределы хозяйств.

Среди всех видов земель сельскохозяйственного назначения наиболее существенные изменения произошли в отношении пастбищ, площадь которых уменьшилась почти на 53% (545 тыс. га), положительным фактом в течение последних пяти лет является сохранение относительно стабильного размера площади посевов, садов и лугов, систематически растет стоимость основных средств основных фондов в сельском хозяйстве. Значительно увеличился уровень инвестиций (до 5,2 млрд зл. в 2014-м по сравнению с 2,2 млрд зл. в 2002 году), в основном благодаря поддержке из средств программы Совместной аграрной политики (Baer-Nawrocka, Poczta, 2016).

В Польше лишь 30% земель сельскохозяйственного назначения находятся в относительно крупных (свыше 50 га) хозяйствах, в то время как во многих странах ЕС данный показатель составляет 80–90%. Следует отметить, что в структуре польских хозяйств происходят положительные изменения, но процесс идет слишком медленно. В рассматриваемый период — 2002–2014 годы — уменьша-

Рис. 2. Средняя общая площадь [га] подсобного хозяйства по воеводствам в 2010 г.

Средний размер в Польше 7,93 га

Источник: Подсчитано авторами на основании данных Главного статистического управления

лось количество хозяйств площадью до 30 га, особенно совсем небольших 1–10 га. В свою очередь, растет количество хозяйств площадью 30 га и больше. Именно они производят в настоящее время большинство товарной продукции сельского хозяйства. Тревожит, однако, быстрое выпадение земель из сельскохозяйственного пользования. В 2002–2014 годы площадь земель сельскохозяйственного назначения в хозяйствах уменьшилась на 2,3 млн га. Исследователь Я. Вилькин (2016) отмечает, что для польского сельского хозяйства угрозой представляет не выкуп земель иностранцами, а нерациональное управление землей, чему способствуют недостатки как сельскохозяйственной политики, так и политики территориального планирования в стране. Земли сельскохозяйственного назначения плохо охраняются и часто используются ненадлежащим образом. Быстрой утере земель сопутствует высокий уровень занятости в сельском хозяйстве, в результате людям не хватает ни зем-

Таблица 1. **Сельское хозяйство в национальной экономике, %**

Годы	Глобальное производство	ВВП	Инвестиционные вложения ^b	Основные средства брутто ^b	Работающие ^c
2002	4,9	4,0	2,1	8,2	15,6
2003	4,7	3,9	2,0	8,2	15,7
2004	5,0	4,5	2,2	7,9	15,6
2005	4,5	4,0	1,8	7,1	15,5
2006	4,2	3,7	1,9	7,6	15,3
2007	4,0	4,3	1,9	6,8	14,8
2008	4,0	3,7	1,8	6,4	14,2
2009	3,9	3,6	1,	6,2	14,2
2010	3,8	3,3	1,7	5,9	14,6
2011	4,1	3,6	1,8	5,6	14,4
2012	4,1	3,5	1,9	5,4	14,9
2013	3,7	2,9	2,1	5,2	16,3
2014	3,6	2,6	2,1	5,0	16,0

*Р. Кисель,
Р. Маркс-Бельска*
Трансформации
в польском сельском хозяйстве

^a Данные для сельского хозяйства с лесным хозяйством, охотничьим и рыбным хозяйством; ^b Данные для сельскохозяйственной культуры, выведение и выращивание животных и охота, без жилых построек;

^c Согласно секциям, в среднем в год

Источник: Baer-Nawrocka, Poczta, 2016

ли, ни капиталов. И действительно, эти показатели в 2–3 раза ниже, чем в среднем в ЕС. Производительность труда в польском сельском хозяйстве составляет лишь около 30% от среднего уровня в ЕС-28. Ситуацию усугубляет низкий удельный вес затрат на исследования, связанные с сельским хозяйством, от общих затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (R&D) в Польше.

Несмотря на эти неблагоприятные тенденции, сельскохозяйственная и пищевая отрасли в Польше развиваются относительно быстро и отличаются значительным уровнем конкурентоспособности. Наиболее динамичную роль играют компании пищевой промышленности и компании, занимающиеся торговлей сельскохозяйственной и пищевой продукцией (Wilkin, 2016).

Польша, став полноправным членом ЕС, начала получить поддержку благодаря реализации Совместной аграрной политики и Региональной политики Европейского союза (политики сплочения). В частности, Польша получила доступ к источнику финансирования социальных и экономических трансформаций, что послужило серьезным стимулом к росту спроса и предложения. Фонды стали существенным дополнением внутренних инвестиций, инвестиции из ЕС увеличились с 9% в 2004 году до 25% в 2014-м.

В 2007 году в Европейском союзе появился новый инструмент: Европейский аграрный фонд развития сельских районов (ЕАФРСР), из которого Польше была предоставлена самая крупная из стран — членов ЕС сумма в 13,2 млрд евро (табл. 2).

В 2004–2015 годы Польша также стала бенефициаром средств ЕС в 83,57 млрд евро. В рамках реализации программ Совместной аграрной политики страна получила 39 млрд евро (треть от всей суммы трансферов), эти средства стали существенным источником финансирования структурных изменений сельских территорий, а также аграрной и пищевой отраслей. Основную роль в трансферах САП играют прямые доплаты и программы развития сельских регионов (соответственно, 54,7% и 41,2%). Прямые доплаты стали весьма существенным средством поддержки доходов сельскохозяйственных семей.

Однако Единая система отраслевых платежей (SAPS) и прямые доплаты привели к замедлению процесса аграрных трансформаций в Польше, ограничив переход земель сельскохозяйственного назначения от мелких и менее производительных хозяйств к структурам, отличающимся более высокой эффективностью. Одновременно происходит углубление неравенства в доходах сельскохозяйственных семей, что в дальнейшем может привести к неблагоприятным с точки зрения общественной стабильности последствиям. Существенным инструментом поддержки структурных трансформаций оказываются программы развития сельских регионов: в 2007–2013 годов масштаб государственной поддержки составил 74,2 млрд зл.

В 2014–2020 годах Польша продолжает реализовывать прежнюю стратегию использования средств Региональной политики Европейского союза, направляя свыше четверти средств Фондов сплочения на инвестиции в сетевую транспортную и энергетическую инфраструктуры. Наряду с очевидными финансовыми выгодами, которые принесло членство в ЕС, более чем десятилетний опыт показал необходимость координации действий по развитию сельских регионов в рамках национальной региональной политики и Региональной политики Европейского союза. В то же время стало понятно, что отраслевой характер политики в отношении сельских территорий и сельского хозяйства осложняет преодоление барье-

Таблица 2. Средства из бюджета ЕС, направленные в Польшу в 2000–2020 гг. (млн EUR)

Бюджетная перспектива ЕС	Средства для Польши из бюджета ЕС	
	Структурные фонды и Региональный фонд, в том числе финансирующие сельское хозяйство и сельские территории:	Аграрные фонды, в том числе финансирующие:
2000–2006 (постоянные цены за 2004 год)*	12,8 млрд евро, в том числе Секторная оперативная аграрная программа 2004–2006 (1,19 млрд евро)	5,3 млрд евро, в том числе Программа развития сельских районов (ПРСР) 2004–2006 (2,8 млрд евро) и прямые доплаты (2, млрд евро)
2007–2013 (постоянные цены за 2007 год)	67,2 млрд евро	28,2 млрд евро, в том числе ПРСР 2007–2013 (13,2 млрд евро) и прямые доплаты (15 млрд евро)
2014–2020 (постоянные цены за 2011 г.)	72,6 млрд евро	32,0 млрд евро, в том числе ПРСР 2014–2020 (10,9 млрд евро) и прямые доплаты (21,1 млрд евро)

Источник: Nurzyńska, 2016

ров развития в Польше. Это существенное качественное изменение в государственной политике по отношению к польскому селу (Nurzyńska, 2016).

Итоги

Удельный вес сельского хозяйства в создании валового внутреннего продукта составляет в настоящее время в Польше лишь 2,6%. Впрочем, в некоторых высокоразвитых странах ЕС этот показатель ниже 1%. Невозможно, однако, на основании простых показателей утверждать, что роль сельского хозяйства в экономике становится маргинальной, поскольку сельское хозяйство продолжает играть ключевую роль в производстве наиболее важного в жизни человека продукта, а именно продуктов питания.

Польское сельское хозяйство отличается от других стран Центральной и Восточной Европы, что обусловлено в какой-то мере

*Р. Кисель,
Р. Марк-Бельска*
Трансформации
в польском сельском хозяйстве

исторически. Так, в Польше всегда преобладала частная собственность на землю. Ликвидация государственного сектора в сельском хозяйстве лишь в незначительной степени способствовала улучшению территориальной структуры подсобных хозяйств, а на базе бывших совхозов образовались крупные хозяйства.

Ситуация в польском сельском хозяйстве улучшается, хотя изменения проходят медленнее, чем хотелось бы. На структурные трансформации польского сельского хозяйства оказывают, несомненно, положительное влияние финансовые средства из бюджета Европейского союза, например, при реализации Единой аграрной политики.

Библиография

- Baer-Nawrocka A., Poczta W. (2016). Polskie rolnictwo na tle rolnictwa Unii Europejskiej. Polska wieś 2016 — raport o stanie wsi. /eds. J. Wilkin, I. Nurzyńska. Wyd. Scholar.
- Kisiel R. (2013). Przemiany w polskim rolnictwie i na obszarach wiejskich. Rola Agencji Nieruchomości Rolnych w unowocześnianiu rolnictwa i obszarów wiejskich. /eds. R. Marks-Bielska i R. Kisiel. Wyd. UWM w Olsztynie, Olsztyn P. 11–24.
- Kisiel R., Marks R., Wojarska M. (2000). Процесс имущественных преобразований в Польше с учетом особенностей сельского хозяйства [Proces przekształceń własnościowych w Polsce z uwzględnieniem specyfiki rolnictwa]. Biuletyn Naukowy Uniwersytetu Rolniczego w Omsku, ВЕСТНИК, Омский государственный аграрный университет, Omsk. P. 37–40.
- Marks-Bielska R. (2010). Rynek ziemi rolniczej в Польше — uwarunkowania i tendencje rozwoju, Olsztyn.
- Marks-Bielska R. (2004).. Situation of Polish Agricultural Sector before Ownership Transformations. Wypisk socjalno-ekonomicznych doslidzen. Sbornik naukowych prac. Odeskij Derzawnyj Ekonomicznyj Uniwersitet, Odessa. № 18. P. 236–242.
- Marks-Bielska R. (2012). Przekształcenia własnościowe w rolnictwie w ujęciu regionalnym // Przemiany w rolnictwie i na obszarach wiejskich z udziałem Agencji Nieruchomości Rolnych na przykładzie województwa warmińsko-mazurskiego /eds. R. Kisiel i R. Marks-Bielska). Wyd. UWM w Olsztynie, Olsztyn. P. 11–31.
- Marks-Bielska R. (2013). Factors shaping the agricultural land market in Poland // Land Use Policy. ELSEVIER. Vol. 30. P.791–799 <http://dx.doi.org/10.1016/j.landusepol.2012.06.003>.
- Marks-Bielska R., Kisiel R. (2003). Wieś i rolnictwo w okresie transformacji systemowej (1989–2000) ze szczególnym uwzględnieniem przekształceń rolnictwa państwowego. MAL-ART-GRAF Jezierski, Olsztyn.
- Nurzyńska I. (2016). Polska wieś i rolnictwo jako beneficjenci funduszy Unii Europejskiej. Polska wieś 2016 — raport o stanie wsi /eds. J. Wilkin i I. Nurzyńska. Wyd. Scholar, P. 107–128.
- Olko-Bagieńska T., Pyrgies J., Gajda J. (1992). Przekształcenia własnościowe państwowych gospodarstw rolnych в Polsce // *Polityka ekonomiczna i społeczna. Fundacja im. Eberta w Polsce*. Warszawa.
- Raport z działalności Agencji Nieruchomości Rolnych на Zasobie Własności Rolnej Skarbu Państwa в 2015 r. (2016). Warszawa.
- Wilkin J. (2016). Polska wieś na tle kraju i Europy — synteza raportu // Polska wieś 2016 — raport o stanie wsi. J. Wilkin i I. Nurzyńska. Wyd. Scholar. P. 11–20.

Transformations of the Polish agriculture

Roman Kisiel, Professor of Economic Science at University of Warmia and Mazury in Olsztyn, Poland. Faculty of Economic Science, Department of Economic and Regional Policy. 10-719 Olsztyn, ul. Oczapowskiego 4. E-mail: kisiel@uwm.edu.pl.

Renata Marks-Bielska, Professor of Economic Science at University of Warmia and Mazury in Olsztyn, Poland. Faculty of Economic Science, Department of Economic and Regional Policy. 10-719 Olsztyn, ul. Oczapowskiego 4. E-mail: renatam@uwm.edu.pl

Agriculture has always been an extremely important branch of the Polish economy as a stabilizer of economic fluctuations, a source of basic consumer goods and raw materials for other branches of economy in the periods of instability, a guarantee of self-sufficiency and food security of the country, a protector of natural environment, a source of labor and an employer, and finally a significant factor of national identity and culture. Agricultural production occupies almost half of the Polish territory, and has always determined the main ways of using land and influencing natural environment and landscape. At the same time, for many years the Polish agriculture has been under political, economic, and environmental pressure that determined its numerous transformations. The article considers key changes of rural Poland under the economic transformations focusing on the ownership system at the start of political and economic reforms. The author assesses the role of Polish agriculture and its production potential within the national economy paying particular attention to the European Union budgetary support. Thus, the author aims to analyze all these changes on the basis of statistical data of the Main Statistical Office and Agrarian Property Agency focusing on the transformations of rural areas of former state farms.

Keywords: polish farm, economic transformation in Poland, agricultural policy in Poland, European Union

Россия, Польша, Китай — пути постсоциалистического сельского развития Круглый стол

Владимир Валентинович Бабашкин, доктор исторических наук, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

Людмила Дмитриевна Бони, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32

Александр Владимирович Гордон, доктор исторических наук, заведующий сектором Восточной и Юго-Восточной Азии ИНИОН РАН. E-mail: gordon_aleksandr@mail.ru

Роман Кисель, профессор экономики Департамента экономики и региональной политики экономического факультета Варминьско-Мазурского университета в Ольштыне, Польша. 10-719 Olsztyn, ul. Oczapowskiego 4. E-mail: kisiel@uwm.edu.pl

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

Марина Геннадиевна Пугачева, старший научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ, заместитель главного редактора журнала «Социологическое обозрение» E-mail: puma7@yandex.ru

Ирина Владимировна Троцук, доктор социологических наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Янь Хайжун, профессор Политехнического университета в Гонконге, Hong Kong Polytechnic University, Hung Hom, Kowloon, E-mail: hairongy@gmail.com

Здесь представлена стенограмма круглого стола, состоявшегося в Фонде Розы Люксембург 27 марта 2017 года, посвященного компаративистскому обсуждению стратегических направлений постсоциалистического сельского развития Китайской Народной Республики, Польской Народной Республики и Российской Федерации. С докладом о проблемах экономики сельской Польши выступил профессор Роман Кисель. Профессор Янь Хайжун охарактеризовала диалектику развивающихся противоречий между коллективным и частным земледелием в Китае. Содокладчиками выступили российские ученые Л.Д. Бони, В.В. Бабашкин, А.В. Гордон. В центре дискуссии на круглом столе стояли проблемы сельского развития, связанные с вопросами соотношения и взаимодействия крупного и мелкого аграрного производства, капиталистических, семейных и коллективных форм сельского хозяйства, экономи-

ки и экологии, города и села, наконец, особенностями национальной аграрной политики, регулирующей все вышеупомянутые вопросы. Китай и Польша оказались своеобразными полюсами различных политэкономических и социокультурных аграрных трансформаций, между которыми возможно обнаружить особенности региональных путей развития сельско-городской России. Дискуссии данного круглого стола могут быть полезны не только академическим ученым, но также специалистам-практикам занимающимся разработкой вопросов государственной и муниципальной аграрной политики, учитывающих международный аграрный опыт.

Ключевые слова: крестьянство, земельная собственность, аграрные реформы, сельское развитие, компаративные исследования, Китай, Польша, Россия

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-3-120-151

Участники круглого стола: Владимир Валентинович Бабашкин, д.и.н., профессор РАНХиГС при Президенте РФ; Людмила Дмитриевна Бони, д.э.н., гл.н.с. Института Дальнего Востока РАН; Александр Владимирович Гордон, зав. сектором Восточной и Юго-Восточной Азии ИНИОН РАН; Роман Кисель, профессор экономики Варминьско-Мазурского университета, Польша; Александр Михайлович Никулин, к.э.н., директор Центра аграрных исследований РАНХиГС при Президенте РФ; Марина Геннадиевна Пугачева, с.н.с. Центра фундаментальной социологии НИУ ВУШЭ; Ирина Владимировна Троцук, д.с.н., доцент кафедры социологии РУДН; Янь Хайжун, профессор Гонконгского политехнического университета, Китай.

ведущий круглого стола А.М. Никулин: Уважаемые коллеги, прежде чем передать слово профессору Роману Киселю, аграрнику, экономисту из польского университета Ольштына, и второму нашему основному докладчику — профессору Янь Хайжун из Китая, Гонконгского политехнического университета, я хотел бы предупредить, что мы не будем специально делать доклад по сельской России, потому что большинство здесь присутствующих имеют представление о том, как у нас здесь обстоят дела, российские сюжеты мы затронем в дискуссии, когда будут вопросы, комментарии и выступления собравшихся здесь участников круглого стола.

Может быть, кому-то покажется слишком экзотическим решение объединять Россию, Китай и Польшу и обсуждать аграрные проблемы этих трех стран. Но у меня есть одно серьезное и одно шутовское объяснение этого объединения. Серьезное: должен напомнить, что примерно 7–10 лет назад группа российских экономистов (Тамара Евгеньевна Кузнецова, Лев Васильевич Никифоров и др.) очень плодотворно работала с китайскими и польскими коллегами, и не только по сельскохозяйственным вопросам. Тогда они провели ряд семинаров, в том числе объединенных польско-китайских, в которых и мне довелось участвовать. По итогам семинаров

были соответствующие публикации — очень интересные работы, и такой формат сотрудничества оказался продуктивным¹. Я думаю, что сегодня, почти десять лет спустя, имеет смысл вновь вернуться к компаративистскому обозрению проблем постсоциалистической трансформации наших трех стран.

Что касается шуточного предуведомления: я вчера рассказывал нашему польскому коллеге анекдот советских времен в форме сказки. Существует интернациональная сказка про старика, который выловил из моря золотую рыбку, — она существует и в Германии, и в Польше, и в России. Польский старик поймал золотую рыбку и, когда она спросила, каково его желание, сказал: «Я бы хотел, чтобы китайцы вторглись в Польшу». Во второй раз, когда ему удалось вновь поймать золотую рыбку, он опять попросил, чтобы китайцы вторглись в Польшу. И когда в третий раз он опять попросил, чтобы китайцы вторглись в Польшу, золотая рыбка не выдержала: «Зачем тебе надо, чтобы они трижды завоевали Польшу?» И тогда он с радостью ответил: «Но они же трижды пройдут по Советскому Союзу». Это анекдот времен знаменитой дружбы социалистических стран.

Мне бы хотелось сказать, что наш диалог продуктивен, потому что способствует дружбе между народами наших стран и, конечно, поискам гуманного развития сельской местности трех стран здесь, за гостеприимным круглым столом германского Фонда Розы Люксембург в Москве, поддерживающего интеллектуальную проблематику дискуссий о судьбах постсоциалистического развития различных регионов мира. А сейчас я передаю слово профессору Киселю.

Р. КИСЕЛЬ: Я хочу начать свое выступление, сказав большое спасибо за приглашение здесь выступить. Я думаю, что отношения между нашими странами — они настоящие. Я не знаю людей в Польше, которые плохо относятся к России, но шутить, конечно, можно. Я благодарю Фонд Розы Люксембург и приглашаю от имени своего университета поддерживать между нашими странами и институтами контакты. Мой ректор готов пригласить представителей и Академии народного хозяйства и государственной службы, и Фонда Розы Люксембург на наши главные праздники. Наш университет теперь не самый большой, но раньше это был третий вуз в Польше с более чем 40 тысячами студентов (теперь их примерно 27 тысяч). Если «измерять» в научных кадрах, то в моем вузе работает 670 профессоров.

Я занимаюсь экономикой прежде всего, но в том числе и экономикой сельского хозяйства. Сегодня мы говорим про науки «мягкие» и «твердые», например социология и психология — прекрасные дис-

1. Китай, Польша, Россия (2012). Стратегические приоритеты развития: общие и особенные / Отв. ред. Л. В. Никифоров, Т. Е. Кузнецова. М.: Ин-т экономики РАН. Сер. Экономическая политика.

циплины, в них есть «мягкие» замеры, но в экономике таких индикаторов нет, здесь «в два раза больше», «в столько-то раз меньше», «столько-то денег — злотых, рублей» и т. д. И вот однажды редактор нашего журнала спросил Джеффри Сакса: «Что ты думаешь о такой науке, как экономика?» Он ответил, что «все науки прекрасны, а вот экономика — наука вредная». «Почему?» — «Потому что экономика говорит нам, что нужно сделать, чтобы хорошо жить. Но тут все просто: все в мире знают, что для этого нужно работать». К сожалению, не все любят работать, не все могут найти работу, не все получают настоящие результаты. Все хотели бы работать и жить хорошо, но не у всех получается. Это видно и в Варшаве, и в Москве, и в богатых западных странах: не все и в Германии, и во Франции, и в Америке наедаются досыта, не все имеют место, где жить.

Свое выступление я хотел бы начать не с подробностей экономики сельского хозяйства в Польше, а с более общих вопросов. Когда мы общаемся на конференциях, то имеем в виду «мягкие» вещи: какие дороги, какая демография, какая социология, кто кому помогает, какие училища. Но когда мы смотрим на экономику, то нам нужны «твердые» меры, чтобы лучше было в какой-то сфере, например в сельском хозяйстве, какие меры нужны, когда у людей у самих не выходит. И слово, которым эту помощь обычно обозначают в Польше, — «интервенционизм». Я смотрел в словаре, как это слово перевести — «вмешиваться». Но когда мы говорим «вмешиваться», то ведь можно и навредить, и помочь. В Польше, когда используют слово «интервенционизм», все думают о помощи, но откуда взять на это деньги? Что значит «помощь в какой-то сфере», например частникам или крестьянам? Это значит, что нужно вынуть из кармана всего населения больше денег и дорожке заплатить земледельцам, которые производят продукты. И чтобы помогать, нужно ответить на вопрос: мы можем помогать или нет? А еще более важный вопрос: мы хотим помогать или нет? И до какого момента, до какой степени помогать? Пока мы не видим, что деньги на помощь берутся из наших налогов, то все в порядке, а если я сниму шапку и начну собирать деньги для бедных, то возникнет проблема. И как ввести в стране закон, по которому мы будем помогать только некоторым секторам, например сельскому хозяйству? А чтобы его ввести, нужно иметь определенные суммы. Я не хочу сказать, что Российская Федерация или Польша — это очень бедные страны. Нет, и это видно на улицах по тому, как люди одеваются, что они покупают, по тому, как много людей сидит в ресторанах. Но не всем так везет.

Вы, наверное, знаете, что в Польше случилось год назад — наше руководство сменилось. Почему? Ответ прост: потому что забыло о людях «внизу», которым до сих пор плохо или стало хуже жить. Руководители были недостаточно внимательны к этим людям, недостаточно им помогали. И люди выбрали другое руковод-

ство — вот так все просто. А сельскому хозяйству помогают во всех странах, хотя по Китаю и России я не нашел показателей. Например, Япония выделяет до 15 тысяч долларов помощи на один гектар. А у нас таких возможностей в Польше нет, нам самим такую помощь не обеспечить — только если ее предоставит Европейский союз, а он сейчас к Польше присматривается.

Однако прежде чем помогать, нужно сначала все организовать и правильно подсчитать. Например, до скольких гектаров хозяйство будет считаться семейным: 800 га (семейное хозяйство) или 300 га? Раньше люди покупали землю на очень льготных условиях, платя за нее 50%, причем выплаты были разнесены на несколько лет. Но доступ к этим землям, которые раньше были государственными, есть не у всех, т. е. лишь некоторые выиграли. Возникли латифундии, появились миллионеры. А есть такие, кто живет в старых домах, оставшихся после колхозов, совхозов. И что с этими людьми делать, как им помочь?

Помогать — это первая задача, и тут нужны деньги, но второй момент — как именно помогать. Что делает Европейский союз? Сегодня он дает польским хозяевам деньги, но когда мы станем богаче, то эти выплаты прекратятся, и как мы будем дальше жить? Мы понимаем, что должны так поднять уровень нашего хозяйства земледельцев, чтобы, когда денег Европейского союза уже не будет, они могли бы свободно конкурировать. Некоторые это понимают, у нас тоже есть фонды, и это комфортная форма: получаю 1000 злотых на гектар и покупаю, что хочу. Но это не дает роста конкурентоспособности. Поэтому нужно давать деньги там, где они позволят, например, повысить конкурентоспособность, купить машины, сделать фирму, начать оказывать услуги или что-то такое. На эту семилетку мы получили 115 миллиардов евро, и в некоторых сферах возник вопрос, как эти деньги использовать, чтобы их не вернуть назад в Европейский союз.

Почему мы сегодня помогаем сельскому хозяйству? Потому что это специфичная сфера во всем мире: и в России, и в Японии, и в Китае, и в Польше. Это долгий процесс до получения конечной продукции. Сельское хозяйство не может работать, как другие отрасли. Например, я хочу построить фабрику мебели или костюмы шить — 2–3 недели проекта, и процесс будет запущен, но вырастить настоящее растение за этот срок невозможно.

Когда я был студентом сельскохозяйственной академии, за один день свинья прирастала на 300 граммов, сегодня современные сорта скота дают в день прирост в 200 граммов. Но на это нужны деньги, поэтому государство помогает сельскому хозяйству как более слабой и специфической экономической отрасли. И наше сельское хозяйство очень сильно отстает от сельского хозяйства Европейского союза. Прежде всего по уровню производства: каков надой от коровы, какой урожай с гектара, сколько шерсти с овцы и т. д. Во-вторых, раньше у нас аграрная структура была, как в Португалии,

Испании и Италии — 6–7 гектаров на хозяйство. Но никто в этой аудитории не поймет, как можно накормить семью в 4–6 человек с 6 гектаров, это невозможно. Проблема в том, где взять деньги на интенсивное производство и чем будут заниматься крестьяне, кроме сельского хозяйства. Они производят какие-то услуги, открывают магазин или что-то еще. Но нигде в мире, в том числе на Западе, больше 10% населения не живут только сельским хозяйством. Нужно научить людей заниматься другими вещами, и тут важна роль «мягких» проектов, которые помогают понять, что еще ты должен делать — не только сеять, не только доить коров, но прежде всего дать образование детям, купить машину, дом и т. д.

Еще одна особенность Польши: 80% земли до войны было в частной собственности. Потом стали создавать колхозы и совхозы, и когда разрешили из них выходить, то в течение одного дня из 250 их осталось 200, потому что люди приезжали, клали оружие на стол, орали друг на друга и разбирали свои земельные паи. До сих пор в Польше очень сложно идет кооперация по удельной продукции. Все думали, вот кончился социализм, теперь будет счастье — рыночные условия. 10 миллионов человек радовались, что наступит настоящий рынок и все будут жить хорошо. Но никто не ожидал, что для этого нужно много работать. 1989 год, все думают, что теперь в каждой семье будет немецкая автомашинка марки «Гольф», свой дом и доход в четыре тысячи марок, а наступила катастрофа.

До этого были колхозы и совхозы — государственное и одновременно мое. А теперь получилось совсем по-другому: вы взяли землю, у вас предприятие, а я должен у вас работать, и нет другого выбора. Если я не наймусь к вам на работу, меня ждет улица. И проблема людей в том, что не все до сих пор ведут себя так, как требуют рыночные условия. Очень тяжело. Почему? После 1989 года в Польше наступили рыночные условия: раньше цены гарантировало государство — на молоко летние и зимние цены, на говядину и пр., теперь цены зависят от продаж: никто ничего не покупает — шок. Раньше не хватало произведенных продуктов, а теперь сложно их продать. Крестьяне боялись вступать в Европейский союз. Поляки подсчитывали, сколько раз Папа во время выступления в Кракове произнес «Европейский союз», чтобы голосовать за и против во время референдума. Прошел референдум, наступили рыночные условия, а польскую продукцию в Евросоюзе не покупают, потому что не то качество. Государство покупает масло только у тех земледельцев, которые делают продукцию на самом высоком уровне. Агентство покупает и много платит. А когда плохая продукция, никто этим не интересуется.

Сегодня как приходится производить продукцию? Чтобы подешевле, хорошего качества, да еще и поискать приходится, кто купит. Прежде всего нужно думать, кто купит. И с вузами то же самое: когда у нас разрешили частные вузы, появились сразу 360 новых вузов в Польше. Никто не думал — будут студенты, не бу-

дет студентов, а в итоге сегодня идет речь о том, что число вузов в Польше сократится с 280 до 50. И в каждой сфере свои проблемы — слишком много или слишком мало студентов, абитуриентов, молока и пр. Не хочу про политику говорить, но ведь продовольственное эмбарго — тоже большая проблема и для России, и для других стран. Это политика, она над нами: что может сделать человек, у которого 2000 коров, а сыр он не может никому продать? Европа переполнена продуктами питания, их всюду полно — и в Европейском союзе, и в России. Проблема только одна — цены. Спасибо.

А. никулин: Спасибо большое. Вы очень точно и эмоционально описали палитру сельскохозяйственных проблем страны Восточной Европы в ходе рыночных трансформаций. Я думаю, коллеги, наверное, слышали много того, что касается и российского постсоциалистического хозяйства. Я предлагаю предоставить слово нашей китайской коллеге и после этого перейти к обсуждению сразу двух докладов.

янь хайжун: Я приношу извинения, что не знаю русский язык и буду говорить по-английски. И это очень хорошо показывает разницу между поколениями, потому что мои родители учили русский, а я принадлежу к поколению, которое говорит на английском языке.

В рамках сельского хозяйства меня интересуют разнообразные темы: производство продовольствия, аграрные изменения, но сегодня я сфокусируюсь на земельной реформе и развитии сельскохозяйственных отношений в Китае в свете этой реформы. Сначала я дам общий обзор ситуации в сельском хозяйстве Китая, которое обеспечивает ежегодно 10%-ный прирост ВВП, и 36% населения страны занято именно в сельском хозяйстве. Учитывая, что население Китая составляет 19% населения земного шара, а на Китай приходится 7% плодородной земли и 7% запасов питьевой воды, то понятно, что этот небольшой объем ресурсов должен прокормить огромную долю населения.

Основное отличие социалистического хозяйства в Китае от всех прочих форм социализма (в Польше, России) состоит в том, что сельская земля никогда не была в государственной собственности, это была собственность коллективная, общественная. Земельная реформа, которая началась в 1978 году, коснулась не столько прав владения, сколько прав пользования, т. е. фактически земля сегодня остается в собственности деревни, некоторого коллектива хозяйственников. Но права пользования делятся по домохозяйствам, причем право пользования, которое имеет домохозяйство, можно передать третьему лицу. Права пользования землей между коллективом/домохозяйством и третьей стороной всегда оформляются контрактом.

Первая волна создания этих контрактных отношений заняла 15 лет — с 1982 по 1997 год, и государство контролировало установле-

ние контрактных отношений на землю. В основе этой модели лежит эгалитарное распределение прав пользования — обеспечивались равные права пользования землей. В результате земельная собственность оказалась очень раздроблена. В среднем одно китайское домохозяйство имеет полгектара земли в своем распоряжении. И это средний показатель на домохозяйство, потому что на севере он выше, а на юге ниже (меньше полгектара). И даже эти полгектара еще делятся на 6–7 кусочков, которые раскиданы по разным местам, потому что, когда распределяется земельная собственность, осуществляется распределение земель по качеству: земля условного первого сорта, второго, третьего. И для того чтобы сохранить принцип равенства, каждое домохозяйство получает равный кусочек земли каждого качества. Ходит шутка, что в гористой местности этот кусочек земли может быть размером с соломенную шляпу. Кто-то называет этот принцип «полосочка лапши».

Проблема в том, что еще до начала земельной реформы в ряде регионов началась механизация сельского хозяйства. Но поскольку земля в ходе реформы оказалась столь фрагментирована, то механизация утратила смысл и прекратилась. Правительство, видя земельную раздробленность, решило всячески стимулировать переход земли в одни руки. Потому что общий принцип государственной реформы — «пусть несколько станут богатыми первыми», т. е. здесь очевиден отход от принципа эгалитаризма. Однако переход земли в одни руки должен иметь добровольный характер, поэтому меры стимулирования предполагали, что стихийно будут возникать большие земельные участки. Это можно назвать капиталистической аккумуляцией снизу.

В результате сегодня в сельской местности *нарастает неравенство*, и причин тому две. Первая не связана с сельским хозяйством — это демографическая ситуация в Китае. Обычно женщины выходят замуж и уходят из домохозяйства, а мужчины приводят жен в домохозяйство. Поэтому если у вас в семье много мальчиков и они привели много жен, то домохозяйство разрастается, но земля остается той же. А если у вас в домохозяйстве много девочек, то они выходят замуж и уезжают, а у вас остается тот же земельный участок, но с совершенно другим количеством работников. Вторая причина нарастания неравенства — стандартный рыночный механизм, когда в условиях рынка кто-то богатеет, кто-то беднеет, происходят разные земельные передачи и формирование земельной собственности.

Как следствие, деревня *теряет возможность коллективной координации* действий агропроизводителей, т. е. уже невозможно коллективно организовывать ирригационные работы, продажу или какие-то производственные практики. Поэтому получается, что негативные последствия земельной реформы состоят в том, что она прекратила развитие на уровне деревни промышленных практик, переработки и пр. Теперь это просто невозможно, пото-

му что отдельные домохозяйства этим заниматься не в состоянии. До земельной реформы в ряде деревень развивались промышленные практики и даже сотрудничество города и деревни в развитии сельского производства. И те деревни, которые до реформы успели развить подобные коллективные практики, в некоторой степени сохранили независимость и продолжают механизацию и индустриализацию. А те деревни, которые не смогли установить индустриально-промышленные практики до того, как началась деколлективизация, сегодня просто не имеют возможности какой-либо координации общих усилий для развития подобного агропроизводства.

Третье последствие земельной реформы состоит в том, что *усилился миграционный отток из сельской местности в города*. Причина этого оттока двойственная. С одной стороны, речь идет о «миграции против деревни»: люди уезжают из деревни, потому что там очень низкие доходы, они едут в города за другим уровнем жизни. А другая причина миграции — «миграция ради деревни», когда для того чтобы развивать сельское хозяйство, вам нужны наличные деньги и достаточно много — для покупки удобрений или сельскохозяйственной техники. Но если вы занимаетесь только сельскохозяйственной деятельностью, у вас просто нет ресурсов, чтобы покупать все необходимое для его развития. Поэтому вы вынуждены мигрировать в города, чтобы там зарабатывать, получать деньги и приобретать то, что вам нужно для сохранения и развития сельскохозяйственной деятельности.

Сегодня формируются и локальные ответы на нарастание земельного неравенства вследствие демографических тенденций. Один из них состоит в том, что во многих деревнях каждые 3–5 лет происходит перераспределение прав земельного пользования: либо согласно каким-то результатам выборов в местные органы власти, либо согласно текущей ситуации в деревне, т. е. это и есть попытки адаптироваться к нарастанию земельного неравенства. Подобные периодические перераспределения прав пользования землей не иницируются никаким уровнем власти — ни региональным, ни местным, не говоря уже о центральном. Это абсолютно низовые инициативы, которые следует рассматривать как некоторое наследие революции. В результате земельной реформы юридически более понятные права собственности фактически потеряли свое значение, потому что нет практик, их поддерживающих. В то время как права пользования, наоборот, стали содержательными и основными для жизни деревни.

С 1997 года начался второй этап *заключения земельных контрактов* — второй этап земельной реформы, в котором сейчас Китай и находится. Он будет продолжаться 30 лет, до 2027 года. Фактически это продолжение первого этапа земельной реформы, но были внесены некоторые корректировки. И основное новшество — то, что перераспределение земельных прав на уровне деревни, низовое распределение, запрещено. Теперь деревня не имеет

права решать собственные земельные и производственные вопросы. Первое последствие этого шага имеет гендерный характер: раз были запрещены перераспределения собственности самой деревней, то если женщина выходит замуж и приходит жить в деревню, она фактически теряет право на землю, потому что ее приход не влечет за собой прежде разрешенной практики перераспределения прав пользования землей. Если женщина из деревни А выходит замуж в деревню Б, то в деревне Б она земельный участок не получает, а в деревне А ее кусочек земельного участка сохраняется. Поэтому получается, что продукцию со своего кусочка земли в деревне она получает только в том случае, если ее семья согласна передавать ей эту продукцию, а если нет, то, значит, нет. Дети, которые родились после 1997 года и попали под действие второй волны реформы, не получают собственного кусочка земли, поэтому единственная возможность для них вступить в права пользования землей — унаследовать ее от родителей.

В 2006 году государство *убрало сельские налоги*. Позитивный эффект этого решения в том, что оно, конечно, снижает финансовую нагрузку на сельхозпроизводителей. Но в то же время оно подрыывает позиции коллективного управления, потому что часть налогов предназначалась для общих нужд. Таким образом, во второй волне реформ государство усилило тенденции капиталистического развития как снизу, так и сверху. В последнем случае потому, что государство всячески поддерживает приход агробизнеса в деревню, причем агробизнес устанавливает договорные отношения и с отдельными хозяйствами, и в целом с коллективом хозяйств. Таким образом, налицо две тенденции: строительство капитализма «снизу» и «сверху».

Нынешняя инициатива правительства состоит в том, чтобы провести *кадастровую оценку земель*. Замеры проводятся с помощью спутников, у государства должно быть четкое представление о размерах земли, которая закреплена правами пользования за каждым сельским домохозяйством. Есть два способа кадастрового учета земли: измерение реального размера земли, которая находится в пользовании домохозяйства, либо измерение доли, т. е. какова доля земли в собственности деревни. Государство всячески настаивает, что учет земельных наделов должен вестись в реальных размерах, а не в долевых, преследуя тем самым несколько целей. Первая цель — перераспределение земли. Все эти меры государства направлены на то, чтобы сельское хозяйство получало реальные финансы. Как только проведен кадастровый учет, вы получаете книжечку, где прописаны все показатели вашей земли. И с этим документом вы можете прийти в банк и получить под свою землю в качестве залога некоторые финансовые средства. Государство заинтересовано, чтобы таким образом финансы поступали в сельское хозяйство. В настоящий момент основной источник денег в сельском хозяйстве — это миграционный труд: люди уезжают, где-то за-

рабатывают, привозят деньги в сельское хозяйство. Пока это основной источник, не 50%, но близкие показатели. И государство надеется, что кадастровый учет позволит использовать права пользования, чтобы сдавать землю в аренду, т. е. идея в том, что земля тоже должна приносить в сельское хозяйство денежные средства.

Вторая цель государства на данном этапе реформы — *усилить урбанизационные тенденции*. Миграция предполагает, что вы едете из города в село, туда и обратно, а реформа ведет к тому, что вы сдадите свою землю в деревне в аренду и останетесь в городе. Таким образом, урбанизация будет проходить проще, по мнению государства.

Нынешний этап реформы породил огромное количество конфликтов и споров, прежде всего в связи с тем, что благодаря кадастровому учету речь идет о *реальной приватизации*, когда вы получаете право собственности на кусочек земли. Но проблема в том, что в течение первого и второго этапов реформы, которые реальную приватизацию не предполагали, люди по-разному относились к своим правам пользования землей, и возникло много путаницы. И сейчас, когда люди понимают, что получают реальные права собственности, возникает огромное количество конфликтов, порожденных как раз длительным периодом смены приоритетов внутри земельной реформы. Один пример: в регионе Внутренняя Монголия 10 тысяч человек окружили региональный орган власти, чтобы разрешить земельные конфликты. Ученые и сельские власти озабочены тем, что реальная приватизация приведет к исчезновению прав коллективной собственности, потому что, условно говоря, если вы имеете полное право со своим кадастровым листом прийти в банк, получить деньги под залог этой земли, а в итоге вы прогорели, то у вас нет ни денег, ни земли. А что тогда остается коллективу, потому что коллективная собственность распротранялась и на ваш кусочек земли. Проблема в том, что коллективные формы собственности фактически исчезают, хотя юридически существуют.

Возникает вопрос, если у нас есть *понятие общинной или коллективной собственности*, то кто является ее субъектом: люди, которые в настоящий момент живут в деревне и имеют право пользования землей, или, допустим, будущие поколения, которые придут после них? Ученые и сельские органы власти сейчас в Китае пишут петиции и коллективные обращения, чтобы сохранить права общественной собственности. С одной стороны, в публичных выступлениях партия действительно всячески подчеркивает, что коллективная, общественная собственность очень важна. С другой стороны, если мы смотрим на то, какие практические шаги предпринимаются в сельской местности, то на самом деле видно только нарастание приватизации и исчезновения коллективной собственности.

Конечно, есть и противодействие подобной тенденции, контрдвижения прежде всего, его олицетворяют *кооперативы*. Ситуа-

ция с кооперативами в России и Китае очень схожа в том, что здесь масса проблем и сильные кооперативы немногочисленны. Но другое более мощное контрдвижение — попытка инициирования некоторых эффективных коллективных форм деятельности. Первый тип *коллективных деревень* — те, что сохранились в форме коллективной собственности еще с периода Мао, они просто отказались принимать участие в процессе деколлективизации, и именно в них нарастает тенденция индустриализации. Один из примеров — деревня на севере Китая недалеко от Пекина. Она весьма гармонично развивает все три сектора — сельское хозяйство, производство (есть несколько фабрик) и коммерческую деятельность. Люди, которые живут в этой деревне, имеют право выбора, где они могут или хотят работать: в сельском хозяйстве, в коммерции либо в производственном секторе. Подобных успешных деревень в Китае не так много, возможно, около тысячи. А число людей, которые проживают в данной конкретной деревне, — около 20 тысяч. Есть коллективные деревни, где проживают и меньше 20 тысяч человек. Но если взять эту деревню в провинции Хунань и оценить число ее жителей, то нужно понимать, что число постоянно проживающих в деревне людей может быть небольшим, но из-за того, что в ней есть промышленный сектор, она привлекает огромное количество мигрантов, которые приезжают работать на ее фабрики и заводы.

Помимо исторически сложившихся есть и новый тип коллективных деревень, которые возникли в результате земельной реформы совсем недавно. Пример — деревня, в 2014 году чудовищно разрушенная наводнением. Партийный комитет инициировал призыв к реколлективизации и на абсолютно добровольных основах призвал воссоздать деревню, но в формате коллективной. Деревня до 2014 года существовала только в рамках сельскохозяйственного производства, а реколлективизация предполагает, что люди могут заниматься не только сельским хозяйством, но и другими видами деятельности, частным бизнесом.

Таким образом, сегодня в Китае очевидны две противоречивые тенденции. С одной стороны, государство, чиновники и экономисты прилагают все усилия и всячески пропагандируют частную собственность и приватизацию. С другой стороны, есть противоположные движения, и я являюсь их горячим сторонником, — за коллективизацию. Приведенные мной примеры деревень показывают, что следует сохранять коллективное право собственности, это хорошо для страны, когда есть возможность коллективной координации общих усилий для развития подобных форм сельской жизни.

А.М. НИКУЛИН: Уважаемые коллеги, спасибо большое обоим нашим докладчикам. Мы переходим ко второй части нашего круглого стола — к дискуссии. Здесь среди нас два крупнейших российских эксперта в исследованиях сельского Китая: Людмила Дмитриевна Бони и Александр Владимирович Гордон.

л.д. бони: Прежде всего я должна поблагодарить мою коллегу Янь Хайжун за глубокий, интересный и ценный, особенно для специалистов-китаеведов, доклад по одной из самых остро дискутируемых сегодня тем китайской действительности — по земельной реформе в китайской деревне.

Чтобы были понятны мои вопросы и реплики, мне придется, отталкиваясь от ее доклада, кратко пояснить основные моменты (суть и цели) реформы земельной системы в китайской деревне, второй этап которой инициирован правительством КНР в 2013 году (тема «сертификации земли», затронутая в докладе Янь).

В ходе первого этапа реформы земельной системы (1978–1984 годы) была ликвидирована системы народных коммун и создана новая, двухступенчатая хозяйственная система, увязавшая индивидуальное хозяйство крестьянского двора (первая ступень) со ступенью коллективного хозяйства (вторая ступень), получившая название *коллективная хозяйственная организация* (именно ее имеет в виду коллега Янь, когда говорит о «коллективной деревне»). В основу реформы положена концепция разделения имущественного права на две части — *право общественной собственности на землю*, переданное коллективной ступени, и *право пользования землей*, переданное крестьянскому двору на основе подряда (контракта) и принципа уравнительности («по едокам»), т. е. принципа эгалитаризма (как говорила коллега Янь). В итоге в каждой деревне была создана коллективная хозяйственная организация, и практически все крестьяне деревни стали членами этой коллективной организации. Правда, во многих районах эта коллективная ступень, задачей которой было обслуживание семейного хозяйства двора различными производственными услугами и пр., оказалась крайне слабой или вообще отсутствовала (в силу целого ряда причин), и основной формой хозяйствования стало семейное хозяйство двора, насчитывавшее более 200 млн подрядных дворов (в 2016 году свыше 240 млн). Действительно, ослаб контроль за ирригационной системой, другими землеустроительными работами, поскольку с переходом к подрядной системе хозяйствования практически перестала действовать система общественных принудительных работ (бесплатных), существовавшая ранее.

Тем не менее коллективная ступень коллективной хозяйственной организации, при слабости и даже при отсутствии производственно-хозяйственной функции, продолжала выполнять свою главную функцию — управление и контроль за сохранением системы коллективной собственности, в том числе за работой подрядной системы, а по сути — контроль за распределением коллективной земли: выдача права подряда на землю, урегулирование размеров земельного надела подрядного двора, обращение права пользования на землю внутри деревни и пр., наконец, отношения с местными властями (например, при реквизиции земли).

Эта концепция реформы — «разделение на два права» — право собственности и право пользования, принцип *уравнительного распределения земли между дворами на основе подряда* — позволила обеспечить решение основных задач реформы и аграрной политики руководства страны в те годы. В целом она гарантировала сохранение общественной собственности на землю, одновременно обеспечив возврат к традиционной и наиболее подходящей форме хозяйствования, хорошо известной крестьянам, семейному хозяйству, что названо основным «прорывом» реформы. Форма семейного хозяйства крестьянского подрядного двора, тесно увязавшая сельского производителя со средствами производства (после многих лет отрыва), в наибольшей мере соответствовала основной обстановке китайской деревни («людей много, земли мало») и уровню развития производительных сил, специфике отрасли.

Необходимость сохранения права общественной (коллективной) собственности на землю, с точки зрения китайского руководства, диктовалась рядом важных объективных и субъективных факторов. Прежде всего чтобы решить главную стратегическую задачу экономической реформы тех лет — поднять производство и накормить народ («чтобы каждый человек имел еду») — нужен был мощный стимул мобилизации трудовой активности миллионов крестьян, каким и стал принцип *уравнительного распределения земли* («по едокам»), ибо он отвечал идее справедливости в понимании крестьян, позволив стабилизировать деревенское общество, стимулировать интенсификацию простого труда, решить продовольственную проблему на базовом уровне («проблему живота») или «*вэньбао*» (тепла и еды). Но использовать социальную функцию земли (как основного средства поддержания существования крестьян) можно было лишь на основе коллективной собственности на землю, но не частной, согласно опыту китайской истории.

Были и другие не менее важные причины сохранения общественной собственности на землю в деревне: необходимость не допустить в условиях развивающегося рынка перераспределения земельных ресурсов в интересах меньшинства и неизбежного обезземеливания наиболее бедной и весьма значительной части крестьянства, и, как следствие, обострения социальных противоречий в деревне, нарушения стабильности в обществе. Наконец, в условиях расширения рыночных отношений важно было сохранить, не дать растащить общенациональный пахотный клин как основу общественного производства и решения продовольственной проблемы, столь важной для страны с огромным населением. И, конечно, самое главное — сохранение общественной собственности (коллективной ее формы) на основные средства производства в деревне, землю в первую очередь, соответствовало генеральной линии руководства страны на построение социализма с китайской спецификой в деревне, обеспечивало его контроль над всей сферой аграрной экономики в условиях рынка.

В конечном счете эта двухступенчатая система хозяйствования стимулировала резкий рост производства и доходов крестьян (среднегодовые темпы роста доходов свыше 14% в 1978–1984 годах), позволив в короткие сроки в основном решить проблему продовольствия для населения страны, а также проблему дешевой рабочей силы для индустриализации (ибо подрядное хозяйство быстро выжало из земледелия огромные излишки рабочей силы, сделав скрытую безработицу явной).

Однако по мере развития экономики при дефиците земельных ресурсов и непрерывном росте сельского населения *уравнительный характер распределения земли оказался тупиковым*: он вел к все большему измельчанию земельных наделов, усиливая характер маргинальности, высоких издержек и неэффективности мелкого распыленного крестьянского производства. По данным министерства сельского хозяйства Китая, земельный надел двора в 1986 году составлял в среднем 0,61 га и включал 8,4 отдельных кусков полей, в 2008 году — уже 0,49 га с числом полей — 5,7, а на конец 2011 года на 1 двор пришлось только 0,37 га (при подрядной пашне в 85,59 млн га и общем количестве подрядных дворов 229 млн единиц)², т. е. всего за 26 лет размер земли семейного хозяйства сократился почти на 40%³. Все больше сокращались возможности душевого размера земли в поддержании существования крестьян: в начале 2000-х годов в 1/3 провинций душевой размер земли был менее 1 му (0,067 га), а в 1/3 уездов — менее 0,8 му (0,046 га), а это, согласно научным критериям, означало, что в 1/3 провинций способность земли обеспечить существование крестьян достигла нижней черты, а в 1/3 сельских уездов соотношение людских и земельных ресурсов было уже недостаточным для поддержания существования человека⁴. Эту истину подтверждает тенденция существенного сокращения доходов двора от сельского хозяйства, которое перестало быть главным источником дохода крестьян. Именно нехватка дохода от сельского хозяйства и поиски дополнительных видов источников существования и средств для развития производства стали главной причиной, стимулировавшей процесс миграции сельскохозяйственного населения сначала в другие отрасли (сельскую промышленность), затем — все больше в город.

Коллега Янь говорила о двух этапах реформы, имея в виду сроки действия подрядной системы — первый срок 15 лет, второй — с 1997 года, когда срок действия подрядной системы на землю был продлен еще на 30 лет. При этом она обращала внимание на измене-

2. Нунфасо = 35 420

3. Тецзюнь В. (2005). Реформа земельной системы и проблема доходов крестьян // Чжунго цзинци фачжань яньцзю баогао. (Исследовательский доклад о развитии китайской экономики). Чжунго жэньминьдасюэ. Чжунго жэньминьдасюэ чубаньшэ. Пекин. С. 266.

4. Там же. С. 266.

ние политики эгалитаризма с этого времени (1997 г.), т. е. отхода от уравнительного типа распределения земли в деревне, когда правительство ввело установку: «при увеличении числа членов семьи не увеличивать надел подрядной земли, при сокращении числа членов семьи — не уменьшать его», что положило начало «земельному неравенству», по словам Янь. Как защитник интересов крестьянства и коллективной экономики Янь Хайжун сетовала на то, что дети, родившиеся после 1997 года, не имели права на «свой» участок подрядной земли и могли лишь наследовать то, что имели их родители, а женщины, вышедшие замуж и переселившиеся в семье мужа, фактически лишались права на получение своей доли земельного подрядного надела. И это правда. И выход был только один: две семьи объединяли свои наделы, если позволяли условия, иначе приходилось приарендовывать часть земли у соседних дворов, где был ее «излишек». Другого выхода не было, ибо не было земли: сохранение принципа уравнительности означало гарантию получения своего надела земли не только всем нынешним жителям деревни, но и будущим поколениям, а такой возможности уже не было. Это суровая объективная реальность.

Бесконечные административные урегулирования размеров подрядных наделов, осуществлявшиеся в деревне каждые несколько лет в связи с изменением демографической ситуации, подрывали стабильность самих подрядных отношений, не стимулировали крестьян осуществлять долгосрочные инвестиции в землю, повышать ее плодородие, не культивировали бережного отношения к земле. При этом местные управленцы при таких урегулированиях обычно злоупотребляли положением в своих особых интересах.

Нужна была новая реформа земельной системы в деревне. И 3-й пленум ЦК КПК 18-го созыва (2013 г.) принял решение «об углублении реформы» в деревне, в первую очередь реформы земельной системы.

Первое ее направление — *создание системы хозяйствования в сельском хозяйстве нового типа*. Основная задача реформы: изменить характер землепользования, стимулирующий мелкое крестьянское производство, основанное на принципе уравнительного распределения земли, решить проблему распыленного парцеллярного характера хозяйствования на земле, создать условия для концентрации земли и развития масштабного хозяйства как первый важный шаг на пути к модели развития современного сельского хозяйства с упором на интенсификацию производства, специализацию и кооперацию, повышение качества и эффективности. (По оценкам китайских ученых, экономически эффективным можно считать хозяйство с наделом земли не менее 3–6 га, т. е. в 10 раз больше нынешнего среднего размера земли на двор.)

Иначе говоря, предстояло решать самую острую проблему в деревне — проблему урегулирования земельных отношений: вместо административного урегулирования размеров подрядной земли осу-

шествить переход к другому, более эффективному способу перераспределения и размещения пашни. Этим способом могло стать и фактически уже стало рыночное обращение земли (пока еще внутри деревни).

Пути решения этих задач подсказывала сама жизнь. К 2013 году из сельского хозяйства ушло 275 млн излишней рабочей силы (свыше 40% всей сельскохозяйственной рабочей силы), они больше не работают на земле. Покидая деревню, сельские мигранты обычно передавали свой подрядный надел соседу или родственнику (как правило, возмездно) для ведения хозяйства, а право подряда на эту землю оставалось у них. В результате возникла и получила широкое распространение стихийная тенденция разрыва, *разделения права пользования на землю* (его называют правом подрядного хозяйствования) на две части — *право подряда*, которое сохраняется за сельским мигрантом или хозяином двора, и *право хозяйствования*, которое возмездно передается новому хозяину в деревне.

«Освободившееся» право хозяйствования (т. е. часть права пользования) через процесс обращения земли начало все больше концентрироваться в руках предприимчивых крестьян, создавая основу для формирования новых форм хозяйствования, таких как крупные зерновые дворы, семейные фермы, крестьянские кооперативы, сельскохозяйственные предприятия, что стимулировало развитие укрупненного, т. е. масштабного хозяйствования. Эта стихийно развившаяся тенденция получили свое политическое оформление в официальных документах правительства по реформе. В основу концепции реформы (нового ее этапа) положен принцип *«разделения трех прав»*: *права собственности на землю, права подряда и права хозяйствования*, первое из них надо укреплять, второе — стабилизировать, а третье — оживлять.

Основные принципы концепции этой реформы гласят: сохранение коллективной собственности на землю, укрепление подрядных отношений на длительное время, семейное хозяйство — основа новой системы хозяйствования, формирование субъектов разных новых форм масштабного хозяйствования, их совместное развитие, расширение многоукладной аграрной экономики. На 2014 год, по данным обследования, в сельском хозяйстве уже насчитывалось 877 тыс. семейных ферм со средним земельным наделом в 200 му (13,4 га) каждая, 28,994 млн ед. крестьянских кооперативов (на конец 2013 г.), 123,4 тыс. ед. головных сельскохозяйственных предприятий (на конец 2013 г.)⁵.

Вот здесь коллега Янь выступает с резкой критикой этой концепции нового этапа реформы земельной системы и политики правительства, всячески поддерживающего формирование этих новых форм хозяйствования, которые «и сверху и снизу стимулируют тенденцию к капитализации». Она совершенно права, эти новые формы хозяй-

5. Чжунго нунцуню цзинци (2014–2015) // Люпишу. С. 115, 134, 162.

ствования носят в основном рыночный характер, и тенденция капитализации имеет место, особенно это касается частного промышленного и торгового капитала, представляющего в деревне агробизнес (речь идет о хозяйствах вертикальной кооперации по схеме «головное» предприятие + семейное хозяйство двора (дворов) или предприятие + крестьянский кооператив + двор(ы)). Янь Хайжун называет эти виды кооперации как «поглощающие» обычные семейные хозяйства. В реальности отношения партнеров в такой кооперации, как правило, неравноправны, но мелкие расплывленные крестьянские семейные хозяйства иначе вообще не в состоянии пробиться к «большому рынку», а от этой кооперации они тем не менее получают не только доходы, но и ряд других возможностей, способствующих их производству. Несомненно, что в условиях все большего развития рынка в деревне рыночные тенденции набирают силу, и это присуще смешанной экономике.

Но есть и механизмы, ограничивающие чрезмерный разгул рыночных сил. Это прежде всего сохранение права собственности на землю и другие основные средства производства (крупные ирригационные сооружения и пр.). В последнее время все больше усиливается контроль над деятельностью частного капитала в деревне, введение ее в определенные и жесткие рамки; в то же время государство стремится максимально использовать его ресурсы и возможности для развития отраслей современного сельского хозяйства.

Поскольку реальная действительность в стране опережает реформу, которая фактически начата на основе принятия политического решения руководством страны и не имеет под собой пока готовой правовой и институциональной основы, постольку естественно возникла определенная опасность ослабления контролирующей роли системы общественной собственности, в том числе *права подряда*, по сравнению с новой ролью отделившейся части права пользования, т. е. *права хозяйствования*. Известны случаи, когда крестьяне-мигранты теряют свое подрядное право на коллективную землю, отдав в аренду или уступив свое право хозяйствования третьему лицу. И это связано как с отсутствием четкой и прочной правовой базы, так и с несовершенством земельного рынка в деревне.

Коллега Янь отмечает эти явления как «утерю контроля со стороны коллектива деревни» над ситуацией и как «ослабление содержания коллективной формы собственности в пользу усиления роли права пользования» и выражает справедливое беспокойство по этому поводу. Такое нестабильное (скорее, неустоявшееся) положение вновь переструктурированного имущественного права на землю в деревне хотя и имеет место, но, как нам кажется, является лишь временным явлением. Оно связано с отсутствием пока готовых теоретических подходов и неразработанностью институциональной базы под эту концепцию реформы (разделения трех прав) и отражает реальное состояние дел в деревне на данный момент.

В стране ведутся горячие теоретические споры ученых, развернута большая работа по корректировке основных законов земельного законодательства, идут эксперименты по отработке модели реформы.

В этой связи мой первый вопрос как раз касается этого положения дел: *В какой мере и как гарантировано право хозяйствования на подрядной земле субъектов новых форм хозяйствования (семейных ферм, крупных зерновых дворов, крестьянских кооперативов, агропредприятий)? Ведь они составляют основу будущей системы современного сельского хозяйства страны.*

янь Хайжун: Их право хозяйствования (пользования) гарантировано только договором с коллективным хозяйством и крестьянским подрядным двором, уступившим свое право хозяйствования.

Л.Д. Бони: Такой гарантии (договорного типа) далеко не достаточно, но серьезных правовых гарантий пока нет. Новые хозяева, осуществляя инвестиции и развивая товарное эффективное производство, хотят иметь более прочные и к тому же правовые гарантии и защиту своего хозяйства на годы вперед. От этого будет зависеть стабильность сельхозпроизводства и сама возможность смены модели развития. Известно, например, что один из ведущих теоретиков-аграрников страны — Лю Шоун (Институт экономики при Народном университете Китая) с группой ученых взяли на себя обязательство разработать теорию концепции «разделения трех прав» в ближайшие три года, т. е. где-то к 2020 году.

Правительство между тем предпринимает меры по стабилизации подрядных отношений на длительное время, меры по усилению роли права подряда на землю. В последних официальных документах заявлено, что лишь член коллективной организации имеет право подряда на земле, на основании которого может или сам работать на земле, или передать в обращение его часть, т. е. право хозяйствования, получив, таким образом, имущественный доход. Иначе говоря, право подряда, выдаваемое каждому члену коллектива, выступает своего рода гарантией равного шанса у каждого крестьянина или двора как члена коллектива, на пользование коллективной землей и получения от нее дохода как средства обеспечения минимального уровня существования. Никто не может отнять у крестьянского двора его право подряда, заявлено в документе, в том числе и у сельских мигрантов, которые ушли в город, но еще окончательно не порвали с деревней. Эта гарантия права подряда для каждого двора выступает как своего рода защита от так называемой «пролетаризации».

Более того. Концепция этой реформы признает категорию «*семейное хозяйство*» — *основой* новой хозяйственной системы, и это не случайно. Имеет место официальное ограничение размеров и масштабов укрупнения хозяйств как важное условие развития многоукладной аграрной экономики на длительное время. И даже

сам термин «масштабное хозяйство» имеет перед собой неременную приставку — «соответствующих размеров». Это ограничение связано с историческими условиями нынешнего этапа, когда мелкое крестьянское семейное хозяйство является преобладающим и будет таковым еще много лет, и ускоренные темпы развития современных форм хозяйствования могут сделать безработными значительную часть сельского населения, что считается недопустимым. Это тоже своего рода гарантия от «пролетаризации».

Наконец, согласно концепции нового этапа реформы, развитию *коллективной экономики* придается важное значение как одному из укладов формирующейся многоукладной аграрной экономики Китая. Перспективы усиления роли и укрепления основ коллективной экономики в деревне руководство страны связывает (с 2015 г.) с новым центральным направлением «углубления» реформы земельной системы — *с реформой системы имущественного права крестьян в отношении коллективного имущества в деревне*. Именно с этим связано «сертификация» земли, о котором в конце доклада упоминает коллега Янь.

Эта реформа должна решить «проблему денег в кармане крестьян», т. е. открыть новые источники доходов крестьян и средств на развитие масштабного хозяйства, модернизации за счет оживления и реализации имущественных прав крестьян на коллективное имущество через рынок. Чтобы создать эти новые источники доходов, механизм их накопления и мобилизации, нужно прежде всего создавать в деревне полноценную систему имущественного права крестьян на коллективное имущество, механизмы ее защиты и оживления. Для этого «через уяснение имущественного права создавать рынок имущественного права, оживить все коллективное имущество, чтобы крестьяне получали доход от этого ожившего имущества. Это и есть сегодня реформы системы имущественного права в нашей деревне»⁶. Содержание реформы включает целый ряд этапов: 1) уточнение имущественного права, четкое определение его принадлежности, обеспечение правовой основы для защиты этого права; 2) капитализация коллективного имущества и выделение доли каждого члена коллектива в этом имуществе, закрепленное официальным документом-сертификатом; 3) создание рынка имущественных прав в деревне и реализация имущественных прав крестьян; 4) развитие долевой кооперации в деревне.

Начиная с 2015 года развернулась широкомасштабная работа по созданию полноценной системы имущественного права в коллективной экономике деревни, «уточнение имущественного права, его регистрация и выдача документа каждому члену коллектив-

6. Шанси Л. Совершенствовать систему имущественного права в деревне, сокращать разрыв в уровне доходов города и деревни. URL: http://rdi.cass.cn/show_News.asp?id=36691

ной хозяйственной организации» (коллега Янь назвала этот процесс «сертификацией»).

Земля в деревне — главное имущество крестьян. Оживить и мобилизовать этот пока «спящий» внутренний потенциал в деревне — значит сформировать новый важный фактор роста аграрной экономики, доходов крестьян. Масштабы коллективного имущества в деревне на сегодня таковы: общая площадь коллективной земли в деревне 6,69 млрд му (448,23 млн га), включая 5,53 млрд му (370,51 млн га) земли, используемой в сельском хозяйстве, и 310 млн му (20,77 млн га) — земля для строительных целей; стоимость имущества хозяйственного характера составляет 2,4 трлн юаней (примерно 300 млрд долл.)⁷.

Мое мнение по поводу тенденций «капитализации сверху и снизу». Тенденции капитализации в китайской деревне не противоречат китайской теории «социалистической системы рыночной экономики» начальной стадии социализма в Китае. Согласно ей рынок рассматривается как органическая составляющая хозяйственного механизма товарной экономики, одновременно макрорегулирование государства является неотъемлемой его частью.

И в заключение хочу задать вопрос: *Как формируется доход крестьянского двора и каковы его основные источники? Может ли быть выполнена в китайской деревне программа «сяокан» (программа «полного построения среднезажиточного общества» в ближайшей перспективе)?*

янь хайжун: В сельском хозяйстве Китая в настоящее время сложилась парадоксальная ситуация, когда доход двора более чем на 3/4 опирается на источники вне сельского хозяйства, его главным источником выступает доход от заработка сельских мигрантов в городе, который в последнее время перестал быть устойчивым (темпы роста доходов крестьян в последние несколько лет стали падать). Чтобы сделать сельское хозяйство снова основным источником доходов крестьян, нужны модернизация и смена самой модели развития, плюс ускоренная урбанизация, способная оттянуть еще больше рабочей силы из агросферы. Как известно, к концу 2020 года в Китае должна быть завершена стратегическая программа «сяокан», программа существенного улучшения социального положения городского и сельского населения (в последние десять лет 2010–2020 годы). Деревня рассматривается как слабое, отстающее звено в реализации этой программы в срок. В этих условиях руководство страны сосредоточило основные усилия на таких важных направлениях в рамках программы «сяокан», как сокращение разрыва в степени доступа к основным социальным услугам (образование, здравоохранение, социальное страхование и пр.) и борьба с бедностью, вплоть до полной ликвидации абсолютной бедности

7. http://rdi.cass.cn/show_News.asp?id=35828

в стране, в том числе в деревне в более чем 500 уездах (критерий границы абсолютной бедности — 2300 юаней на душу в год, т. е. около 1 долл. в день).

В.В. БАБАШКИН: Из того хитросплетения противоречий, которое видится мне в сегодняшнем обсуждении проблем аграрного реформирования, выделю одно — только что прозвучавшее в ответе Янь Хайжун. Ускоренная урбанизация как один из факторов повышения социальных параметров деревенской крестьянской жизни в современной КНР. С одной стороны, урбанизация в Китае и так идет мощными темпами, в больших количествах поглощая излишек рабочей силы на селе. Мы знаем также, сколь велика была роль быстрой урбанизации в СССР сперва в 1930-е, а затем в 1950–1960-е годы в эволюции аграрных отношений в нашей стране. О том, что это было по сути своей и чем в конечном итоге обернулось для судеб советской деревни, острейшие споры в нашей современной аграрной историографии не прекращаются. Подчеркну, что в советской историографии именно в этой области любые споры и сомнения особо жестко пресекались, так как ответ был предельно логичен и непротиворечив. И мы его хорошо помним, но этот ответ очень плохо увязывается с тем, что произошло с советскими колхозами и совхозами в дальнейшем.

С другой стороны, крупные аграрники всегда с подозрением относились к проблеме развития городов. Вспомним любопытный момент из знаменитой крестьянской утопии А.В. Чаянова, написанной в 1919 году: одним из важнейших законодательных установлений грядущей в 1930-е годы крестьянской революции в России стал указ об ограничении численности населения любого города, включая Москву, 30 тысячами человек. Нечто подобное писал уже ближе к нашим дням о чрезмерной концентрации городского населения в КНР и классик мирового и китайского крестьяноведения Фэй Сяотун⁸.

Я бы, наверное, не стал упоминать здесь этот текст Чаянова. Однако ознакомившись со статьей Янь Хайжун о капитализме «сверху» и «снизу» в современном китайском сельском хозяйстве, с удовольствием обнаружил, насколько велик интерес современных китайских аграрников прокрестьянских убеждений к теоретическому наследию нашего выдающегося соотечественника. Они даже полагают, что если всерьез говорить о «капитализации без капитализма» или о «капитализме без пролетаризации», то реальные отношения в аграрном секторе современного народного хозяйства КНР более адекватно было бы описывать не в классических категориях капитализма и социализ-

Россия, Польша, Китай — пути постсоциалистического сельского развития
Круглый стол

8. *Сяотун Ф.* (1989). Китайская деревня глазами этнографа / Пер. с кит. В.М. Крюкова; вступит. ст. В.М. Крюкова; предисл. Б. Малиновского. М. С. 243.

ма, но при помощи какого-нибудь другого «-изма». И этот последний мог бы быть как-то связан с именем Чайнова — «Chayanovian»⁹.

Возвращаясь к вопросу о нынешней урбанизации в КНР, выскажу такое предположение. Российским аграрникам, безусловно, необходимо изучать опыт постепенного и бережного решения проблем земельной собственности, владения и распоряжения землей в Китае с 1978 года в попытках понять, по каким причинам в России начала 1990-х все шло иначе. Китайским же коллегам необходимо внимательно присмотреться к проблемам нашей современной урбанизации, перенаселенности больших городов и набирающей силу тенденции к переселению людей в сельскую местность.

А.В. ГОРДОН: С большим удовольствием выслушал доклады Романа Киселя и Янь Хайжун. Картина очень пестрая, и вместе с тем при различии исторических обстоятельств, политического режима и уровня коммерциализации есть общие проблемы развития сельского хозяйства. Одна из них — так называемое перепроизводство. В Польше меньше, в Китае критически еще полвека назад стояла задача роста сельхозпроизводства. В одном случае выявлялась проблема недопотребления, в другом — недоедания и спорадического голодания. Естественно, перед властью и перед крестьянином стояла задача всемерного роста производства, так сказать любой ценой. И когда у крестьян появилась мотивация благодаря ослаблению госрегулирующего и формированию рынка, они с этой задачей в количественных показателях справились.

Теперь встала проблема конкурентоспособности: в Польше, как я понял, это прежде всего проблема качества продукции, а также условий ее реализации, в Китае — сокращения издержек производства. Дополняя сказанное Янь, я бы на первое место поставил необходимость сокращения трудовых затрат, ибо бурный рост сельхозпроизводства после деколлективизации был связан именно с трудоинтенсификацией.

Янь в качестве решения проблемы перепроизводства предлагает усиление регулирования рынка либо госорганами («планирование»), либо соглашением между самими производителями. Думаю, это неудачное предложение. Как заметила Людмила Дмитриевна Бони, госрегулирующего в Китае и так хватает, в 1990-х годах избыток его привел к стагнации производства зерновых. В противоположность Янь Хайжун думаю, что проблемы сельского хозяйства Китая обусловлены не избытком коммерциализации (вопрос о коммерциализованности социальной сферы я не рассматриваю, здесь я согласен с Янь полностью, это такое же бедствие, как в России). Наоборот, в производственной сфере как на макроэкономическом

9. *Yan Hairong, Chen Yiyuan* (2015). Agrarian Capitalization without Capitalism? Capitalist Dynamics from Above and Below in China // *Journal of Agrarian Change*. Vol. 15. No. 3. July. P. 370.

уровне, так и в агросфере в частности отмечается недоразвитость рынка.

Вопрос как раз и уперся в рынок земли, форму земельной собственности. Существующая так называемая коллективная собственность снижает мотивацию улучшения земли у крестьян и препятствует необходимой концентрации производства: средний семейный надел полгектара — расчетный минимум эффективного хозяйствования 5 га. Поэтому, в отличие от Янь, я считаю, что предпринимаемые китайским руководством меры поощрения деколлективизации землепользования в развитие реформы 1978 года продуктивны.

Янь Хайжун заявила о своей позиции сторонницы реколлективизации. Народники России всех времен хорошо бы ее поняли. Я не принадлежу к этому популярному направлению, ибо, разделяя демократические идеалы Янь Хайжун, не менее откровенно утверждаю: реколлективизация — тупиковый путь.

Янь аргументирует свою позицию ссылкой на «коллективные деревни», сохранившие в общедеревенской собственности производственные фонды в виде промышленных предприятий. Об этих так называемых «поселково-волостных предприятиях» существует значительная литература, в которой их функционирование выглядит далеко не однозначно. Время расцвета для них — 1980–1990-е годы, когда нужно было насытить потребительский рынок Китая, а также России и других бывших соцстран Восточной Европы (той же Польши) дешевым ширпотребом. Теперь у этих предприятий сложности со сбытом, тем более что переход на высокотехнологичную продукцию для них затруднен из-за невысокого качества рабочей силы.

И эта проблема не решается. Условия работы здесь были крайне тяжелыми, диктат начальства — суровый, дисциплина — казарменная. Отсюда и большая текучка. Причем уходят местные жители, а их место занимают мигранты из более бедных районов. Коренной вопрос, который, к сожалению, обходит Янь. Кто субъект собственности на эти предприятия? В большинстве случаев хозяевами являются деревенские начальники и их родственники.

Это же относится и к распоряжению землей. Фактически коллективной землей распоряжаются партсекретари и главы деревенских комитетов, за спиной которых администрация более высокого уровня. Отсюда, в частности, бесчисленные конфликты из-за компенсации за изъятие деревенской земли под городскую застройку и промзоны.

Пока не изменятся властные отношения на деревенском уровне, *реальная коллективизация* с получением решающего голоса для простых крестьян невозможна.

Сказанное отнюдь не означает, что ситуация безнадежна. Кооперация не только возможна, но и желательна. Парадоксально, что сбытовая кооперация или кредитно-судная вполне успешно развивалась в предреволюционной России. Миром собирали деньги

Россия, Польша, Китай — пути постсоциалистического сельского развития
Круглый стол

на приобретение минеральных удобрений или техники. А вот сейчас практически ни в одной из постсоциалистических экономик кооперация не развивается.

Мне кажется, что вместо идеологических лозунгов в пользу «реколлективизации» лучше заняться практической работой по развитию общественного начала в деревне (кооперация, местное самоуправление, демократизация структуры власти на деревенском уровне, где, несмотря на внедрение выборов деревенских комитетов, остается немало серьезных вопросов).

И у меня еще один вопрос насчет экологии — это проблема проблем. Поскольку в Китае очень высокий уровень интенсификации производства, за счет чего он достигается — за счет химизации, к сожалению. А химизация имеет обратную сторону. Насколько серьезна сейчас для Китая экологическая проблема? Потому что прежде всего земля меньше дает урожай; во-вторых, это здравоохранение — существуют целые «раковые» деревни, где высок уровень онкологических заболеваний; в-третьих, китайские ресурсы уже не выдерживают экономического роста, и в деревне земля утрачивает свои производительные возможности.

янь хайжун: Прежде чем отвечать на вопрос об экологии, я бы хотела сделать уточнение относительно субъекта коллективной собственности. Сама эта идея — коллектива, который принимает решения, тоже критикуется, потому что в ней есть свои плюсы и минусы. Сегодня сложилось несколько моделей того, как коллектив координирует экономическую деятельность. Например, недалеко от Гонконга есть деревня в дельте реки, ее жители просто сдают свою землю компаниям из Гонконга в аренду, и у каждого домохозяйства есть своя доля в арендной плате. Домохозяйства как бы становятся абсолютными рантье, но очень четко следят за тем, чтобы каждое домохозяйство получало одинаковую со всеми долю в доходе от аренды земли.

Второй момент: созданные в 1980–1990-е годы в Китае сельскохозяйственные товарищества бурно развивались и были в большей степени ориентированы на сельских жителей. Потому что каждое домохозяйство в деревне, где возникала эта структура, имело свою квоту на работу, т. е. в каждом домохозяйстве в этом товариществе работал один или два члена. Тщательно соблюдался принцип равенства: все, кто живет в сельской местности, каждое домохозяйство имело равные права на участие в деятельности этой организации. Не как акционеры, не на трудодни, а на рабочее место: каждое домохозяйство должно было иметь равное количество рабочих мест в этой организации. Но, конечно, государство было больше заинтересовано в городском развитии, поэтому под влиянием множества причин — и уровень образования горожан, и собственные инициативы, и бизнес-знания, и поддержка государства — сельскохозяйственные товарищества в итоге оказались неэффективными, хотя

принцип коллективной координации здесь существовал — распределение квот на рабочие места.

Тот пример, который я привела с вновь возникшей в 2014 году коллективной деревней, он более жизнеспособен, потому что происходит коллективная дифференциация сельскохозяйственной деятельности. Например, жители деревни коллективно решили, что будут выращивать лимоны: они посадили лимоны, строят производство, чтобы эти лимоны перерабатывать на джемы, варенье и пр. Это коллективное решение, и приоритет в трудоустройстве на производстве лимонов имеют жители деревни. Условно говоря: пока все жители коллективной деревни не трудоустроены, речь не идет о найме внешних работников.

Теперь об экологии. Действительно, в Китае экологические проблемы стоят острее, чем в других регионах мира. Первоначальная задача состояла в достижении продовольственного самообеспечения, сейчас оно на уровне 72–75%. И продовольственное самообеспечение сначала обеспечивалось за счет сельскохозяйственной деятельности домохозяйств, которые чрезмерно использовали пестициды и химические удобрения. В итоге это привело к тому, что сейчас одна из ключевых проблем в Китае — это безопасность продовольствия, т. е. той сельскохозяйственной продукции, которая производится.

Л.Д. БОНИ: Я бы хотела сделать комментарий и задать вопрос о том, каковы пути повышения доходов крестьян в настоящее время? Сейчас над чем бьются — над повышением производительности, а в сельском хозяйстве сделать это сразу трудно, поэтому осуществляется укрупнение и расширение его масштабов. Вот профессор Кисель сказал, что в Польше 6–7 га на семью — это мало, они не прокормят семью из четырех человек, правильно?

Р. КИСЕЛЬ: Это зависит от того, какое производство. Институт экономики считает, что если одна корова дает, например, 6 тысяч литров молока, то нужно иметь 50 коров, а для производства зерновых нужно иметь 150 га земли, но у нас средний размер хозяйства — около 12 га, в моем воеводстве — 22. Этого не хватает, чтобы прожить при средней норме производства.

Л.Д. БОНИ: А в Китае у многих мечта увеличить свой земельный надел, потому что надел на душу у них настолько мал, даже на хозяйство, что он должен быть в десять раз выше, чтобы только обеспечить жизненный минимум. Крестьяне мечтают, что у них будет 3,7 га — вот это тогда будет хорошее хозяйство, но это невозможно. Поэтому увеличить доходы в сельском хозяйстве можно только за счет модернизации и перехода к масштабному хозяйству. А это довольно долгий путь — через реформу земельной системы, землепользования. И чтобы в ближайшую пятилетку нагнать отставание

(разрыв по доходам между городом и деревней сегодня составляет 3:1), акцент сейчас делается на подтягивании основных общественных услуг в деревню — здравоохранение, образование, соцстрахование, потому что разрыв между городом и деревней по обеспеченности этими услугами составляет 5–6 раз.

Огромные инвестиции вливаются в улучшение общественных услуг, чтобы выровнять положение города и деревни, — это первое. А второе — это широкомасштабная программа борьбы с бедностью, которая давно ведется в Китае. За последние 30 лет повысился уровень жизни 2/3 беднейшего населения. Однако нужно учитывать, что государство меняет критерии отнесения к бедным, и, соответственно, меняется количество бедняков. По последним критериям, абсолютная бедность — это доход ниже одного доллара в день.

В Китае действует широкомасштабная программа борьбы с бедностью, причем она идет направленно — одновременно вширь и вглубь, потому что в каждом конкретном районе принимаются свои программы: где-то создаются новые отрасли, где-то население переселяют. Например, в рамках борьбы с бедностью существует программа переселения людей из районов экологически тяжелых и с бедными природными ресурсами, в основном из горных районов, где местное население уже уничтожило всю растительность. 10 миллионов человек по этой программе будет переселено в более благоприятные природные условия, чтобы развивать там прежде всего земледелие. И на эту программу брошено 600 миллиардов юаней. Можно сказать, что нет худа без добра, и для китайской деревни наступил звездный час. Хотя с падением темпов экономического роста уменьшаются и бюджетные доходы, но принято постановление не просто не снижать, а увеличивать расходы на деревню, на сельское хозяйство, именно по этим двум направлениям: на общественные услуги и на преодоление бедности.

Р. КИСЕЛЬ: Хотел бы сделать дополнение. Одно — это площадь или территория хозяйства, а второе — площадь земли в расчете на человека. Сорок лет назад в Польше было 80 акров сельскохозяйственной земли на человека, а теперь 36 акров; самый большой данный показатель — в США и России, но это ни о чем не говорит. В Белоруссии всего 5–6 акров, но хватает. Пока мы все в Польше делали так, как сверху приказывали, у нас ничего не было, поэтому были протесты. А теперь, когда сверху ничего не приказывают, проблема с продукцией — куда все это девать, когда никто не хочет покупать. У нас все это лежит и пропадает: сыры, твороги, молоко — все-все-все. Раньше мы производили 50 миллионов тонн картофеля, теперь десятую часть, но никто картофель не кушает, продать не могут. Поэтому важна не только общая площадь земли, но и площадь земли, которую обрабатываем в расчете на человека, а также уровень химизации, механизации и пр. У нас в Польше экспорт на хозяина — до 2 тысяч евро в среднем, в Гол-

ландии — 20 тысяч евро с пяти аров на человека. Поэтому приказы «сверху» ничего не дадут, и в Польше это доказано.

М.Г. ПУГАЧЕВА: Я знаю, что, например, в Латвии Евросоюз платит владельцам земли небольшие суммы, чтобы они их не обрабатывали и ничего там не выращивали, а в Польше?

Р. КИСЕЛЬ: У нас тоже, только раз в год нужно все, что выросло, скосить. Ничего не делаете, получаете в год 250 евро только за это, когда у вас животные, получаете до 500 евро.

М.Г. ПУГАЧЕВА: У меня еще вопрос. Вы говорили, что субсидии от Евросоюза скоро прекратятся?

Р. КИСЕЛЬ: Да, прекратятся, потому что финансовая помощь зависит от уровня богатства. Когда мы достигнем показателя в 70% от среднего уровня жизни в Евросоюзе, мы прекратим получать деньги. Например, в Польше самая большая и богатая область — центральная, Варшавская. Мы хотим отделить Варшаву от территории нашего воеводства, как было сделано в Хорватии, сделать четыре провинции или области, чтобы подольше получать деньги от Евросоюза. И так крутиться и получать финансовую поддержку. Она выделяется и стране в целом на сельское хозяйство, и на региональные программы развития человеческого капитала. Фактически мы в последний раз получили большие деньги, потому что из-за решения Великобритании о выходе из Евросоюза будут меняться его программы. Камерон хотел снизить 1% отчислений из бюджетов 28 стран до 0,8%, т. е. это 20%: так мы получаем 114 миллионов, а если снять 20%, то получим на 25 миллионов меньше, а это огромная сумма. Пока мы первые в Европейском союзе по размеру получаемых денег, но это в последний раз, вскоре мы будем получать уже совсем немного, а потом, может, сами будем плательщиком. Почему Норвегия не хотела в Евросоюз и два раза проводила референдум, Швейцария не хотела — потому что они богатые и должны в три раза больше платить, а они не хотят, хотя богатые должны делиться с бедными.

А.М. НИКУЛИН: Два вопроса фактически было затронуто в комментариях. Первый — это проблема сбыта сельскохозяйственной продукции, которая очень болезненна в Польше. В России это тоже очень болезненная проблема, особенно для мелких производителей. А в Китае как с этим обстоят дела?

Янь Хайжун: В 1980-е годы ситуация была следующая: чем больше ты произвел и поставил на рынок, тем больше твой доход. Сейчас рыночные тенденции привели к тому, что чем больше ты произвел, тем меньше у тебя доход. И даже пословица появилась:

Россия, Польша, Китай — пути постсоциалистического сельского развития
Круглый стол

«Хороший урожай не равен хорошему доходу». Поэтому развитие рынка связано с проблемой бедности: человек хочет получать больший доход, он производит больше и больше, не думает о том, что вся капуста сгниет на полях, потому что продать он ее не может. В итоге получается, что затраты на производство растут, а доход становится все меньше и меньше. Сейчас все больше слышно мнений, в частности крупных агропроизводителей, что нужны элементы плановой экономики. Причем совершенно не обязательно, что эту плановую экономику должны разрабатывать государственные бюрократы, — могут быть какие-то договоренности между производителями. Некоторое планирование необходимо, потому что иначе производство становится бездумным, сумасшедшим: больше и больше продукции ради более высоких доходов, что порождает постоянные экологические проблемы и истощает ресурсную базу. И проблема бедности как раз связана с тем, что рыночная экономика порождает бедность, но не из-за тенденций пролетаризации, а потому что отсутствие элементов планирования порождает больше затрат, чем могло бы быть и чем необходимо.

л.д. бони: Планирования более чем достаточно: «сверху» так запланировали, так увеличили закупочные цены, что продавать, сбывать было очень выгодно все эти годы. Все основные виды продукции закупались правительством, государством, которое фактически с рынка вытеснило всех частников, например, на рынке зерновых. Начиная с 2004–2006 годов государство установило закупочные цены на основные виды зерна и для временного хранения кукурузы. Все делалось для того, чтобы поднять инициативу крестьян и увеличить их доходы. В результате закупочные цены с 2004–2006 по 2015 год увеличились в два раза и превысили мировые цены (поскольку в кризис 2008 года мировые цены снизились). И возникла перевернутость цен, когда каждая тонна зерна стоит на 600–800 юаней дороже, т. е. на 30, 40 и даже 50% больше на внутреннем рынке, чем на мировом. А в условиях ВТО Китай открыт для импорта. Так что сейчас государство снижает закупочные цены в плановом порядке. В Китае очень сильное плановое макрорегулирование, например, они снизили на 10% в прошлом году закупочные цены на кукурузу, и убытки крестьян составили 20 миллиардов юаней. Но государству нужно дойти до уровня цен мирового импорта и еще на 20% снизить. Установка такая, что рынок должен все регулировать, но не должны страдать крестьяне, поэтому государство сейчас выдает дотации в срочном порядке, чтобы покрыть себестоимость производства. И Китай выходит на мировой рынок с основными видами сельхозпродукции: зерно, хлопок, соя.

а.м. никулин: Безусловно, это важный вопрос — сбыт и роль плана и рыночного регулирования. Но мой вопрос, и это тоже прозвучало в докладах, касается России. Например, региональное

развитие. Здесь было предложение, что, может быть, с богатого приваршавского региона снять европейские дотации, а периферийным регионам оставить дотации, потому что они более бедные. В российской экономике нам знакома ситуация, когда несколько регионов гребут немеренные дотации от государства, это Краснодарский край, Татарстан, Башкортостан и Белгородская область — регионы-лидеры, у которых изначально хорошие природные условия, и получается по пословице «богатому да прибудется, а у неимущего да отнимется». Мой вопрос таков: существует ли региональное перераспределение доходов в Польше и в Китае, насколько оно справедливо и эффективно?

янь хайжун: Понятие региона сейчас в Китае не столь важно, сколь понятие района. Система работает таким образом, что в стране есть и субсидии, и фонды, куда можно обращаться за финансовой поддержкой, написав заявку на грант. Обычно заявку пишет либо район, либо производитель, который должен доказать, что он крайне важен для районной экономики. Поэтому в разных провинциях есть некоторые специфические правила, но в основном система не дифференцирована по провинциям, и каждый из сотни районов в стране может подать заявку на получение государственной поддержки.

Но все равно, несмотря на эту систему, самые бедные территории Китая — это сельскохозяйственные районы. Можно назвать две причины того, почему субсидии не работают или работают неэффективно. Первая состоит в том, что субсидии получают в основном либо крупные фермеры, либо богатые хозяйства, т. е. до самых бедных крестьян, которые в них нуждаются, субсидии не доходят. Вторая проблема, почему субсидии не работают, состоит в том, что государство как бы в один карман крестьянина кладет деньги (субсидии), а из другого кармана забирает, поскольку затраты на производство, издержки производственные постоянно растут. Получается, что субсидия идет не на развитие производства, а на покрытие издержек, т. е. ничего субсидия человеку не дает, кроме временной финансовой поддержки.

Связь с проблемой бедности здесь в том, что Китай нуждается в декоммодификации массы отраслей, степень коммодификации таких отраслей, как образование, медицина и прочие социально значимые сферы, должна снизиться, и тогда не нужно будет субсидии тратить на оплату подобных общественных услуг.

р. кисель: Региональная политика не выравнивает всего в стране (типа, одна школа или пять километров железной дороги на сто квадратных километров территории), она должна выравнивать шансы для людей. Возьмем для примера две страны — Ирландию и Великобританию: по некоторым показателям Ирландия стоит намного выше, чем Великобритания, потому что она использовала деньги Европейского союза. И в Польше тоже некоторые воевод-

ства быстро идут вперед. По ряду показателей Польша сближается с Евросоюзом быстрее, чем Словакия, Венгрия и страны Центральной Европы. Но внутри страны между областями различия возрастают: в Польше есть области, которые развиваются и умеют получать деньги Евросоюза, есть хорошие, большие хозяйства, которые просят деньги и покупают на них технику. А есть области, например Мала Польша (Краков), где на домохозяйство приходится в среднем три гектара, в семьях по пять детей, и там 80–90% доходов тратится на продовольственные товары. Еще у нас не растет средняя величина земельных участков, потому что люди держатся за доплаты: если бы их не было, люди бы стали продавать землю, а так они держатся за нее, сдают в аренду, но не продают.

А.М. НИКУЛИН: Уважаемые коллеги, нам пора завершать наш круглый стол. Несмотря на все природные, культурные, политические и экономические различия аграрных сфер наших стран, ясно, что мы обсуждали во многом общие базовые противоречия многообразного сельского развития, связанные с вопросами соотношения и взаимодействия крупного и мелкого аграрного производства, частного и коллективного земледелия, экономики и экологии, города и села, наконец, с особенностью национальной аграрной политики, регулирующей все вышеупомянутые вопросы. Китай и Польша в нашем обсуждении явились своеобразными полюсами сельского развития, меж которыми возможно обнаружить особенности региональных путей трансформации сельско-городской России. Надеюсь, что мы еще продолжим плодотворную дискуссионную работу над сравнительным изучением аграрных вопросов наших стран.

Russia, Poland, and China: Models of post-socialist rural development. Round table

Vladimir Babashkin, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, prospect Vernadskogo, 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru.

Ludmila Boni, DSc (Economics), Chief Researcher, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, 117997, Nakhimovskiy Av., 32.

Alexander Gordon, DSc (History), Head of the East and South-East Asia Branch, INION of the Russian Academy of Sciences e-mail: gordon_aleksandr@mail.ru.

Roman Kisiel, Professor of Economic Science, University of Warmia and Mazury in Olsztyn, Poland. 10-719 Olsztyn, ul. Oczapowskiego 4. E-mail: kisiel@uwm.edu.pl.

Alexander Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 82, Prosp. Vernadskogo, Moscow, 119571, Russia e-mail: harmina@yandex.ru.

Marina Pugacheva, Senior Researcher, Centre for Fundamental Sociology Higher School of Economics, Deputy Editor Russian Sociological Review, Staraya Basmannaya str., 21/4, Room A205, Moscow, Russian Federation 105066.

Irina Trotsuk, DSc (Sociology), Associate Professor, Sociology Chair, RUDN University; Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru.

Yan Hairong, Professor, Hong Kong, Polytechnic University, Hung Hom, Kowloon, E-mail: hairongy@gmail.com.

This article is a transcript of the round table at the Rosa Luxemburg Foundation on March 27, which focused on the comparative analysis of the strategic directions of post-socialist rural development in the People's Republic of China, the Polish People's Republic and the Russian Federation. Professor Roman Kisiel made a presentation on the problems of Polish rural economy; professor Yan Hairong highlighted the dialectics of contradictions between collective and private farming in China. To a certain extent the Russian scientists L.D. Boni, V.V. Babashkin, and A.V. Gordon became the co-presenters of the Polish and Chinese colleagues when discussing such problems of rural development as the interaction of large and small-scale agrarian production, capitalist, family and collective forms of agriculture, economy and ecology, the city and village, and especially the national agrarian policies regulating all the above. In many ways, China and Poland turned out to be the poles of political and social-cultural agrarian transformations, which determine possible variations of regional models of rural-urban development in Russia. The round table discussion can be useful not only for academic scientists, but also for practitioners involved in developing state and municipal agrarian policies that are to take into account international agrarian experience.

Keywords: peasantry; land ownership; agrarian reforms; rural development; comparative studies; China; Poland; Russia

Крестьянин как романтик

Златовратский Н.Н. Устои. История одной деревни. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1951. — 542 с.

В.В. Бабашкин

Владимир Валентинович Бабашкин, доктор исторических наук, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, проспект Вернадского, 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-3-152-161

В современной отечественной исторической литературе по аграрным отношениям есть замечательная монография под названием «Крестьянин как политик»¹. Но политик — это циничный прагматик, иначе — просто профнепригодность. Имеется ли у крестьянина такое качество? Конечно. Однако любой крестьянин — это также и поэт, романтик. К данному обстоятельству привлекал внимание своего читателя еще Г.И. Успенский в очерке «Поэзия земледельческого труда»². Простая сумма политика и романтика дает что-то вроде «циничного романтика», а это уже слишком даже и для оксюморона, тут слышится какая-то сумасшедшинка³. И это совсем не то, что писал Ленин о двойственной природе крестьянина как труженика и собственника, работника и торговца-спекулянт-

1. *Яров С.В.* (1999). Крестьянин как политик. Крестьянство Северо-Запада России в 1918–1919 гг.: политическое мышление и массовый протест. СПб.
2. <http://uspenskiy.lit-info.ru/uspenskiy/proza/krestyanin-i-krestyanskiy-trud/poeziya-zemledelcheskogo-truda.htm>
3. Хотя нечто подобное встречается у Н.А. Бердяева в «Истоках и смысле русского коммунизма», когда он пытается понять, почему именно Ленину удалось возглавить народную революцию в России: «В характере Ленина были типически русские черты и не специально интеллигенции, а русского народа: простота, цельность, грубоватость, нелюбовь к прикрасам и к риторике, практичность мысли, склонность к нигилистическому цинизму на моральной основе... Он соединял в себе предельный максимализм революционной идеи... с гибкостью и оппортунизмом в средствах борьбы, в практической политике». *Бердяев Н.А.* (1990). Истоки и смысл русского коммунизма. М. С. 94–95.

та, выдвигая утопический лозунг проведения такой политики, в которой бы разграничивались эти сущности⁴.

Как такие вещи могут уживаться в душе русского крестьянина-общинника, по каким причинам, в каком сочетании, по какой формуле? Неторопливое чтение романа Николая Николаевича Златовратского «Устой» оказывает очень существенную помощь всем тем, кого эти неспростные и нескучные вопросы *действительно* интересуют. Я расскажу, как это помогало мне в поисках ответов, а заодно внесу посильный вклад небольшой «ретрорецензией» в восстановление справедливости.

Несправедливо то, что наша читающая общественность, включая профессиональных «россиеведов», плохо знает содержание этой главной работы Златовратского, в которой он показал себя как глубокий мыслитель и большой художник. Непременной частью гуманитарной образованности у нас всегда считалось умение понять экзальтированных героев Достоевского или сопереживать Анне Карениной в ее этико-эстетических метаниях. Думается, не менее сложной гуманитарной задачей и отнюдь не менее полезной духовной практикой была бы попытка понять суть душевной драмы простой крестьянки деревни Дергачи Ульяны Мосевны.

У меня есть версия, почему братья Карамазовы и Анна Каренина — несравнимо более популярные у нас литературные герои, чем эта «благомысленная» дергачевская крестьянка. И дело тут не столько в тиражах этих литературных произведений или в том, что Льва Толстого проходили в советской школе «как зеркало Русской революции». Хотя и в этом, конечно, тоже. Основное объяснение следует искать в глобальной теории прогресса, у которой, по выражению Т. Шанина, всего один недостаток: «она неправильно отражает суть мироздания»⁵. С точки зрения этой теории первостепенно то, чем живут представители образованного сословия и другие обитатели нарождавшейся в России городской цивилизации. А попытки привлечь читательское внимание к такой «уходящей натуре», как общинное крестьянство, мягко говоря, неактуальны; причем талантливые попытки еще и вредны, поскольку наносят ущерб глобалистским схемам. Но ведь в случае с «Устоями» речь идет об удивительно глубоком анализе ментальных особенностей недавних предков подавляющего большинства нынешних жителей России.

4. См.: Ленин В.И. Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 277. Ленин был, конечно, далек от такой метафизики, как «крестьянин-романтик». Однако через короткое время ему стало очевидно, что и эти стороны крестьянской двойственности разграничению никак не поддаются, и он благословил Земельным кодексом РСФСР 1922 г. обычное общинное крестьянское землевладение, а потом написал невнятную статью «О кооперации»...

5. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке (2015). Под ред. В.В. Бабашкина. М. С. 110.

Так или иначе, а книги Златовратского были запрещены к выдаче в библиотеках еще с 1884 года — через год после завершения «Устоев», — очевидно, как весьма талантливо исполненное напоминание россиянам о патриархальном характере жизни основной массы населения их страны, о накопившихся за двадцать лет после «освобождения» деревенских проблемах, о непредсказуемом и неуправляемом поведении деревенских жителей. И запрет этот сохранялся до 1909 года. Вот уж где «зеркало революции»-то!

Между прочим, один из сполохов приближавшегося революционного пожара мастерски изображен писателем именно в «Устоях» в главе «Вольница» (с. 321–351) в виде спонтанно вспыхнувшей жестокой массовой драки в Дергачах. Не как прежде — на праздник «стенка на стенку», а долго копившееся и внезапно вскипевшее взаимное раздражение односельчан, что показалось Ульяне Мосевне особенно страшным. Но давайте по порядку — от дергачевского побоища до мучительных размышлений о нем главных деревенских романтиков, а также и еще кое о чем.

Вряд ли сам Златовратский, по-видимому, имевший хорошее представление о подобных деревенских сражениях, писал об этом в начале 1880-х годов как о приближавшейся народной революции. Между тем диагноз по этим симптомам он поставил верный: «Но едва почуялось в воздухе приближение этого вождельного порядка (после неурядиц первых лет проведения крестьянской реформы 1861 г. — *В.Б.*), как вдруг всем мужикам сделалось отчего-то жутко. Их как будто испугала та математическая строгость и определенность, с которыми отмежевывались границы их полей. ...Деревню Дергачи, которой принадлежал Мосей, обуял именно такой ужас перед “определенностью”, когда почувствовалось приближение “порядка” за “неурядицей”» (с. 10–11)⁶. Этот ужас материализовался с прибытием в родные края молодого крестьянина по имени Петр и в той энергичной деятельности, которую он немедленно развернул. Молодым крестьянским парнишкой он за несколько лет до того уехал-таки в Москву, вопреки категорического запрету деда искать заработок в большом городе. Уехал искать

6. Очень похоже на те эмоции, которые испытали крестьяне, когда в 1872 г. бывший барин А.Н. Энгельгардт прибыл из Петербурга в родовую усадьбу в Смоленской губернии и вознамерился навести порядок во взаимоотношениях с жителями соседних деревень. Помещик сам был сбит с толку, столкнувшись с шокирующим поведением мужиков, когда на сходе предложил им 30 рублей серебром за работу, которая едва стоила и половину. Но крестьяне, не умея толком объяснить природу своего негодования, просто привлекли своим маленьким «бунтом» внимание Энгельгардта к проблеме. А словами ему эту проблему после объяснил тоже своего рода «умственный» мужик Степан: нельзя, мол, здесь «по-петербургски» да «по-немецки» (т. е. за деньги), а нужно «из чести» (т. е. из взаимного уважения — как исстари повелось). *Энгельгардт А.Н.* (1987). Из деревни. 12 писем 1872–1887. М. С. 97–102.

свою судьбу, и вот теперь ее превратностями возвратился на родину «умственным» мужиком.

Отдельно стоит сказать, почему дед Мосей по прозвищу Волк строго заказал своим сыновьям уходить в Москву на заработки. Нелюдимый и задумчивый, он служил у барина лесником, любил лес, буквально «влюбился» в молодую веселую барскую березовую рощу и умолил барина не продавать ее (пошел такой слух), а отпустить его «на сторону», с тем, что по возвращении он купит рощу. Вернулся через пять лет, купил, очень любопытно урегулировал с родной деревней Дергачи, расположившейся по соседству, поземельные отношения и отправился со всем своим семейством жить на новое место. Благодарные односельчане в порядке традиционной помощи разобрали и перевезли туда Мосеев дом и другие постройки. Это ли не образ крестьянина-романтика? Дергачевцы уважали Волка за «идею», за то упорство, с которым он ее воплощал, сумев приобрести у барина не только рощу, но и прилежащие земли. Однако в деревне ожидали, что, вернувшись из отхода с деньгами, он, по крайней мере, старшего из сыновей направит по своим стопам, а он коротко откомментировал свой жесткий запрет: «Греха много!» (с. 8).

Мосеев выселок зажил своей жизнью. Зная, что у Волков не столь остра проблема малоземелья, оборотистый староста дергачевской общины потихоньку пристраивал туда на житье некоторых общинников, которые по тем или иным причинам были миру в тягость. И они вписывались в эту, в общем-то, обустроенную жизнь, лишь укрепляя ее традиционные крестьянские устои. Образовался настоящий поселок — вполне благополучный. Деревенские прозвали его Волчьим поселком. Сюда-то и прибыл после своих московских приключений (которые, кстати, очень интересно описываются в части II романа — «Внук», с. 135–232) набравшийся ума Петр и из самых лучших намерений обрек это крестьянское Эльдorado на скорую гибель.

Вот эта картина гибели (едва ли не в одночасье) идиллического Волчьего поселка — большая творческая удача писателя. Ему пришлось сплести в тугой узел целый ряд обстоятельств и факторов, чтобы читатель получил убедительное свидетельство того, чем в конечном итоге оборачивается вторжение денежных расчетов и формально-юридических регламентаций в традиционные поземельные отношения. Свидетельство убедительное и достоверное, читая, веришь: при подобном стечении жизненных обстоятельств ничего иного и быть не могло. А было так. Добродушный барин допустил какие-то неточности при оформлении сделки с Мосеем на прилежащую к роще землю. Барыня через тяжбу задумывает отыграть все назад. Об этом узнает «поумневший» в Москве Петр и замышляет свою коммерческую комбинацию, цель которой — ошастливить поселковую родню, имевшую по своей крестьянской наивности (недоумию) слабые перспективы отсудить у барыни свое

право. Но не только это. Есть у Петра и своя мечта/«идея». Будучи от природы весьма сметливым и обучаемым, хочет он всеми силами добиться уважительного, а не насмешливо-снисходительного отношения к себе со стороны «умственных», стать одним из них.

Чем не благородный мечтатель-романтик? Только вот способ, каким он решительно движется к осуществлению своей «идеи», отдает цинизмом. Его отец, Вонифатий Мосеич, — большак Волчьего поселка, традиционно обладающий правом принятия всех хозяйственных решений в общине. С первых дней пребывания сына в родном гнезде он проникается гордостью за то, каким умным тот стал, с каким уважением относились к Петру Вонифатьевичу в Москве (по словам прибывшего с ним мутного дельца) важные люди. Умные рассуждения сына действуют на большака завораживающе. «Да теперь скажи мне Петюшка только слово, — говорит он сестре Ульяне, — да я за ним куда хочешь пойду! Потому что это человек на редкость! Ему ото всех уважение, а не то что смешки...» (с. 96).

В отличие от других членов семьи и поселковой общины, Вонифатия ничто не смущает в задумке Петра: наверное, так по уму-то и надо. И он огорошивает собравшихся на сходку поселчан вопросом: «Да чья она такая? а? земля-то? Дедушка-то вон глухой да слепой сидит, а мы, дураки, в благодущии пребываем... А земля-то чья?» И от этого вопроса у Ульяны подогнулись колени и задрожали ноги⁷. А распропагандированный «умственным» сыном Вонифатий добивает собравшихся, сообщив, что Петюшка «нынче за Корявинскую пустошь полтора ста серебром, как едину деньгу, отвалил. ...Потому что он в столице был да знал, что с землей делается, а мы здесь, дураки, сидели да мало видели. Вот чья земля-то! Еще надо попросить умственного человека разузнать, чья у нас земля-то!.. А мы расселись на ней, ровно и впрямь помещики! Да замест того, как умные люди поступают, чтобы дар-то божий за собой закрепить да оборот с ним сделать, мы, по бабьему-то разуму, еще чужаков на нее нагнали. Пора за ум взяться, а коли своего не хватает, так тех, у кого он есть, слушаться! Вот что! Еще большак-то — я!.. Какое распределение сделаю, так и будет! Худо-го не придумую!» (с. 97).

Да, заставил сын недалекого большака-отца поверить, что задумано совсем не худо. И все же, чтобы сделать эту сцену объявления Вонифатием конца прежним порядкам в поселке более достоверной, писатель подчеркивает двойное опьянение большака

7. Именно этому вопросу суждено было стать менее чем через 20 лет по завершении Н.Н. Златовратским романа «Устой» главным вопросом, главным двигателем Русской революции, если исходить из крестьяноведческой концепции сути и смысла этой революции. См. об этом: *Кондрашин В.В.* (2014). Крестьянская революция в России 1902–1922 гг.: научный проект и научная концепция // *Аграрная история XX века: историография и источники.* Самара. С. 341–347.

(иначе бы и половину бы не сказал того, что произнес): от самого-на и от того уважительного отношения, которое днем оказывали его сыну «умственные» люди села Доброе. Да плюс еще сумерки, скрывавшие напряженные лица выслушивавших все это односельчан, которым впервые предстояло ложиться спать не уверенными в завтрашнем дне (с. 98-99). Петр и себя самого все время убеждает, что «идея» отличная; рефреном звучит в его мыслях и скупых фразах, что он хочет/хотел, «чтобы все как лучше» (с. 96, 99, 126, 130, 131). А задумано было вот что. Земли Волчьего поселка, включая и удачно перехваченную у барыни Корявинскую пустошь, необходимо продать, согнать с них «чужаков» и изъять из пользования у дергачевских крестьян, и затем купить по бросовой цене бывшую барскую усадьбу по соседству: «Нынче дар-то божий, земли-то, весьма легко с молотка приобрести...» (с. 81). Там бы семья Волков и основала что-то вроде большой семейной фермы⁸.

Надо ли говорить, что, в отличие от простака Вонифатия, совершенно очарованного тем, насколько его сын «продвинут» в земельном вопросе, Ульяну и двух других ее братьев такой расклад категорически не устраивал? Да и тех сельчан, которые в рассуждениях Петра фигурируют как «чужаки», — разумеется, тоже. Начинается длительная тяжба по разделу имущества, совершенно вымотавшая крестьян морально и материально. И к моменту массовой драки в Дергачах бывшие обитатели Волчьего поселка уже около двух лет живут в этой деревне в статусе бедняков. А родная сестра Петра Луша вместе со своим возлюбленным Иваном Забытым вообще пустились в бега и исчезли со страниц повествования.

Деревенская драка произвела на Ульяну особо тягостное впечатление. Эту свою героиню Златовратский наделяет каким-то особенно тонким устройством души, что, собственно, он и называет крестьянской романтикой. «Ульяна Мосевна, — пишет он, — была «благомысленная» женщина деревенского мира, старого закала, воспринявшая в свою душу все то чистое, любовное, мирное, устойчивое, что только выработал народный романтизм в суровую пору своей жизни...» (с. 257). Прилагательным «благомысленные» дергачевцы награждают тех своих односельчан, которых отличает не столько приверженность внешней атрибутике православной веры, сколько благородство и справедливость в повседневных делах и поступках, самоотверженная готовность помочь ближнему. Ульяна из таких; ее образ помогает писателю лучше донести до нас самую суть дедовских устоев и того, что происходит с ними во время описываемых событий.

Ульяну буквально убивает та неприязнь и даже ненависть отдельных дергачевцев, которая выплеснулась на улицу с дракой.

8. И опять трудно удержаться от аналогии. Ведь нечто подобное — только во всероссийском масштабе — задумал в ноябре 1906 г. другой Петр, Столыпин. И тоже хотел как лучше. А получилось, как у Петра из Волков. Да и реакция крестьянского мира в общем и целом была аналогичной.

Она убеждена: прежде такого не было. Один из ее братьев, деревенский силач и добряк, любивший когда-то возиться с маленьким племянником Петюшкой и покупавший ему пряники, по окончании затейной Петром тяжбы бросается на него с криком: «Убью!», едва оттащили. И теперь в разгар уличного побоища кое-кто «заботливо» подбрасывает ему информацию, что Петр приехал в гости к местному кулаку Пиману, и этот простодушный сельский Геркулес, сопровождаемый некоторыми односельчанами, прорывается к кулацким воротам, провозглашая, что «убьет» и «передушит» всех кого ни попадя.

Крестьянский консерватизм хрестоматиен. Даже и сама крестьянская революция, по определению, направлена на консервацию прежних дедовских устоев, против всего того, что эти устои разрушает⁹. Волею автора романа обитатели Волчьего поселка на полтора десятилетия выпадают из повседневной жизни родных Дергачей, поддерживая там у себя прежние порядки, стараясь жить «по старой правде». Но как раз в это-то время во внешнем мире набирает силу «новая правда», и бывшие поселчане по-разному приспосабливаются к этой непривычной ситуации. Вонифатия в основном устраивает сытая беззаботная жизнь в почти барской усадьбе, которую все же отгрохал себе сын. Хотя и в этом случае ощущается какой-то внутренний дискомфорт и глубоко запрятанное сомнение в справедливости происходящего. Двое других братьев Ульяны категорически отказываются принимать эту новизну.

Сама же «благомысленная» женщина в силу своей романтической природы стремится примирить в душе старое и новое, что у нее не очень получается. К примеру, она прекрасно видит, что любимый племянник Петр действовал из самых лучших побуждений, и ей хочется хоть как-нибудь оправдать его в глазах своих младших братьев, но это невозможно. Она остро нуждается в чьем-то совете-наставлении, как теперь жить, зачем она, сразу после того как стихла драка, и отправляется к другому дергачевскому правдоискателю — близкому ей по духу Мину Афанасьичу. Ульяна выговаривается перед старым приятелем, интуитивно чувствуя: уж он-то найдет способ облегчить ее смятенную душу. Лейтмотив ее взволнованного монолога: прежде была одна правда, и определить ее можно было через суд по обычаю, а теперь не то.

«Вот хоть бы суд взять, — рассуждает она... — В суде, говорят, правды мало, а все скажу: в мирском суде, по старине, все старики умели правду найти, потому знали правого, знали и виновного... Бывало, что ни случись: у мужа ли с женой, у отца ли с сыном, у соседа ли с соседом, — все рассудят, греха на совесть не беря, потому грехи-то были для всех видимые, прямые; дела-то были про-

9. Такое определение действий крестьянина как политика и революционера см., например, в: *Hobsbawm E.J.* (1973). *Peasants and Politics // The Journal of Peasant Studies*. October. Vol. 1. № 1. P. 3-22.

стые. А нынче... Вот виделась я с Иваном Федотычем из Доброго. Уж то ли не благомысленный был старик, строгих правил, сколько лет в судьях ходил, а теперь ушел... “Что так, спрашиваю, Иван Федотыч?” — “Нет, говорит, не могу”. — “Отчего так?” — “А оттого, говорит, что по двум правдам судить нельзя”. — “Как же так по двум правдам?” — “А так, говорит, теперь зайти ты к нам в суд и увидишь: станут перед тобой либо две неправды, либо две правды. Как их рассудишь? Пока ты руками разводишь, а негодный человек этому и рад. «Какая, говорит, у вас теперь правда? *Вашей правды уж теперь нет*: делай, коли так, по закону, а не по правде... Эй, писарь, какой такой есть закон? Есть закон, чтобы мне правого дожать?» — «Есть, говорит, по закону ты прав...» — «Ну так, говорит, с тем вы, старички, и останетесь...» Так вот оно как!» (с. 374).

Второй центральный персонаж главы под названием «Романтики» (с. 351-378) Мин Афанасьич воплощает существенно иной по сравнению с Ульяной тип крестьянина-правдоискателя. Для последней дедовские устои — что-то вроде догмы, которой наступившая жизнь все время устраивает жесткие проверки, причем с переменным успехом. Для Мина «старая правда» — руководство к действию, он умеет применять ее творчески в многообразии житейских обстоятельств. И как бы ни относились другие дергачевцы к старому весельчаку, чаще всего в его публичных выступлениях и спорах (а он любит покрасоваться на публике) они видят и чувствуют: опять за Мином правда. Местный кулак, хозяйственный и немногословный Пиман Савельич у него в лучших и закадычных друзьях, и мы не слишком удивлены этому обстоятельству, вспоминая, что нечто подобное уже приходилось читать у Тургенева про Хоря и Калиныча. Эти такие разные мужики даже поклялись друг другу породниться, поженив Минова сына на красавице-дочке Пимана.

Вот к какому человеку пришла Ульяна в поиске душевного успокоения — и не напрасно. Мин начал было излагать в своей неунывающей манере обстоятельства возникновения уличного побоища. Вот-вот дойдет он до причинно-следственных связей — тогда, глядишь, и эта деревенская передряга найдет какое-никакое объяснение в канонах «старой правды». Но вдруг он осекся, вспомнив кое-что, как раз связанное с будущей женитьбой сына, и понял: на этот раз ему, похоже, нечем успокоить свою собеседницу. Ему очень хотелось это сделать, но сфальшивить он не мог — она бы мгновенно услышала фальшь. Возникшую напряженную паузу внезапно прерывает привычная добродушно-лукавая и вызывающая улыбка Мина: «Хочу вот богу сходить помолиться!» И Ульяна понимает: скоро он уйдет из Дергачей, как не раз уходил и прежде, и, возможно, принесет из этого своего отхода новую вариацию на тему «старой правды». И ей вдруг становится легче, веселее...

Блестящим и по задумке, и по исполнению является эпилог романа (с. 485–528). Это письма девушки Лизы из обедневшей дво-

рянской семьи, у которой когда-то Петр в Москве снял комнатку на некоторое время. Этого времени ему хватило, чтобы глубоко разочароваться в образованных людях и понять: это совсем не та «умственность», к которой ему следует стремиться. Лиза стала учительницей в волостном центре той самой местности, в которой и разворачивались основные события романа. Она пишет своему старшему другу и наставнику по фамилии Пугаев, к которому, очевидно, когда-то испытывала романтическое чувство. Да и как не влюбиться, если у него есть своя «идея»? Он — народник, он убежден, что любит и знает народ, знает, что следует делать для достижения народного счастья. И сам убежден, и студенческую молодежь умеет в этом убедить. Письма Лизы он называет «историей нашей деревни» (с. 500). Сам же опасается ехать в деревню надолго; его пугает, что такие стройные и логичные идейно-теоретические выкладки могут пострадать от столкновения с грубой крестьянской реальностью.

Однако именно это и происходит в письмах Лизы. Она, например, показывает, в какую интересную фигуру реальной (не придуманной) сельской жизни превратился Петр — «тот “юный сын народа”, тот “интеллигентный парень”, тот “любопытный экземпляр”, которым мы так беззаветно “играли” во время оно, которого учили и дрессировали...» (с. 498). Судьбы основных героев романа так лихо закручиваются в этих письмах, что никакие народнические или либеральные социальные теории вместить это просто не в состоянии. Тот же Петр, например, используя свои новые возможности, опять затевает нечто, очень напоминающее столыпинскую аграрную реформу — только теперь уже в волостном масштабе. И последствия приблизительно таковы, какими они известны нам по истории аграрных отношений в России в первые десятилетия XX века (с. 523).

Смертельная болезнь дает Лизе душевную силу задать себе вопрос, который порождали пугаевские народнические воззрения и который прежде казался ей страшным. Мысленно обращаясь к той галерее крестьянских портретов, что набросала она в своих письмах, Лиза спрашивает себя: «Есть ли из них хоть одно существо, с которым бы я могла слиться как единое, нераздельное целое, без насилия над ним и над собой, с полным взаимным удовлетворением нравственных и умственных потребностей?» Сердце рвет лежащий на поверхности ответ: «Ни одного нет!» (с. 521–522). Но вспомнив Мина Афанасьича и его сына Яню — такого же беззаветного романтика, как и отец, она с облегчением понимает, что ответ этот недостаточно глубокий, не вполне верный, что в каждом из ее новых деревенских знакомцев есть что-то от Мина, от Яни...

Вывод, к которому Лиза приходит на основе своего личного опыта крестьяноведения, звучит как духовное завещание самого Златовратского, написанное еще в 1883 году последующим поколениям соотечественников: «Мне кажется, что исчезни из народа

это, что так целостно воплотилось в Яне и отце его Мине, бес- сильна будет оживить его и “земля”, ибо власть ее обратится тогда в страшную, могильную власть животного, хотя бы и мирного, про- зябания... и, наконец, самая власть “ума”, власть интеллигенции превратится в сухое, вялое доктринерство или умственный деспо- тизм... И только одно *это*...

А что такое *это* — я не знаю, дорогой Пугаев, не знаю до сих пор, но я верю в *это*, мало того, я чувствую его... всем существом своим. Значит, *оно* реально... Что из того, что я теперь не могу определить *это*? Это даже лучше: значит, *оно* так глубоко...» (с. 527).

В.В. Бабашкин
Крестьянин как
романтик

Peasant as a romantic

Vladimir Babashkin, professor Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, prospect Vernadskogo, 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru.

Путеводитель по постсоветской аграрной реформе в России: объективное и субъективное измерение сельской жизни

Рецензия на книги: Узун В.Я., Шагайда Н.И. Аграрная реформа в постсоветской России: механизмы и результаты. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. — 352 с.; Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. — 368 с.

И.В. Троцук

Ирина Владимировна Троцук, доктор социологических наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119571, Москва, просп. Вернадского, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-3-162-190

Безынициативность, апатия,
отсутствие желания и воли к лучшему... —
не причина, а следствие бедственного положения крестьян.
«Смыслы сельской жизни» (с. 306)

Как ни странно, но литературные метафоры-клише «Что делать?» и «Кто виноват?» стали расхожей моделью аргументации не только в повседневных российских разговорах — аналогичные вопросы нередко встроены в публицистические и научные тексты и добавляют им легко считываемую идеологически-дискурсивную тональность (антирыночную, пролиберальную или иную). Как правило, эта оценочность особенно сильна в (гео)политических текстах, но в целом дисциплинарно нечувствительна и может стать принципиальной авторской позицией в экономических и прочих работах. Особенно убедительна подобная тональность, когда речь идет о реалиях, не составляющих сферу обыденного знания читательской аудитории. Видимо, сельское хозяйство в нашем урбанизированном мире формирует именно ту область значений, в отношении которой средства массовой информации легко породить массу мифологем как позитивного (поэтические образы спокойной деревенской жизни на лоне

природы), так и негативного плана (депрессивные опустевшие районы, покосившиеся хибары, где живут лишь пьяницы и одинокие старики), манипулируя достаточно объективными данными (акцентируя одни и замалчивая другие). Так, нередко в упрек когорте постсоветских реформаторов ставится развал сельского хозяйства страны, что несколько противоречит нынешним победным реляциям российского руководства об обеспечении национальной безопасности в сфере продовольственного самообеспечения.

Парадоксальность оценок постсоветского аграрного развития заставляет обратиться к двум недавно вышедшим книгам, каждая из которых ставит перед собой задачу максимально беспристрастно исследования хода и результатов российской аграрной реформы, хотя решается эта задача в принципиально разных, но взаимодополняющих перспективах: (историко-)экономической и (междисциплинарно-)социологической. Книга В.Я. Узуна и Н.И. Шагайды «Аграрная реформа в постсоветской России» «систематизирует предпосылки проведения аграрной реформы... обобщает теорию и практику ее осуществления, формулирует уроки реформы и вызовы, которые стоят перед обществом в настоящее время в области перестройки сельского хозяйства» (с. 4). Коллективная монография «Смыслы сельской жизни» описывает «жизненный мир жителей современной российской деревни на базе всероссийских исследований 2012–2016 годов», рассматривая в качестве структурных компонентов жизненного мира «общественное (групповое) сознание, поведение (деятельность) и объективные условия» и «раскрывая богатую палитру смыслов общественной (публичной) и личной (приватной) жизни» (с. 2). Поскольку обе работы предельно насыщены статистическими и прочими данными, ниже представлен своеобразный справочник для читателя, ориентирующий его в том, какую информацию он найдет в книгах, каких оценок придерживаются их авторы, какие моменты могут вызвать у него сомнения или непонимание. В этом кратком (на фоне содержательной насыщенности двух текстов) справочнике не приводятся статистические выкладки, в огромном количестве представленные в книгах, чтобы у читателя не сложилось превратного представления об их первостепенном (по сравнению с аналитической частью) значении.

Итак, в первой книге четко, последовательно, с опорой на статистические данные рассмотрены предпосылки аграрной реформы (первый раздел), разработка ее концепции (второй раздел), ход реформы (третий раздел) и ее результаты (четвертый раздел). Под аграрной реформой авторы понимают «совокупность законодательных и организационных механизмов, созданных для коренного изменения систем землевладения и землепользования, форм организации сельскохозяйственного производства, взаимоотношений государства с сельхозпроизводителями... и элементами продовольственной цепочки» (с. 8). Столь широкое определение аграрной реформы позволяет рассматривать в качестве таковой целые

комплексы мероприятий по перестройке сельского хозяйства (и/или сельской жизни) в течение длительных исторических периодов, в частности в России это столыпинская реформа (1906–1914), «направленная на передачу общинных, казенных и помещичьих земель в собственность крестьян, землеустройство и ликвидацию чересполосицы, переселение крестьян из густонаселенных европейских районов на свободные земли», и ельцинская реформа (1990–1996) «по приватизации сельскохозяйственных земель, реорганизации колхозов и совхозов, формированию крестьянских (фермерских) хозяйств, развитию личных подсобных хозяйств, переходу к рыночным методам государственного регулирования аграрного сектора» (с. 8). Главная характеристика аграрной реформы — ее эффективность, или соотношение «положительных и отрицательных экономических и социальных последствий», которое оценивается через «динамику показателей использования и отдачи ресурсов» (с. 10).

Видимо, понимая сложность книги для не вполне подготовленного читателя (хотя она, несомненно, адресована самой широкой аудитории, потому что каждому полезно понимать происходящее в своей стране в настоящем и прошлом), авторы предварили ее основное содержание Введением, обосновывающим необходимость и логику объективного анализа «итогов очередного этапа исторического развития России» (авторы мыслят широкими категориями) и причин того, почему далеко не все мечты и надежды начала 1990-х годов оправдались, несмотря на грандиозную смену «аграрного строя». Масштабность и многогранность реформы обусловила ее неоднозначное восприятие в России и за рубежом, причем в обоих случаях, как правило, критикуется приватизация — внутри страны как приведшая к сокращению объемов производства и импорта и увеличению заброшенных сельхозугодий и числа вымерших деревень; за ее пределами — как не обеспечившая появления сильного сельхозпроизводителя-хозяина и модернизацию сельского хозяйства, а сохранившая прежние и породившая новые крупные сельхозпредприятия. Не отрицая обоснованности критики аграрной реформы, авторы подчеркивают, что необходим ее комплексный анализ: он до сих пор не был проведен, а многие важные компоненты реформы забываются, в частности, что «на протяжении десятков лет дореформенного периода научные работники, руководители хозяйств обосновывали необходимость изменения взаимоотношений государства и сельхозпроизводителей, системы организации производства, пробовали разные системы стимулирования работников... опыт реформирования в сельском хозяйстве накапливался еще в рамках советской системы» (с. 12).

Введение сразу предупреждает читателя и о такой особенности книги, как максимально безоценочная констатация происходящего, отсутствие попыток его идеологизации. Так, по мнению авторов, многие проблемы аграрной реформы объясняются тем, что ее механизмы создавались в ходе ее реализации, без предварительной раз-

работки и просчета рисков: скажем, разрешение оборота земельных долей оказалось не обеспечено документацией государственного образца, подтверждающей право собственности на доли. Другая особенность книги — сопоставление российских реалий с аналогичными ситуациями, например, в бывшей ГДР, где к моменту объединения ФРГ были разработаны подробные многостраничные нормативные акты по адаптации сельского хозяйства восточных земель к рыночным условиям, предусмотрены вливания бюджетных средств и стимулирование инвестиций — все, чего не было в России. Причем в нашей стране отсутствовали не только важные институциональные условия реформирования, но и постоянный мониторинг институциональных ловушек в целях оперативного реагирования на негативные вызовы.

Главной предпосылкой аграрной реформы в начале 1990-х годов авторы считают реформирование всей экономики, «и сельское хозяйство не могло быть исключением... Экономисты-аграрники тратили годы на критику проводимых преобразований, но не предлагали путей адаптации системы сельского хозяйства к новым условиям. Традиционные предложения правительству на протяжении почти десятилетия после начала реформ... не имели экономической базы и не могли быть реализованы в принципе» (с. 17). «Советская система хозяйствования не была и не могла быть совершенной», потому что в условиях плановой экономики «размещение и развитие производства не оценивали с позиции возможности ведения прибыльной деятельности», что порождало хронический дефицит, невзирая на рост производства и импорта (с. 17). Дефицит был проблемой не советского общества, а социалистической экономики, но в 1980-е годы дефицит продовольствия обострился вследствие роста доходов (городского) населения относительно роста производства.

Дефицит имел искусственный характер, его порождало сдерживание государством розничных цен (были в несколько раз меньше издержек на производство) — отсюда разрыв цен в магазинах и на рынках, введение продовольственных талонов, карточек и заказов по месту работы. Государство десятилетиями контролировало уровень цен в магазинах, опасаясь протестных выступлений, хотя себестоимость производства росла и цены производителей были выше цен в магазинах. «Разрыв между закупочной ценой в колхозах, совхозах и ценами в государственных магазинах покрывали за счет доходов от продажи на внешних рынках, рос импорт зерна... экономика Советского Союза... оказалась глубоко интегрированной в систему международной торговли, стала зависеть от конъюнктуры мировых рынков» (с. 24). Когда доходы от продажи нефти вследствие падения цен на мировых рынках снизились, государство не смогло компенсировать дотациями разницу между ценами сельхозпроизводителей и розничными регулируемым ценам (причем низкие цены обеспечивались только в городах, а сельские жители были вынуждены покупать продукты по более высоким ценам, производить их в своих хозяйствах или ехать за ними

в города). «Установленные государством закупочные цены на продовольствие не удовлетворяли сельхозпроизводителей... Они уже не опасались репрессий (их риск был минимальным), поэтому всеми способами стремились не продавать продукцию государству» (с. 38).

Второй предпосылкой аграрной реформы авторы называют общее состояние сельского хозяйства. «При советской власти замедление темпов его развития и низкую эффективность очень часто объясняли субъективными, волюнтаристскими, ошибочными действиями руководителей страны или исполнителей, однако проблемы... были закономерным результатом проводившейся аграрной политики. Ошибочными были основные ее постулаты: государственная продовольственная монополия (лишь незначительная часть продовольствия поступала в потребительскую кооперацию и на колхозный рынок); административное, внеэкономическое принуждение к производству и реализации продукции по директивным ценам (плановые задания для республик, областей, районов и хозяйств); слабые бюджетные ограничения (существовали планово-убыточные хозяйства, долги колхозов и совхозов списывались, компенсировались субсидиями; безвозмездное финансирование сводило на нет действие экономических стимулов, порождало всеобщую уравниловку, хозрасчет наоборот, бесхозяйственность и иждивенчество); лишение сельхозпроизводителей права иметь землю в собственности, запрет на перераспределение земли между сельхозпроизводителями на иных, кроме административных, решениях (колхозы и совхозы стремились списать с себя сельскохозяйственные земли, чтобы уменьшить плановые задания по реализации продукции; земля оказалась без цены и стоимости, ее нельзя было обменять, купить или сдать в аренду); внеэкономические принципы выбора форм организации производства (государственная собственность считалась наиболее эффективной, поэтому доля государственного сектора постоянно росла); слабые стимулы повышения эффективности производства» (с. 27–28).

Третьей предпосылкой аграрной реформы (вернее, аграрного кризиса, предопределившего ее необходимость) стали неудачные попытки решить проблемы сельского хозяйства и продовольственного снабжения. Дело было не только в неправильности принимаемых решений, но и в том, что критиковались лишь отдельные положения аграрной политики, которая оставалась неизменной с начала 1930-х годов. Кроме того, неоднократные попытки внести в нее изменения (в 1953 году была признана ошибочность чрезмерной централизации планирования и управления колхозами, в 1980-е годы был введен коллективный подряд и т. д.) были лишь реорганизациями, а не полноценной реформой. Причем каждая реорганизация лишь подкрепляла основную идею советской аграрной политики — обобществление производства. На протяжении всей советской истории «перемены во внутриколхозной и внутрисовхозной организации труда... практически не выходили за пределы форм ор-

ганизаций, возникших еще в начале 1930-х годов... Проводившиеся реорганизации не только не ликвидировали причины аграрного кризиса в стране, но и, наоборот, все более их обостряли» (с. 34–35). «В социалистической системе отсутствовала легитимная, признаваемая и народом, и властью процедура обеспечения баланса спроса и предложения» (с. 37).

Основной ошибкой правительства к началу 1990-х годов стало сохранение регулируемых цен на хлеб и ряд других продуктов, а сдерживание розничных цен обусловило необходимость сдерживания и закупочных цен, что повлекло отказ сельхозпроизводителей продавать государству свою продукцию, особенно после перехода к рыночным ценам в 1992 году. Правительство избрало репрессивную политику, закупая продовольствие за рубежом и продавая его на внутреннем рынке по низким ценам, компенсируя разницу из бюджета: страны Европы поддерживали внутренние цены для своего производителя и продавали импортное продовольствие в 1,5–2 раза дороже мировых цен, а российское руководство вытесняло национального производителя со своего же рынка несправедливыми закупочными ценами.

Следует подчеркнуть, что в первом разделе книги проявляется еще одна ее отличительная черта — поразительная наглядность: все утверждения авторов обоснованы статистическими данными и собственными расчетами. В том случае, если какие-то явления не были отражены в официальной информации, авторы прибегают к вспомогательным источникам, например, к опубликованным воспоминаниям очевидцев о том, как люди в позднесоветский период ездили за дешевыми продуктами в Москву из населенных пунктов, расположенных в радиусе 400–500 км вокруг столицы, потому что правительство пыталось создавать видимость изобилия, насыщая продуктами магазины в отдельных городах (возник термин «колбасная электричка»). Авторы не ограничиваются отстраненно-лаконичными цифрами и сухими историческими фактами, а очень образно характеризуют ситуацию в стране: «как в калейдоскопе, чуть ли не каждый год менялись модные формы организации производства»; «стало ясно, что коллективный подряд не является панацеей от наших бед» и т. д.

Второй раздел книги — самый короткий, здесь обозначены цели и принципы аграрной реформы, охарактеризована логика ее институционализации. Впервые цели реформы были изложены в ее Программе на 1994–1995 годы (с. 45–46): «формирование многоукладной экономики на основе приватизации земли и реорганизации колхозов и совхозов; переход от директивно-плановых отношений к рыночным (ориентация на спрос, предложение, рыночные цены и оценку эффективности бизнеса, введение процедуры банкротства); монополизация продовольственного снабжения с передачей этой функции агропромышленному бизнесу и сохранением за государством функции по выработке стандартов, контролю качества продоволь-

ствия, созданию резервов; переход от государственного управления сельским хозяйством к его экономическому регулированию; передача объектов социальной сферы и инженерной инфраструктуры от сельхозпроизводителей органам муниципальной власти путем освобождения сельскохозяйственных организаций от обязательств по финансированию строительства и содержания этих объектов».

Решались эти задачи на основе разных принципов: общеэкономические изменения (отказ от директивного планирования и государственных цен) были введены методом шоковой терапии (одномоментным решением федеральных властей), что разрушило советскую систему реализации продукции и поставок ресурсов и повлекло резкое падение производства и банкротства. Остальные задачи (приватизация земли и реорганизация сельхозпредприятий) решались с учетом интересов крестьян, на принципах добровольности (каждое хозяйство могло самостоятельно проводить приватизацию земли и имущества или оставить их в государственной собственности, сохранить прежнюю организационно-правовую форму или выбрать новую), социальной справедливости (учет интересов основных социальных групп на селе), бесплатности (передачи земли в пределах установленных норм, допускалась покупка земли сверх предельных размеров), эволюционности (не немедленный роспуск колхозов и совхозов, а постепенные преобразования по мере появления желающих выделиться из общего хозяйства) и мотивации экономической эффективности (формирование конкурентоспособных благодаря возможностям накопления и появления собственника земли и эффективного хозяйственника).

Безусловно, масштабная реформа не могла не вызвать споры на этапе формирования ее общей стратегии. Они касались выбора собственника земли — юридических лиц (коллективная собственность сельхозпредприятий) или граждан (владельцы земельных паев), а также права на получение земли в ходе приватизации: возвращение земли прежним собственникам (восточноевропейская реституция была отвергнута в России по технической причине отсутствия документов о собственности до коллективизации), раздел земли между семьями пропорционально числу членов семьи или работников (китайский путь был неприемлем для России, так как привел бы к разрушению объектов инфраструктуры, животноводческих ферм и т. д.) или раздел земли на доли (российский вариант предоставления каждому собственнику права самостоятельно распоряжаться своей земельной долей позволил сохранить прежние хозяйства полностью или частично и избежать чересполосицы).

Эти споры были решены в ограниченный отрезок времени, практически в ходе реформы: быстрая эволюция наиболее значимых законодательных и нормативных актов аграрной реформы отражена авторами в таблице, где приведен перечень и содержание этих актов с 1990 года до 2010-х годов. «Отказ от принятия специального закона об аграрной реформе впоследствии стал основанием для много-

численных обвинений, что реформа... не имела законодательного закрепления», но авторы с этим категорически не согласны: их анализ законодательных и нормативных актов, наоборот, доказывает «попытку осуществить последовательные действия» (с. 52). Проблему они видят в другом: «все денежные обещания государства, как правило, оставались на уровне декларации... тексты указов президента и постановлений правительства свидетельствуют о наличии серьезного сопротивления реформе на местах... Многое, что было отражено в документах, сделано на практике, но часть достижений потеряна, многие обещания и намерения не выполнены (отсутствует орган управления земельными ресурсами, не закончено разграничение государственной собственности, большинство организаций имеют уставные документы с большими погрешностями, высоки транзакционные издержки оформления договоров, система кадастрового учета не адаптирована для учета многоконтурных участков и др.)» (с. 54–56). Кроме того, «аграрная реформа проводилась фактически без информационной работы среди руководителей и работников сельскохозяйственных организаций, без финансовой поддержки, в условиях чудовищной инфляции, непоследовательно и с перекосами. Постепенно реформирование как процесс сознательного преобразования аграрной сферы перестал быть приоритетом государства» (с. 57).

Далее в разделе рассмотрен опыт выявления институциональных ловушек в 1993–1995 годах в Нижегородской области, который позволил разработать «нижегородскую модель» — методику приватизации земли и реорганизации сельхозпредприятий, состоящую из такой последовательности шагов: формирование пакета документов для выдачи свидетельств на земельные доли и имущественные паи; проведение информационной кампании; выявление лидеров, создание новых и расширение действующих предприятий и хозяйств; заключение договоров между предпринимателями и собственниками земельных долей и имущественных паев; составление заявки на получение земли и имущества; внутрихозяйственный аукцион по распределению земли и имущества; передача земли, имущества и долгов (включая обмен ими между участниками аукциона по взаимному согласию). Хотя по итогам нижегородского проекта были приняты постановления правительства и разработано пособие Министерства сельского хозяйства, лишь отдельные его элементы получили в дальнейшем массовое распространение, а основная часть хозяйств не привела свои земельные и имущественные отношения в соответствие с новым законодательством, что впоследствии стало причиной многочисленных нарушений прав собственников земельных долей и имущественных паев, незаконного присвоения земли и имущества, судебных тяжб, банкротств и т. д.

В третьем разделе рассмотрен ход реформы по базовым для нее направлениям. Во-первых, это реформирование земельных отношений посредством следующей технологии приватизации: решения коллективов реорганизуемых колхозов и совхозов; формиро-

вание районного фонда перераспределения земель; установление форматов и норм платной и бесплатной передачи участков в собственности; понимание причин проблем в управлении общей собственностью и разделе участков. Авторы не согласны с критиками принятой в России технологии приватизации, согласно которой «под особый объект, созданный в ходе приватизации в сельхозпредприятиях, создавались особые механизмы»: такой подход имел серьезные преимущества перед другим вариантом приватизации, когда каждый собственник получал индивидуальный участок, — быстрое проведение, отсутствие конфликтов по причине равенства долей и одинаковости участков в баллогектарах, возможность консолидации участков (с. 73). Впрочем, и минусы российской приватизации земли для авторов очевидны: затрудненный оборот участков в общей собственности коллективов, неизбежные конфликты при разделе участка в долевой собственности, проблемы применения унифицированных механизмов для особых участков в долевой собственности и т. д. К этому списку по мере развития рынка земельных долей и участков добавились низкая квалификация чиновников, породившая многочисленные ошибки в правоустанавливающих документах на землю (не было предусмотрено стандартных формулировок решений), затягивание рядом регионов процесса перераспределения земель или его теневой характер, что увеличивает коррупционную составляющую земельного оборота и его транзакционные издержки, причем многие из этих проблем «остаются на периферии научной и политической дискуссии» (с. 76).

Во-вторых, в ходе реформы была осуществлена реорганизация колхозов и совхозов: через эту процедуру должны были пройти все сельхозпредприятия, но ее тактики различались в зависимости от роли организации в производстве, долгов и государственных инвестиций в имущественный комплекс. Различие тактик объяснялось прежде всего тем, что процедура реорганизации была разработана условно и дорабатывалась по мере применения, что породило множество проблем: районные власти и руководители хозяйств не всегда разделяли взгляды руководства страны и противодействовали реорганизации по спущенному сверху формату; низкий правовой уровень участников реорганизации привел к принятию противоречивых учредительных документов; низкая бюджетная обеспеченность районных и местных администраций заставляла их затягивать передачу объектов социальной сферы на их балансы; отсутствовали механизмы бесконфликтного раздела имущества и земли и др. Причем объективные проблемы накладывались на устойчивые российские стереотипы, например, что для коллективистского менталитета россиян наиболее приемлемы производственные кооперативы, хотя мировая практика подтверждает их низкую конкурентоспособность, слабый мотивационный механизм и неустойчивость (почти нигде в мире производственные кооперативы не могут выжить без субсидий и заказов государства).

Также сдерживали ход аграрной реформы и общеэкономические ограничения: административное противодействие районных властей, которые сводили реорганизацию хозяйств к смене «вывески»; тяжелая экономическая ситуация — прекращение государственной поддержки сельского хозяйства, высокие темпы инфляции (увеличивали долги сельхозпредприятий); отсутствие инвестиций по причине низкой доходности сельхозбизнеса; административное ограничение процедур банкротства (на селе не было иных работодателей, кроме предприятий-банкротов).

В-третьих, в ходе реформы радикально изменилась система государственного управления сельским хозяйством. В дореформенный период «все планы, цены, нормативы разрабатывались в высших органах власти, затем разверстывали по иерархическим уровням управления вплоть до отдельных сельских администраций и хозяйств в виде контрольных цифр... Их осуществление... обеспечивалось благодаря партийно-государственным органам управления сельским хозяйством, а также системе планирования, материально-технического снабжения, заготовок, оказания услуг и т. д. ... Функционирование такой системы было обеспечено через разные механизмы принуждения, устрашения, стимулирования, требовало мощного партийно-хозяйственного аппарата» (с. 87–88). Переход к рыночным ценам в 1992 году разрушил всю систему централизованного управления сельским хозяйством и функционирование всех ее элементов. Авторы с сожалением констатируют, что Россия не пошла по китайскому пути, который включал в себя первоначальное, постепенное и последовательное (реализация всех мер по переходу к рынку и в изначально задуманных объемах) реформирование сельского хозяйства, чтобы удовлетворить внутренние потребности в продовольствии, а лишь затем перевод на рыночные рельсы всех прочих отраслей экономики.

С переходом к рыночной экономике кардинально поменялась вся система управления сельским хозяйством: органы управления сосредоточились на мониторинге ситуации, экономических методах управления и обосновании необходимости и объемов субсидий из бюджета; дореформенное регулярное списание долгов было заменено на крупномасштабные реструктуризации (отсрочка, рассрочка, прекращение начисления пеней и штрафов), централизованное кредитование и ссуды — на товарное кредитование; компенсация части процентной ставки по кредитам и система сельхозкооперации стали основными способами поддержки сельхозпроизводителей. По мнению авторов, нынешняя система поддержки сельского хозяйства обладает целым рядом недостатков: отсутствуют гарантии ее получения (статьи расходов могут меняться, необходимо софинансирование и пр.), схема принятия решений о размере поддержки затягивает ее сроки, отсутствует механизм контроля расходов государственными органами, в федеральном бюджете может не ока-

заться достаточных средств, отсутствует механизм государственного регулирования цен на сельскохозяйственную продукцию (с. 98).

Завершает третий раздел обзор критических оценок реформы, которые сводятся к «неудовлетворенности ее результатами на всех этапах преобразований» (с. 99). Авторы считают «достаточно предметными» большинство замечаний в адрес реформы: о бездумной и деструктивной политике приватизации (враждебное отношение к действующим формам сельскохозяйственного производства вело к их ускоренной ликвидации без предоставления земли или с ее передачей тем, кто не собирался ее обрабатывать); о непродуманной технологии реорганизации сельхозпредприятий посредством дезинтеграции и дробления производства и пр. Но они категорически не приемлют «оголтелую идеологическую риторику» и отказ учитывать политический и экономический контекст начала реформы: «все подходы к формированию перечня получателей бесплатной земли в ходе приватизации имеют существенные недостатки, а принципы выбора наиболее достойных... создают почву для злоупотреблений», однако «с позиции институциональной экономики не важно, как произошло распределение ресурса, важно... что приватизация в пользу широкого круга сельского населения позволила предотвратить социальное напряжение в селе, затруднить быструю концентрацию земли в руках отдельных лиц, дать возможность бедному сельскому населению получить актив, которое оно могло либо использовать само, либо передать за плату другому пользователю (арендатору), собственнику» (с. 106–107).

В обзоре суммирована еще масса критических замечаний в адрес реформы: одни из них авторы признают правильными (о высоких транзакционных издержках выдела участков в счет земельных долей), другие считают несколько сомнительными и требующими дополнительных исследований, третьи — верными лишь отчасти (нормативные документы гарантировали фермерам некие права, но обеспечить их на практике было почти невозможно), четвертые — абсолютно неверными (о недостаточности имущественного пая для организации хозяйства, что реформа якобы не затрагивала несельскохозяйственные предприятия). То, что после оценки обоснованности критических выпадов в адрес реформы представлен сравнительный анализ столыпинской и ельцинской аграрных реформ, видимо, говорит о том, что авторы сочли недостаточным внимание политиков и ученых начала 1990-х годов к этим реформам, их положительным и негативным моментам (грустным сходством трех российских реформ оказалось нежелание государства выполнять свои обещания по поддержке сельхозпроизводителей и села в целом).

Самый объемный, четвертый раздел книги посвящен результатам аграрной реформы и насыщен огромным фактуальным материалом (сводными статистическими данными, сгруппированными по годам), который иллюстрирует и подтверждает выводы авторов. Перечислим кратко наиболее значимые итоги реформы: во-первых, это фор-

мирование многоукладной аграрной экономики, в которой, несмотря на некоторую правовую неопределенность статуса сельхозпроизводителя, существуют три основные группы хозяйств, по которым Росстат собирает информацию, — сельскохозяйственные организации (юридические лица различных организационно-правовых форм, в частности агрохолдинги), крестьянские (фермерские) хозяйства (с образованием или нет юридического лица), включая индивидуальных предпринимателей, и хозяйства населения (личные подсобные и садоводческие, огороднические, дачные); отдельно выделены производственные и потребительские кооперативы.

В наименьшей степени представлены в российском сельском хозяйстве КФХ, потому что получившие земельные доли и имущественные паи сельские семьи предпочитали традиционные ЛПХ или работу по найму на сельхозпредприятиях. Свою роль сыграл и низкий уровень товарности хозяйств населения: их роль «в производстве товарной продукции существенно отличается от их роли в выпуске валовой продукции (продукция ЛПХ идет в основном на питание членов семьи, продаются только излишки)» (с. 152). За годы реформы менялась роль разных категорий хозяйств и в производстве отдельных видов продукции: так, трудоемкие культуры (картофель, овощи) производятся преимущественно в хозяйствах населения, высокомеханизированные культуры (зерновые и технические) — на сельхозпредприятиях и фермерами и т. д. В постреформенный период изменилась роль разных хозяйств и в использовании ресурсов (резко возросла доля сельхозугодий и занятых в семейных хозяйствах). Несмотря на сохраняющееся в обществе предубеждение против фермерских хозяйств как бесперспективных, новая аграрная структура, если рассматривать ее не по критерию организационно-правовых форм, а по размеру хозяйств, окажется состоящей преимущественно из «микро-, малого и среднего предпринимательства... организации, собственниками которых стали сотни бывших работников и пенсионеров бывших колхозов и совхозов, уступают место тем, собственниками которых является ограниченное число лиц» (с. 167).

Авторы развенчивают миф, что российское сельское хозяйство продолжает быть коллективным, полагая, что его живучести способствуют погрешности статистического учета. Впрочем, региональные различия в аграрной структуре сильны, и можно говорить о сосуществовании трех типов регионов: с корпоративной аграрной структурой (доля сельхозпредприятий в производстве агропродукции превышает 50%; самые благоприятные по природным или экономическим условиям регионы — Белгородская, Липецкая, Московская и Ленинградская области, Краснодарский и Ставропольский края), семейной (доля КФХ и ЛПХ составляет более 70% валовой продукции сельского хозяйства; восточные и северные регионы, обезлюдевшие районы Нечерноземья, национальные республики, регионы, поддерживающие малый бизнес, — Астраханская, Саратовская, Самарская области) и смешанной (доля сельхозпредприятий выше

30%, но ниже 50%). Однако доминирует сегодня тенденция «усиления концентрации производства в крупнейших сельхозорганизациях... наблюдается уникальное явление “холдингизации” — ... увеличение доли сельхозорганизаций, входящих в состав холдингов, и возрастание роли холдингов в производстве сельскохозяйственной продукции» (с. 172–173). Приводя примеры агрохолдингов, авторы критически оценивают типичную практику их учреждения организациями, зарегистрированными за рубежом, поскольку она «повышает риски в области продовольственной безопасности России, особенно это опасно в отношении компаний, которые занимают большую долю на рынке: например, если собственник решит по каким-либо причинам, в том числе политического характера, прекратить деятельность в России, это приведет к серьезным последствиям для рынка продовольствия в стране» (с. 181).

Второй результат аграрной реформы — «существенное перераспределение земли по категориям, между собственниками, видами собственности и землепользователями» (с. 182). Поскольку статистическое наблюдение не позволяет оценить результаты приватизации сельхозугодий, авторы предлагают собственную методику выявления доли частных сельхозугодий у сельхозпроизводителей (порядка 70%). Эта доля увеличилась в первую очередь за счет общего сокращения площади сельхозугодий, особенно в государственной собственности, а среди частных владений преобладает коллективная собственность. С одной стороны, реформа привела к улучшению структуры сельскохозяйственных земель и увеличению угодий, закрепленных за сельхозпроизводителями. С другой стороны, несовершенство механизмов регулирования оборота и раздела участков в общей собственности породило массу злоупотреблений с получением земельных долей (особенно в Московской области) и высокие транзакционные издержки, что объясняет трудное и медленное перераспределение участков между сельхозпроизводителями. Кроме того, «официально не отслеживается информация о концентрации земли в одних руках... в мировой практике формирование латифундий оценивается отрицательно, накоплен опыт противодействия их возникновению или жесткого регулирования деятельности лендлордов» (с. 196), который в России пока не применяется. Другая российская проблема — концентрация крупных землевладений под контролем иностранных лиц: формально им разрешена только аренда российской земли, но обойти законодательные ограничения слишком легко, а это снижает доступ к земле сельских жителей за счет повышения ее стоимости, вымывает их из сельскохозяйственной занятости и сельской местности в целом.

Третьим результатом реформы стала адаптация сельхозпроизводителей к рынку: «она могла быть смягчена федеральной, региональной и муниципальной политикой, однако набор инструментов поддержки сельхозпроизводителей был крайне ограничен, тем не менее сельское хозяйство постепенно адаптировалось к новым условиям»

(с. 201) и сменило ориентацию на сохранение объема производства, численности занятых, площади посевов и поголовья скота на расчет уровня рентабельности и прибыли, что изменило размещение сельскохозяйственного производства по территории страны (в советской плановой системе оно зависело от интересов государства, в рыночной экономике определяется сравнительными преимуществами территорий): «поменялся состав крупнейших производителей, перераспределились места регионов, увеличилась концентрация производства в крупнейших регионах» (с. 206). Сегодня сворачивается производство сельхозпродукции в хозяйствах граждан (даже сельские жители стали покупать основную часть продовольствия в магазине) и наблюдается концентрация производства в крупных холдингах, что порождает целый ряд проблем: риски продовольственной безопасности в случае их банкротства, невозможность контролировать концентрацию производства при существующей системе сбора статистической информации, усиление лоббистских позиций крупных компаний в выбивании мер поддержки в ущерб мелким товаропроизводителям, хотя последние обладают большей экологической и экономической устойчивостью, например, в свиноводстве.

Авторы с сожалением констатируют, что в России «рост сельскохозяйственного производства имеет очаговый характер» (с. 238) и «сопровождается образованием огромных зон запустения, где производство... не ведется вообще...где никто не пашет, не сеет, не выращивает скот и птицу, или ведется для нужд семьи в масштабах, не заметных для статистических наблюдений» (с. 242). В качестве главных причин появления и расширения зон сельскохозяйственного запустения авторы называют низкий биоклиматический потенциал (сельхозпроизводители сокращают площади земель по объективным причинам), неустойчивость сельского развития (спад сельского хозяйства наблюдается в регионах с быстрыми темпами сокращения сельского населения), низкий уровень господдержки (а в случае ее роста — снижение ее отдачи), высокие транзакционные издержки оформления земель (непреодолимый барьер для малого бизнеса), диспаритет цен на ресурсы и на сельхозпродукцию (ведет к банкротствам сельхозорганизаций и фермеров).

Четвертый результат реформы — изменения в эффективности сельскохозяйственного производства: рост производительности труда (и снижение занятости сельского населения), эффективности используемых земель (и сокращение их площади), продуктивности по всем видам скота и птицы (и сокращение их поголовья) и ресурсоотдачи (и снижение ресурсопотребления). Подобные изменения не могли не трансформировать стратегию импорта и экспорта, а также трактовки и модель обеспечения продовольственной безопасности (с 2010 года это продовольственная независимость, или самообеспеченность по ряду пороговых показателей). Хотя формально она Россией в значительной степени гарантирована объемами внутреннего производства, одна из важнейших целей аграрной реформы

мы, связанная с продовольственным обеспечением, по мнению авторов, достигнута не была: вместо снижения доля расходов на питание в бюджете российской семьи, наоборот, возросла; также не удалось выровнять уровень доходов сельского и городского населения.

Таким образом, книга А.Я. Узуна и Н.И. Шагайды предлагает читателю объективную характеристику российской аграрной реформы в макроэкономической перспективе, хотя отмечает и ее социальные последствия, тогда как коллективная монография «Смыслы сельской жизни» под редакцией Ж.Т. Тощенко фокусируется на «субъективном» измерении реформы, показывая, как именно и почему менялся жизненный мир сельского населения в новых институциональных и социально-структурных условиях. Читателю, интересующемуся постсоветской трансформацией аграрного уклада и сельского образа жизни, следует прочитать обе книги: увидеть сначала объективный контекст перестройки российского общества на его сельских территориях сквозь призму макроэкономических показателей и нормативных документов, а затем реальное преломление сухих цифр и официального дискурса в повседневных практиках и смысловых ориентациях сельского населения, зафиксированных в результатах общероссийских и региональных социологических исследований разной тематики и с применением различных опросных методик.

Введение книги призвано сориентировать читателя в ее теоретико-методологических основаниях и тех эмпирических данных, на основе которых ее авторы реконструируют смыслы сельской жизни в современной России. Предлагаемый авторами аналитический подход сочетает «базовые принципы теоретической концепции социологии жизни, предполагающей реализацию требований социологического конструктивизма», и «понятие жизненного мира» в его эмпирической интерпретации через «триединство таких индикаторов, как реально функционирующее общественное сознание, действительное поведение людей... и условия определенной социальной среды» (с. 7). Для эмпирической оценки жизненного мира сельской России авторы монографии предлагают междисциплинарный подход, обращаясь к трудам социологов, экономистов, политологов, культурологов и психологов, и многоуровневый анализ, сочетающий данные всероссийских опросов и монографических исследований. Авторы подчеркивают поисковый характер своей работы на теоретико-методологическом уровне и методические ограничения своей эмпирической базы (данные проекта «Сельская жизнь-2015» отражают только жизнь сел и деревень, которые связаны с сельскохозяйственным производством, но не реалии исчезающих малочисленных поселений), поэтому последняя сопоставлялась с результатами других социологических и статистических исследований за внушительный временной период с 1985 по 2015 год.

Первый раздел монографии состоит из шести глав, каждая из которых раскрывает особенности жизненного мира села в ка-

кой-то особой сфере. Открывает раздел вводная глава авторства Ж.Т. Тощенко: он тезисно реконструирует давнюю и славную отечественную традицию изучения сельской жизни, начиная с «Писем из деревни» А.Н. Энгельгардта и марксистского анализа социальных проблем аграрного развития в условиях проникновения капиталистических отношений в деревню, отмечая становление советской социологии села в оценках организации новой жизни крестьянства в 1920-е годы, после чего последовали десятилетия забвения, сменившиеся в 1960-е годы интересом к жизни деревни, в том числе сравнительным анализом повседневного уклада сельской жизни в разные исторические периоды. Кстати, третий раздел книги «Историко-социологическое наследие» выглядит скорее не как самостоятельный ее блок, а как приложение к данному историческому очерку, потому что здесь представлена рецензия на монографию А.М. Большакова «Деревня (1917–1927)», «одну из первых научных аналитических работ, обстоятельно и всесторонне освещающую историю и жизнь становящейся советской деревни, и первое монографическое исследование, охватывающее все стороны крестьянского бытия» (с. 274), и сравнительный историко-социологический анализ смыслов и образа жизни в селе Копанка в 1930-е и 1960-е годы. «В настоящее время социология села представляет собой совокупность исследований состояния и особенностей сознания крестьянства как социальной общности, его поведения в условиях особенной жизни, обусловленной близостью к природной среде, характером и содержанием трудовой деятельности, организацией повседневного быта» (с. 13).

К перечисленным аспектам сельской жизни в монографии добавляется еще одно «измерение» — смысловое, специфика которого определяется объективными итогами аграрной реформы. По мнению авторов, ей не удалось создать новую социальную группу — фермерство, которое должно было сменить нерентабельные колхозы и совхозы: итогом реформы стало «полное и безоговорочное торжество крупных и очень крупных хозяйств... невиданный виток аграрной гигантомании... на фоне ликвидации крестьянских фермерских и личных подсобных хозяйств... и исчезновения каждый день по две деревни, жители которых не вписываются в проводимые реформы» (с. 14). Жизненный мир сельских жителей претерпевает радикальные изменения, потому что трансформировались общественные практики и ситуации обыденной жизни (например, сократилось число занятых в сельскохозяйственном производстве), меняется сама сельская общность (село стареет, молодежь вымывается в города), в аграрной политике провозглашаются и реализуются непонятные и не отвечающие интересам сельского населения решения, которые «приводят к атрофии традиционных гражданских и межличностных отношений». «На селе произошли такие изменения, которые полностью сломали уже десятилетиями и веками сложившийся уклад жизни», в частности, здесь появился свой прекариат — заня-

тые негарантированной или временной (сезонной) работой, выросла открытая и скрытая безработица, снизился уровень жизни (с. 15).

«Осмысление жизненного мира предполагает анализ препятствий и ограничений на пути реализации основных и производных целей, к которым стремятся сельские жители, а этих препятствий предостаточно: негарантированная занятость, некомфортабельное жилье, отсутствие должной транспортной инфраструктуры, слабое коммунальное и бытовое обеспечение, закрытие медучреждений и школ и увеличившийся отрыв от органов власти вследствие неразберихи в перестройке местного самоуправления. ...Жизненный мир сельчан — сложный и противоречивый мир... их социального потенциала, их возможностей, их восприятия и реакций на происходящие в обществе изменения... Жизненный мир сельских жителей различен, существует в многообразии, проявляющемся как специфика индивидуального, особенного и всеобщего» (с. 16-17). Основным понятием анализа жизненного мира (в шюцевской интерпретации) в книге выступает «смысл жизни», сочетающий в себе цели-принципы, которыми руководствуются люди, соизмеряясь с нормами и требованиями окружающего мира (устойчивые к ситуативным колебаниям жизненные ориентиры), осознание своего предназначения и назначения социальных институтов (государства, семьи, образования и др.) и активную реализацию смысла своей жизни в постоянном сопоставлении со смыслами и действиями других людей, т. е. «превращение цели-принципа в созидательную, творческую деятельность» (с. 19). Смысл жизни — «совокупность целей-принципов, образующих стратегическое ядро установок и олицетворяющих стержень сознания и поведения людей... В известной мере — это основная, конечная цель, которая может выступать как обобщенная, стратегическая установка всей жизни и как ведущая установка в основных видах деятельности» (с. 19).

Необходимость изучения смыслов сельской жизни объясняется целым рядом их особенностей, ставших результатом четверти века аграрного реформирования: в структуре ценностей исчезло общественно значимое начало, деформировались ценности благополучия (материального и социального) и оказания помощи (разрушились и советские патерналистские практики колхозов и совхозов, и вековые традиции межпоколенческой заботы), снизилась роль слухов и возросла личная информационная компетентность. Социологические данные фиксируют парадоксальную ситуацию: с одной стороны, сельское население не стремится в города, наоборот, многие горожане переезжают в села, сохраняя работу в городе, но используя преимущества жизни на природе; с другой стороны, сельские жители не видят в деревне перспектив для своих детей и внуков, что объясняет сокращение сельского населения. Многие сельские жители интерпретируют реальность как «абсурд действий властей в отношении сельского хозяйства и села в целом» (с. 25), что затрудняет для них сохранение смысла труда и профес-

сиональной деятельности, сводит смысл частной жизни к попыткам выжить и приспособиться к иной действительности, нередко прибегая к скоттовскому «оружию слабых» — «подчинению обстоятельствам с сиротской непритязательностью» (с. 27), хотя возможно и дистанцирование от официальных (государственных) институций и замыкание в мире неформальных хозяйственных практик и сетей взаимной поддержки.

Завершает первую главу констатация, что «за последние четверть века произошли кардинальные изменения в политической и экономической сферах общества, а следовательно, и в социальной и духовной... [Важно понимать], в каком направлении произошли эти изменения, как они сказались на жизни крестьян и насколько кардинально повлияли на их отношения с окружающим миром, на сущностную характеристику смысла жизни... Аграрная политика и ее производные... невозможны без того, чтобы решить проблемы, волнующие основного их субъекта — крестьянина, без участия которого мертвым грузом будет и земля, и машины, и оборудование, а в конечном счете и продовольственная безопасность страны» (с. 29). Раскрытию этих проблем и связанных с ними смыслов посвящены остальные пять глав первого раздела монографии.

Смыслы социально-экономической деятельности не могли не измениться в ситуации деградации аграрно-технического оснащения сельскохозяйственного производства, сокращения поголовья скота и посевных площадей, в целом глубокого кризиса животноводства и растениеводства (на фоне победных реляций министров о якобы небывалом росте сельского хозяйства), который повлек деквалификацию рабочей силы и снизил количество квалифицированных работников, занятых в сельском хозяйстве (хотя их дефицит ощущался уже в советское время). Советское сельское хозяйство было экстенсивным с точки зрения привлечения трудовых ресурсов, но экономическая неэффективность (низкая производительность труда) служила стабилизирующим социальным фактором; достигнутая в рыночных условиях экономическая эффективность породила социальную нестабильность, потому что снизила занятость, возродила отходничество и диверсификацию трудовых практик (лесозаготовки, сбор грибов и ягод, туризм, превращение деревень в загородные дома престарелых или зоны отдыха горожан), маргинализовала оставшееся безработное население, вынужденное перебиваться случайными заработками, и увела значительную часть работников в неформальную занятость.

«Диверсификация трудовых практик усложняет жизненный мир сельчан, они приобретают разный опыт, а это разрушает монолитный образ деревни, и главное... работа на земле больше не является основным и единственным источником дохода сельских жителей, более того, растет количество сельских жителей, вообще не владеющих землей... Это свидетельствует о том, что сейчас на селе мы наблюдаем процессы раскрестьянивания... сельчане утрачива-

ют мотивацию иметь землю и работать на ней. Утрата мотивации работы на земле отчасти начала проявляться в советский период, но в рыночной стихии она усилилась» (с. 41-42). В результате «крестьянский мир распался, нет ничего общего, объединяющего людей, растет разобщенность и замкнутость» (с. 45): капиталистические отношения на селе усилили его социально-экономическую дифференциацию и перестройку на городской манер, и в наибольшей степени эти процессы отразились на безземельных крестьянах, поскольку отсутствие земли углубляет социальное неравенство внутри сельского мира (межличностные связи у безземельных селян тоньше, уровень социального недоверия выше) и отчуждает безземельных селян от местных сообществ, хотя «атомизация жизненного мира отражается в мироощущении [всех] сельчан» (с. 47). Крестьянин превращается в наемного работника, «отчужденного от результатов своего труда, они ему безразличны (не приносят удовлетворение и радость), а его работа ничем принципиально не отличается от труда на фабрике, только она тяжелей и утомительней. Низкие зарплаты рождают у сельских жителей ощущение несправедливости» (с. 48).

Крестьяне не превратились в полноценных земельных собственников, потому что стали лишь «бумажными» собственниками-хозяевами (паев), а не фермерами (их число незначительно). Реформа провалилась и потому, что коллективные хозяйства «стремятся выполнять сугубо экономические цели, оставляя после себя “выжженный социальный ландшафт”, что особенно проявляется в деятельности крупных агрохолдингов-латифундий, которые... воспринимают землю и сельское население исключительно как ресурс для извлечения прибыли и хозяйствуют на ней “колониальным”, в худшем понимании этого слова, способом (скупают или отбирают плодородные земли, не берут местных жителей на работу, маркируя их как “ленивую пьянь”, не заинтересованы в социальном развитии территорий, на которых работают)» (с. 53). Пытаясь минимизировать издержки, от прежних социальных функций отказываются как бывшие колхозы и совхозы, так и государство, что ведет к обезлюдению малых деревень и концентрации населения в крупных селах, где еще сохранилась социальная инфраструктура. А сами эти села уже превращаются в поселки городского типа... т. е. перестают быть селами в классическом понимании этого слова» (с. 54-55).

Соответственно, возникает вопрос, какую роль в сельской жизни сегодня играет материальное благополучие. В третьей главе оно выступает как совокупность следующих показателей: оплата труда, личное подсобное хозяйство, социальные трансферты, сбережения и инфраструктура (жилищно-коммунальные условия, транспорт, потребительские возможности и др.); все показатели рассматриваются применительно к каждой из трех групп сельских жителей — низко-, средне- и высокодоходной (сюда в силу крайней малочисленности не вошли те, кто может позволить себе любые

крупные расходы). Так, согласно официальным данным, в России наиболее низкие уровни заработной платы зафиксированы в сельском хозяйстве, поэтому в деревне наблюдается рост дифференциации доходов между самыми высоко- и низкодоходными группами: первые обычно сочетают несколько форм занятости, а вторые по объективным (и/или субъективным) причинам не могут повысить свой доход, их материальное положение, аналогично среднедоходным группам, постоянно осложняется, в частности, потому что у них нет ресурсов для ведения личного подсобного хозяйства. Впрочем, те две трети сельских жителей, что его ведут, сталкиваются с проблемой реализации своей продукции (в выигрыше опять оказываются высокодоходные группы с их возможностями).

«На фоне осознания собственного неблагополучия... оптимизм сельского населения, связанный с потребительской уверенностью, падает, вместе с ним рушатся и надежды на лучшую жизнь» (с. 75–76). Действительно, о каком оптимизме может идти речь, если значительную долю в структуре расходов занимает питание, что оставляет мало возможностей для приобретения непродовольственных товаров, обращения за медицинскими услугами, выезда в культурно-досуговых целях в город и т. д. «Отрицательные оценки возможности улучшить свое материальное благополучие заставляют часть сельских жителей покинуть село и искать “счастье” в городе... рассматривая переезд как самый многообещающий путь стабилизации своего социального положения и достижения благополучия» (с. 79–80). Оставшиеся на малой родине вынуждены искать иные пути выживания, основной из которых — увеличение времени на труд (подработки и совместительство) и переход на precarious труд, что «не обеспечивает достойную жизнь и... делает особенно бедные слои еще более уязвимыми, особенно когда те видят свою несостоятельность по сравнению с высокодоходными группами. Сельскую жизнь при таких обстоятельствах сложно назвать спокойной, стабильной и благополучной» (с. 81).

В сложившейся социально-экономической ситуации (особенно с учетом ее восприятия) не могли не измениться качество и смысл общественно-политических практик жителей села, для оценки которых в четвертой главе использованы следующие показатели: тенденции развития и функционирования политического сознания; устойчивые и изменяющиеся формы поведения в политической сфере и участия в государственных и общественных преобразованиях. Так, «политическое сознание жителей российского села характеризуется неопределенностью политических взглядов... размытостью мировоззренческих установок, низкой политической компетентностью, дистанцированностью и равнодушием... к политической жизни страны» (с. 86). Это утверждение обосновывается тем, что на протяжении многих лет жители сел поддерживают не соответствующие нынешним реалиям коммунистические и социалистические идеи: с одной стороны, из их памяти стерлись многие не-

готивные моменты советского периода; с другой стороны, в ней сохранились позитивные воспоминания о своей прежней роли (кормили страну и давали сырье промышленности) и о заботе государства (патерналистские идеалы). В целом для политического сознания и поведения сельских жителей характерна парадоксальность, проявляющаяся в высоком уровне лояльности власти на фоне отчуждения от политики государства, которая жестко критикуется именно с социалистических позиций — за отход от прежних ценностей коллективизма, за ошибочный либеральный вектор реформирования и т. д.

Лояльность села политическому режиму исследователи объясняют двумя причинами: привычкой жить в состоянии непрекращающегося кризиса и антиномичностью сознания (соотношение придерживающихся благоприятных и катастрофических оценок положения в стране примерно равно). Сельское население «чувствует себя наиболее заброшенным со стороны государства... что может объясняться... неудовлетворительным состоянием государственного управления и официальной аграрной политикой, недооценкой роли и функций села» (с. 93). Это отчуждение объясняет доминирование на селе пассивных форм политического участия, когда недовольство проявляется не в протесте, а в игнорировании государства и политических сил, поэтому участие в выборах имеет инерционный, ритуальный характер (особенно для старших поколений), а иногда объясняется угрозой санкций со стороны местного или регионального руководства.

«Низкая политическая и гражданская компетентность, отсутствие опыта отстаивания своих прав и интересов, страх наказания за несогласие с действиями властей порождают среди жителей села пассивность и полный отказ от каких-либо политических или гражданских действий. В качестве наиболее частых причин политической и гражданской пассивности они указывают отсутствие свободного времени и опасение репрессий со стороны органов власти... Властные структуры воспринимаются не как проводники и представители интересов крестьян, а как аппарат, могущий предоставить/не предоставить некоторую социально-экономическую поддержку и оказать/не оказать содействие в решении хозяйственных нужд» (с. 96–98). Высокий уровень лояльности государству, которое сельчане не воспринимают как выразителя своих интересов, объясняется тем, что оно продолжает выполнять некоторые патерналистские функции (хотя и в недостаточном объеме) в формате социально-экономических дотаций и помощи. Этим объясняется и поддержка «партии власти» — на нее возлагаются надежды на предоставление сельскому населению доступа к ресурсам и возможностям решать насущные проблемы (поддержка отдельных политиков носит, как правило, персонифицированный характер). Особое место в политических воззрениях сельских жителей, подкрепляющих их патерналистские установки, занимает носталь-

гия по социалистическому колхозу/совхозу и бывшему устройству общественной жизни (экономическая защита, солидарные практики в сфере труда и досуга и т. д.).

Несомненно, постсоветские трансформации в целом, а не только аграрная реформа, изменили смыслы духовной жизни сельчан, в которой П.П. Великий выделяет устойчивые и изменяющиеся элементы (например, исчезла традиция ходить всей семьей в клуб на киносеансы, потому что кинопоказ стал затратным и исчезли все поддерживающие его институты, включая киноклуб). В качестве динамичной формы духовной жизни в пятой главе рассмотрено неформальное общение сельчан, в котором за последнюю четверть века произошли очевидные изменения: имеющие работу выделились в самостоятельную и достаточно замкнутую группу (корпоративность общения на селе нарастает), куда не сможет попасть безработный (не будет принят и не захочет напрашиваться), хотя они встречаются на «площадках традиционного общения» (свадьбы, похороны и пр.). Прежде коллективные моменты повседневности сельского сообщества порождали у большинства его членов чувство сопричастности, формировали особый духовно-нравственный сельский капитал, позволявший каждому сельскому жителю и сообществу выдерживать трудности жизни. «К сожалению, основание этого духовного капитала мерами государства под названием “аграрная реформа” почти полностью разрушено» (с. 118).

Заключительная глава первого раздела посвящена межличностным отношениям и взаимопомощи на селе: они составляют самую суть сельского духовного капитала и микросреды, характерными чертами которой является жизнь среди знакомых, выстраивание с ними долгосрочных отношений и определенная взаимозависимость друг от друга в ограниченном и замкнутом жизненном пространстве, где практически нет места обезличенности и отстраненности. Социальными последствиями реформы стали «чувство социальной изолированности, ухудшение морально-психологического самочувствия... распад устойчивых коллективистских взаимоотношений и связей, разрушение привычного уклада жизни» (с. 122). Однако неблагоприятная экономическая ситуация и отсутствие поддержки со стороны государства заставляли людей налаживать связи, позволяющие эффективно использовать собственные ресурсы и возможности местного сообщества: «развитие неформальной экономики [оказание услуг не с целью получения максимальной выгоды, а ради поддержания социальных взаимоотношений; каждая семья выступает в роли донора и реципиента], своеобразии сети взаимопомощи в сельской местности становятся инструментом компенсации отсутствия или недостаточно эффективного функционирования формальных экономических институтов» (с. 123).

Моральная поддержка и взаимопомощь оказываются столь важны, что в непростых экономических условиях, при высокой не-

И.В. Троцук

Путеводитель по постсоветской аграрной реформе в России: объективное и субъективное измерение сельской жизни

удовлетворенности жизнью и в отсутствие уверенности в улучшении ситуации большинство жителей сел не хотят переезжать в город — далеко от родственников и друзей: «родственные связи, налаженные межличностные отношения являются одним из сдерживающих факторов, несмотря на материальные трудности и низкий уровень жизни» (с. 126). Однако и ориентация на помощь зависит от экономического благополучия: отношения односельчан построены на взаимообмене, взаимопомощи и хорошей репутации (реципиент сможет отблагодарить, вовремя вернуть долг); помощь/благодарность оказывается не только в денежной, но и в натуральной форме; обладание ресурсами повышает уверенность в помощи односельчан (реципиент уверен, что сможет стать донором) и т. д. «Несмотря на факторы обособления и индивидуализации, солидарность, доверие и соседская взаимопомощь... в сельских поселениях не исчезли» (с. 133). Впрочем, «кооперация, сотрудничество, неформальная взаимопомощь оказываются отчасти вынужденными мерами... В условиях невозможности обеспечить себе и своей семье достойный уровень жизни взаимопомощь на селе является проявлением... не истинного, бескорыстного, а скорее рационального, реципрокного альтруизма — с надеждой на будущую выгоду» (с. 134). Большинство россиян независимо от места проживания (город или село) в решении повседневных проблем и преодолении трудностей обращаются в первую очередь к близким/родным и друзьям, однако «практики взаимопомощи распространены... как вынужденная мера, дополнительный инструмент выживания, пассивной адаптации и обеспечения приемлемого уровня жизни (с. 141).

Второй раздел книги раскрывает институциональные и социально-структурные смыслы жизнеустройства на селе и состоит из шести глав. В первой из них рассмотрены социально-демографические аспекты сельской жизни, поскольку воздействие государственных реформ и социально-экономической политики 1990–2000-х годов на основные сельские структуры и институты имело неоднозначные последствия для воспроизводства сельского населения. Так, зафиксировано резкое сокращение молодежи, занятой в сельском хозяйстве; слабое развитие альтернативных видов деятельности, что обусловило рост безработицы и высокий уровень бедности среди сельского населения, почти вдвое превышающий городские показатели; доминирование молодых возрастных групп в миграционном оттоке из сел в крупнейшие города для получения образования и самореализации, тогда как в села приезжают преимущественно старшие возрастные группы; вовлечение в миграционный отток средней возрастной группы 30–39 лет (семей с детьми) вследствие нерешенности многих социальных и инфраструктурных проблем села и т. д.

По мнению авторов, качественные сдвиги в брачном и репродуктивном поведении сельского населения пока сложно объяснять «переходом от стратегии выживания к стратегии повышения бла-

госостояния, от традиционных к рациональным ценностным ориентациям», т. е. «как индикаторы объективного процесса социальной модернизации сельской местности» (с. 152) и либеральной рационализации демографических отношений и поведения. Российское сельское хозяйство оказалось в кризисных экономических условиях, которые порождали инструментализацию и демотивацию труда под влиянием в первую очередь социальных факторов. В результате для села характерно «сочетание традиционных и модернизационных характеристик на уровне установок и в структуре значимых социальных связей» (с. 157): с одной стороны, люди апеллируют к родственным ресурсам в случае жизненных трудностей (неформальная семейная и дружеская межпоколенная поддержка); с другой стороны, все чаще рассчитывают только на себя и не надеются на формальные институты (слабое доверие к ним объясняется их неэффективностью).

Несомненно, как показано во второй главе, семья является важнейшей ценностью для сельского (и не только) населения, несмотря на негативные тенденции в брачно-демографической сфере. Опираясь на данные Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 годов, авторы показывают, что на селе уменьшается число домохозяйств при увеличении доли одиноко проживающих людей, что укладывается в общую тенденцию сокращения сельского населения и его старения; возрастает доля семей с одним ребенком, т. е. сельская семья перестает быть многодетной (влияет и миграционный отток молодой и средневозрастной когорты в города). В то же время в сельском сообществе сохраняется «высокий уровень персонифицированных отношений, неформальный контроль со стороны семьи либо односельчан, отсутствие анонимности и высокая роль межсемейных и дружеских трансфертов... Такие сети социальной поддержки играют роль стабилизирующего фактора экономической и социальной жизни сельской семьи и частично компенсируют кризис социальных институтов» (с. 181).

Наиболее очевиден этот кризис в сельском здравоохранении и образовании. «За последние двадцать пять лет на селе произошло уменьшение учреждений здравоохранения (количество организаций сократилось в пять раз, а коечный фонд как минимум вдвое)» (с. 190). «“Оптимизация здравоохранения” привела к тому, что жители сельских поселений не могут реализовать один из основных принципов оказания медицинской помощи — доступности, и прежде всего по территориальному принципу» (с. 194). В целом обеспеченность сельских жителей медработниками примерно в три раза ниже, чем городских жителей, по причине низкой заработной платы, отсутствия жилья, неразвитой социальной и транспортной инфраструктуры, плохих условий труда и быта.

Ненамного лучше ситуация в сельском образовании, несмотря на славные традиции сельской школы как неотъемлемого компонента деревенской жизни и прежние разнообразные способы суще-

ствования книжной культуры в крестьянской среде. Авторы считают, что связывать нынешние проблемы сельского образования исключительно с постсоветским периодом неправильно: уже в 1960-е годы массовый отток сельского населения в города породил проблемы кадрового обеспечения сельских школ и сокращения числа их учащихся; в 1970–1980-е годы «сельская школа, по сути, выполняла функции подготовки учащихся к переезду и учебе в городе»; «к 1990-м годам практически утратила самобытную связь с сельским миром, уступая городским школам по степени материально-технической оснащенности, кадровому обеспечению, и оказалась заложником миграционных, демографических и политических процессов» (с. 213). Как и в здравоохранении, концентрация образовательных учреждений в крупных населенных пунктах, ставшая результатом политики экономии ресурсов, привела к снижению их территориальной доступности. Изменяется и отношение сельских жителей к образованию — в сторону парадоксальности: образование остается важной терминальной ценностью, но теряет свою инструментальную ценность (как способ достижения социального положения и престижа).

Трансформации сельской жизни не могли не отразиться на «жизнеобразующих смыслах сельской молодежи»: с одной стороны, ключевыми ценностями для нее, как для российского населения в целом, остаются семья, здоровье, работа и друзья, менее значимыми — политика, культура, общественное признание и религия; с другой стороны, у сельской молодежи представлены противоречивые смысложизненные ориентации. В качестве таковых выступают: желание остаться на селе (характерно для тех, у кого в селе проживают родные, кто чувствует поддержку ближайшего окружения, у кого есть собственный бизнес/стабильная работа и/или личное подсобное хозяйство, у кого нет уверенности в нахождении работы в городе и кому материально тяжело сняться с места); желание переехать из села в город (по причине отсутствия жизненных перспектив); компромиссный вариант проживания на селе, но работы и отдыха в городе (в силу противоречивости и сложности реализации его выбирает небольшая группа молодежи); эпизодические смыслы (безразличие к политике и бездействие в социальной сфере на фоне отсутствия политических предпочтений или симпатий нескольким политическим течениям). В результате «смыслы жизни сельской молодежи сочетают в себе тенденции традиционализма и инновационности, консерватизма и модернизма, оказываясь достаточно парадоксальными с точки зрения официальных заявлений, личных стремлений и реальной действительности» (с. 249).

В ситуации, «когда остро стоит проблема опустения сельской местности, когда все большее число сельчан под давлением внешних условий или по собственному желанию принимают решение покинуть село, интеллигенция могла бы сыграть значительную

роль для сохранения сельских поселений, объединения и консолидации сельского населения» (с. 251). В оценке способности нынешней сельской интеллигенции выполнить эту миссию авторы опираются на результаты опросов работников образования, культуры и медицины, имеющих среднее специальное и высшее образование: согласно этим данным, можно обозначить некоторые объективные отличия сельской интеллигенции от большей части сельского населения (чаще официальная работа по найму, реже ведение собственного хозяйства), однако объединяет всех сельских жителей низкий уровень оплаты труда, неустойчивое материальное положение и грустные перспективы в свете сокращения учреждений культуры, образования и здравоохранения. Все это порождает «неверие в возможность влияния на происходящие процессы, отсутствие убежденности в том, что их интересы будут защищаться, а нужды и потребности поддерживаться, что приводит к дистанцированию от политической и общественной сферы... к концентрированию внимания на проблемах индивидуального порядка... связанных с бытом и личным окружением» (с. 263).

Итак, две книги различаются аналитической «оптикой», используемой для оценки хода и результатов российской аграрной реформы, но при этом обнаруживают массу совпадающих сюжетов. Так, В.Я. Узун и Н.И. Шагайда отмечают, что социальная справедливость в ходе приватизации земли и имущества сельхозпредприятий ставилась выше экономической эффективности (бесплатное наделение земельными долями и имущественными паями даже тех, кто не собирался на земле работать), что «воспринималось обществом как возврат долгов селу... как компенсация за прошлые несправедливые решения... косвенным подтверждением чего служило развитие процесса приватизации фактически без серьезных конфликтов и протестов» (с. 48). Ж.Т. Тощенко с соавторами исходит из аналогичной, но несколько более «субъективной» трактовки социальной справедливости, крайне важным «индикатором которой является мнение о том, как должно российское государство относиться к своим гражданам» (с. 22): сельским жителям сложно считать отношение государства к селу справедливым и по декларируемым оценкам (несмотря на «благие намерения» государства, нередки высказывания его ключевых представителей, что «сельское хозяйство — это черная дыра»), и по реальным процессам (раскрестьянивание и неконтролируемый рост латифундий и агрохолдингов, препятствующий развитию фермерского движения, сельхозкооперации и рациональной социальной структуры сельских поселений).

Объединяет две содержательно разные книги и схожая оценочная тональность: авторы стремятся максимально объективно, без лишних эмоций, описать ход и результаты аграрной реформы. Так, в первой работе неоднократно подчеркивается, что «сельские и другие жители страны... что-то выиграли в результате реформ,

что-то проиграли. Взвесить все “за” и “против”, сделать однозначный вывод, была реформа успешной или нет, вряд ли возможно. Результаты ее противоречивы: с одной стороны, она позволила добиться такого роста урожайности, продуктивности, производительности, ресурсоотдачи, о котором аграрники мечтали многие десятилетия предреформенного периода, а с другой — сельское хозяйство во многих регионах стало очаговым, появились районы запустения» (с. 15). Однако стремление к объективности не означает отказа от критики характерного для России типа реформирования. Так, авторы крайне негативно оценивают попытки советского руководства по реорганизации сельского хозяйства, которые лишь усиливали монополизацию АПК и ужесточали централизацию управления агропредприятиями на всех уровнях, т. е. каждая реорганизация обостряла аграрный кризис, но проводилась «как шумная кампания, радио, телевидение, газеты, журналы систематически сообщали о множестве фактов, из которых следовало, что [нововведения] в короткие сроки творят чудеса» (с. 36). Столь же негативно авторы оценивают попытки «вместо анализа причин перейти на поиск виновных», когда в позднесоветском продовольственном кризисе обвиняли то коммунистическую власть, то М.С. Горбачева с перестройкой, то реформаторов, допустивших массу ошибок (с. 39). «Когда отсутствует рутинная работа по выявлению институциональных ловушек и их ликвидации, отсутствует федеральный орган, координирующий работу по реформе, совокупность законодательных и нормативных актов обречена на фрагментарность, дороговизну исполнения и разнонаправленность. Это повлекло длинный и мучительный процесс реформирования сельского хозяйства в России» (с. 68).

Авторы второй книги также критически оценивают результаты аграрной реформы, однако акцент делают на негативных чертах капитализма в деревне: «он срывает “романтические покровы” с труда, он лишает его “идеальных” представлений о благородстве, социальной важности, необходимости для общества. И в сухом остатке остается только один мотив — материальное благополучие, т. е. деньги. Частная собственность и деньги разрушают моральную экономику сельских поселений, социальные связи утончаются... Это и есть социальные последствия раскрестьянивания, которые в первую очередь отражаются на смысле жизни на земле» (с. 48). Впрочем, столь же негативно авторы оценивают и романтизацию деревни реформаторами, их «фантастическое представление о колхознике, который, получив землю, превратится в фермера и самостоятельно сможет осуществить весь производственный цикл — закупить семена, удобрения, горюче-смазочный материал, внести удобрения, собрать урожай, а затем его продать» (с. 52). Многие предложения Министерства культуры и правительства авторы называют «культурническими», потому что они не затрагивают «стержневые, центральные смыслы сельских жителей» (с. 115);

чиновники игнорируют проблемы села и «выпячивают успехи, хотя лукавство очевидно... если сравнивать показатели 1990 и 2015 годов, то... число культурно-досуговых учреждений... уменьшилось» (с. 116).

Объединяет две книги не только оценочная тональность (кстати, авторы открыты к критике, не скрывают свои методики и огораживают их ограничения), но и гуманистический пафос — надежда на сохранение сельских сообществ: «возможно, будут найдены новые точки сборки коллективности... возможен компромисс между экономической выгодой и социальной стабильностью» (вторая книга: с. 57). При этом авторы обеих монографий ставят перед читателем сложную задачу: они предоставляют ему море разнообразных цифр, наводящих на размышления, но не навязывают ему собственные оценки. Впрочем, во второй книге иногда встречаются сомнительные утверждения (о «неразвитости или отсутствии духовных потребностей у сельчан»; что «перенесенные предками испытания автоматически включили генетическую программу защиты детей»; о «примитивизации и атрофии мировоззренческих установок молодежи» и др.), но они контекстуализированы таким количеством эмпирической информации, что читатель может либо игнорировать подобные выводы, либо, опираясь на представленные в тексте или самостоятельно найденные данные, прийти к иным заключениям.

Безусловно, придирчивый читатель может предъявить авторам двух книг ряд претензий. Скажем, первая работа может показаться ему несколько устаревшей, потому что вышла в 2015 году, до Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года, однако авторы прекрасно суммировали накопленные к моменту ее проведения статистические и аналитические материалы, предложили целый комплекс индикаторов и методических решений, которые можно просто дополнить последними данными (практически в формате мониторинга). Во второй книге читателя может смутить разведение трех уровней социальной среды (макро-, мезо- и микромира), поскольку в действительности их границы подвижны и накладываются друг на друга, но подобная структура жизненного мира сельского сообщества совершенно оправданна в качестве модели, в которую встроено множество эмпирических индикаторов. Несколько странно в тексте выглядят ссылки на исследования 2001, 2002, 2004 годов, результаты которых авторы презентуют как имеющие место сегодня, что, конечно, требует уточнений и обоснований. Формат коллективной монографии порождает несколько избыточные повторы основных постулатов социологии жизни, обзоров хода и результатов аграрной реформы и т. д., поскольку все авторы стремились сделать свои тексты последовательными и логичными, но, с другой стороны, именно заверченный и самостоятельный характер входящих в книгу текстов превращает ее в своеобразный справочник по «субъективному» измерению аграрной реформы.

A guide to the post-soviet agrarian reform in Russia: Objective and subjective dimensions of rural life

РЕЦЕНЗИИ

Irina Trotsuk, DSc (Sociology), Associate Professor, Sociology Chair, RUDN University; Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru.

История крестьянства и сельского хозяйства России в материалах конференций историков-аграрников Среднего Поволжья (1976–2016 гг.)

А.Г. Иванов, А.А. Иванов

Ананий Герасимович Иванов, доктор исторических наук, заведующий кафедрой отечественной истории Марийского государственного университета, доктор исторических наук, профессор. 42400, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1. E-mail: anani@marsu.ru

Алексей Ананьевич Иванов, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Марийского государственного университета, доктор исторических наук, профессор. 42400, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1. E-mail: anani@marsu.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-3-191-199

Изучение истории сельского населения и сельского хозяйства как составной части истории регионов Российской Федерации в последней четверти XX–начале XXI века в большинстве случаев было связано с функционированием локальных проблемных объединений, объединяющих и координирующих творческие поиски коллективов научно-исследовательских институтов, вузов, архивов и библиотек, музеев и других культурно-просветительских и образовательных учреждений. Одним из них, продолжающим успешно работать и регулярно организующим научно-практические конференции, является Средневожское аграрное объединение, созданное в ноябре 1976 года на первой, учредительной, конференции в г. Йошкар-Оле — столице Марийской АССР, современной Республики Марий Эл.

Объединение было призвано координировать и кооперировать творческие усилия «историков, практиков сельского хозяйства, экономистов, этнографов, фольклористов, работников архивов и музеев, представителей естественных наук, широкой общественности» Марийской, Мордовской, Татарской, Чувашской АССР, Куйбышевской и Ульяновской областей. Учредителями регионального объединения выступили Институт языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР, Марийский научно-исследовательский институт при Совете министров Марийской АССР, Научно-исследовательский институт при Совете министров Мордовской АССР, Чувашский научно-исследовательский институт при Сове-

те министров Чувашской АССР, Куйбышевский государственный университет¹.

Изучение опыта проведенных научных конференций историков-аграрников Среднего Поволжья и публикаций материалов их участников в преддверии очередной, XV, конференции позволяет констатировать несомненные позитивные результаты проделанной работы за четыре прошедших десятилетия. На четырнадцати конференциях, состоявшихся 4 раза в Йошкар-Оле (1976, 1988, 2001, 2008), по 3 раза в Чебоксарах (1981, 2005, 2014), по 2 раза в Саранске (1978, 2003) и Казани (1984, 2012), по одному разу в Самаре (2006), Ижевске (2010) и Ульяновске (2016), было заслушано и обсуждено свыше тысячи докладов и сообщений². Тематика конференций отражала актуальные проблемы истории крестьянства и аграрной истории страны в целом: «XXV съезд КПСС и задачи историков-аграрников Среднего Поволжья (К 60-летию Советской власти)»; «Историография и источники аграрной истории Среднего Поволжья»; «XXVI съезд КПСС и задачи историков-аграрников Среднего Поволжья»; «Проблемы социально-экономического и культурного развития деревни Среднего Поволжья»; «Крестьянство и сельское хозяйство Среднего Поволжья: опыт исторического развития»; «Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья»; «Крестьянство и власть Среднего Поволжья»; «Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении»; «Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований»; «Проблемы изучения взаимосвязей города и деревни Среднего Поволжья»; «Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность»; «Хозяйствующие субъекты в аграрном секторе России: история, экономика, право»; «Крестьянская община в истории России»; «Поволжское крестьянство: социально-экономическая история и современность».

Большая заслуга в создании объединения историков-аграрников, безусловно, принадлежала Комиссии по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР Института истории СССР АН СССР, центральным и местным академическим учреждениям и вузам. Искренних слов благодарности заслуживают наши коллеги, стоявшие у истоков, в 1976–1988 гг., из городов: Москвы — историки Е.И. Индова, А.И. Комиссаренко, И.Е. Зеленин, Т.В. Осипова, Л.В. Данилова, А.М. Анфимов, Н.А. Ивницкий, И.М. Волков, В.А. Федоров; Казани — М.К. Мухарямов (председатель объединения), Ю.И. Смы-

1. Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья (1978). Дооктябрьский период. Йошкар-Ола, С. 192–193.
2. Иванов А.Г., Иванов А.А. (2010). Российское крестьянство в трудах историков-аграрников Среднего Поволжья // Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность. Материалы III Всероссийской (XI межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (Ижевск, 17–19 октября 2010 г.). Ижевск. С. 4–9.

ков, И.М. Ионенко, А.М. Залялов, С.Х. Алишев; Куйбышева (Самары) — Е.И. Медведев, П.С. Кабытов; Чебоксар — В.Д. Дмитриев, И.Д. Кузнецов; Саранска — М.В. Дорожкин, А.В. Клеянкин, М.В. Жиганов, Н.В. Заварюхин; Йошкар-Олы — А.С. Патрушев, Г.А. Архипов и многие другие.

События новейшего времени, как могло показаться, прервали начатое дело старшего поколения, однако накопленный потенциал позволил сохранить преемственность и с учетом новых подходов продолжить дальнейшую разработку истории крестьянства Средневожского региона. Правда, с 2001 года инициатива проведения конференций перешла к местным научным и университетским центрам, тем не менее внимание к ней со стороны научной общности только усилилось, о чем свидетельствует тот факт, что с 2006 года конференция поменяла свой статус с межрегиональной на всероссийскую.

Проведенные 14 конференций показывают, что интерес к истории крестьянства и сельского хозяйства не иссяк, эти научные форумы играют важную мобилизующую роль в творческих усилиях историков-аграрников региона.

Результатом работы конференций стали 18 сборников³. Опубликованные материалы дают возможность сделать некоторые наблю-

*А.Г. Иванов,
А.А. Иванов*
История крестьянства и сельского хозяйства России в материалах конференций историков-аграрников Среднего Поволжья (1976–2016 гг.)

3. Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья. Дооктябрьский период. Йошкар-Ола, 1978; Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья. Советский период. Йошкар-Ола, 1978; Историография и источники по аграрной истории Среднего Поволжья. Саранск, 1981; Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в периоды феодализма и капитализма. Чебоксары, 1982; Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в период строительства социализма. Чебоксары, 1982; Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в условиях развитого социализма. Чебоксары, 1982; Проблемы социально-экономического развития деревни Среднего Поволжья в период феодализма. Казань, 1986; Проблемы социально-экономического развития деревни Среднего Поволжья в период капитализма. Казань, 1987; Осуществление Продовольственной программы и социальное развитие деревни Среднего Поволжья. Казань, 1987; Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1990; Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья. Сборник материалов VI региональной научной конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 2002; Крестьянство и власть Среднего Поволжья. Материалы VII межрегиональной научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Саранск, 21–23 мая 2003 г.). Саранск, 2004; Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении. Материалы VIII межрегиональной конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (Чебоксары, 19–21 мая 2005 г.). М., 2005; Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований. Материалы I Всероссийской (IX межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Самара, 12–13 мая 2006 г.). Самара, 2007; Проблемы изучения взаимосвязей города и деревни Среднего Поволжья. Материалы II Всероссийской (X межрегиональной) конференции историков-аграрников Средне-

дения относительно облика многонационального российского крестьянства и его регионально-этнической специфики применительно к территории Среднего Поволжья, а также отметить вклад историков-аграрников в разработку этой проблемы.

В содержании 10 сборников статей, подготовленных на основе докладов первых пяти конференций и изданных в 1978–1990 годах, заметное место занимали труды известных историков из Москвы, представленных исследователями академической науки и преподавателями университетов.

Большой вклад в изучение монастырской и экономической деревни внес А.И. Комиссаренко, который в пяти своих публикациях охарактеризовал основные источники по этой теме, включая «офицерские описи», дал объективную оценку состояния крестьянского и вотчинного хозяйства монастырей на территории Среднего Поволжья накануне секуляризации 1764 г., проследил историю экономических крестьян Казанского уезда в 60–80-е годы XVIII в. В трех публикациях профессора Московского университета В.А. Федорова были подведены итоги изучения крестьянского движения в России периода кризиса крепостничества, проанализированы крестьянские слухи о «черном переделе» земель в 70–80-х годах XIX в., показана специфика культуры и быта крестьян пореформенной средневолжской деревни по материалам бюро В.Н. Тенишева. Источниковедческие аспекты истории крестьянской войны под предводительством С.Т. Разина в Среднем Поволжье затронула Е.В. Чистякова; материалы кадастровых описей Нижегородского уезда по истории мордовских крестьян конца XVI — начала XVII в. рассмотрела Е.А. Колычева; итоги переписных книг для определения размера пашни на рубеже XVII–XVIII вв. охарактеризовал Я.Е. Водарский.

К изучению истории бурлачества на волжском пути во второй половине XVIII — начале XIX в. обратилась Э.Г. Истомина. О союзе рабочего класса и беднейшего крестьянства накануне Октябрьской революции писала Т.В. Осипова. В двух статьях И.Е. Зеленина поднимались вопросы истории советского крестьянства в 1930-е годы и в период Великой Отечественной войны. С.И. Васильева

го Поволжья (г. Йошкар-Ола, 20–21 ноября 2008 г.). Йошкар-Ола, 2009; Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность. Материалы III Всероссийской (XI Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (Ижевск, 17–19 октября 2010 г.). Ижевск, 2010; Хозяйствующие субъекты аграрного сектора России: История, экономика, право. Сборник материалов IV Всероссийской (XII межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Казань, 10–12 октября 2012 г.). Казань, 2012; Российская деревня: социально-экономическая история и современность. Сборник материалов VI Всероссийской (XIV межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Ульяновск, 2016.

рассмотрела некоторые вопросы истории колхозного крестьянства Марийской АССР в 1941–1945 гг.

На современном этапе отметим публикации московских коллег: И.Е. Козновой по проблемам исторической памяти российского крестьянства, А.С. Сенявского об историческом опыте урбанизационного перехода российской деревни XX в.

Знакомство с опубликованными трудами исследователей непосредственно Средневолжского региона позволяет сказать, что на начальном этапе исключительно важную роль в организационном оформлении и публикации материалов конференции сыграла казанская историческая школа. В статье председателя Бюро регионального аграрного объединения М.К. Мухарямова были определены основные задачи историков-аграрников Среднего Поволжья. Вопросы управления Казанским краем, социально-экономического состояния и хозяйственного освоения во второй половине XVI — XVII в. являлись предметом пристального внимания историка Е.П. Ермолаева. Мустафина Д.А. подробно изучила формы землевладения и классовой борьбы в деревне Казанского уезда вышеотмеченного времени. Широкий спектр вопросов об общественном сознании крестьян, национальных аспектах классовой борьбы и просвещения поволжских татар затронул С.Х. Алишев. В трудах И.А. Гилязова немало места было отведено изучению землевладения и землепользования, развитию торговли и общественного сознания татарских крестьян второй половины XVIII в. Состав крестьянского двора в вотчине казанского митрополита XVII в. рассмотрел Ю.Н. Иванов.

Одним из активных организаторов конференций Ю.И. Смыковым были сформулированы некоторые проблемы аграрной истории и культуры средневолжского крестьянства периода капитализма, взаимоотношений крестьянства и земства (в соавторстве с Л.Н. Гончаренко), социально-классовой структуры (в соавторстве с Н.С. Хамитбаевой) населения Казанской губернии в конце XIX в.

Применительно к дореформенному периоду затрагивались такие сюжеты, как численность и социальный состав государственных крестьян конца XVIII — первой трети XIX в. (Р.Р. Хайрутдинова), лашманы Среднего Поволжья (С.И. Даишев), культура сельскохозяйственного производства (Ф.Ф. Нуреева), география государственной деревни (В.С. Хазиахметова), оформление земельных отношений у татарских крестьян Казанской губернии (З.С. Минуллин).

Пореформенный период представлен статьями Н.С. Хамитбаевой по некоторым вопросам социально-экономического развития, хозяйственной конъюнктуры и крестьянского движения; А.Х. Махмутовой — о деятельности земств по развитию начального образования в деревне; С.И. Даишева — о классовой борьбе в татарской деревне и проблематике изучения национального кре-

*А.Г. Иванов,
А.А. Иванов*
История крестьянства и сельского хозяйства России в материалах конференций историков-аграрников Среднего Поволжья (1976–2016 гг.)

стьянства Среднего Поволжья пореформенного периода (в соавторстве с Ю.И. Смыковым).

Значительное место в трудах казанских коллег было отведено средневоложской деревне XX в. События предреволюционных и революционных событий 1917 г. в деревне Среднего Поволжья нашло отражение в статье И.Р. Тагирова о деятельности земельных комитетов; публикациях И.М. Ионенко — о роли общины в образовании и деятельности низовых крестьянских организаций, социальных настроениях крестьянских масс и некоторых вопросах регионального изучения крестьянства; источниковедческих и историографических исследованиях А.А. Сальниковой — о крестьянском движении 1917 г.; в статьях Р.Г. Хайрутдинова — о национальном вопросе в деревне накануне октября 1917 г. и особенностях аграрных преобразований в национальных районах в первые годы советской власти.

Различные аспекты развития средневоложской деревни, главным образом Татарской АССР, в годы коллективизации, периода Великой Отечественной войны, послевоенных лет и последующих пятилеток затрагивались исследователями А.М. Заляловым, Д.М. Исхаковым, Т.И. Славко, Н.А. Федоровой, З.Г. Гариповой, З.С. Пуцковой, З.И. Гильмановым, Т.Т. Каримовым, Г.Л. Файзрахмановым, А.Г. Галямовой, Д.Д. Бакировой и др. Заслуживают внимания наблюдения известных этнографов Е.П. Бусыгина и Г.Р. Столяровой об этнокультурных процессах в средневоложской деревне конца XX в.

Отмечая несомненный вклад казанских историков в аграрную и крестьянскую тематику, с сожалением приходится констатировать, что на современном этапе их участие в конференциях историков-аграрников активизировалось лишь сравнительно недавно, снизилось количество публикаций. Тем не менее недавно изданные статьи Р.В. Шайдуллина, А.Г. Галямовой, А.И. Ногманова, И.Л. Измайлова, А.Ш. Кабировой, Б.И. Сибгатова и других вселяют надежду на приток новых свежих сил.

В рамках проведенных конференций немалый вклад в изучение истории крестьянства Среднего Поволжья, главным образом на материалах Марийского края, внесли исследователи из Йошкар-Олы. На начальном этапе ими было опубликовано немало содержательных статей: историком А.С. Патрушевым (одним из активных организаторов проблемного аграрного объединения) — о судьбах марийского крестьянства начала XX в.; М.И. Терешкиной — о податях и повинностях государственных крестьян Марийского края первой половины XIX в.; В.М. Тарасовой — о положении крепостных крестьян Юринской вотчины Шереметевых в дореформенный период; А.С. Казимовым — о динамике земледельческого производства в Казанской и Вятской губерниях того же времени; К.В. Даниловичем — о крестьянских промыслах края пореформенного периода; А.Н. Чимаевым — о крестьянской промышленности конца

XIX — начала XX в.; А.А. Андреевым — о марийских ясных крестьянах второй половины XVII — начала XVIII в.; А.С. Кузиной — о расслоении национального крестьянства в Марийской автономной области в 1920-е гг.; С.П. Захаровой — о колхозном крестьянстве в послевоенные годы.

Устойчивый интерес к актуальным вопросам крестьяноведения проявляют исследователи Г.Н. Айплатов — о различных формах социального протеста крестьян во второй половине XVI–XVII вв.; А.Г. Иванов — о хозяйстве и положении различных категорий крестьян в XVIII в., взаимосвязях деревни и города Марийского края в конце XVI — начале XX в.; К.Н. Сануков — об этнических и социальных взаимосвязях советского крестьянства и рабочего класса, а также репрессиях, обрушившихся в 1930-е гг. на крестьянство Марийской АССР; С.В. Стариков — об участии крестьян, демобилизованных солдат и социалистических партий в революционных событиях 1917–1918 гг. на территории Среднего Поволжья.

В новейших публикациях по крестьянской и аграрной тематике уверенно заявило о себе новое поколение историков-аграрников Марийской Республики. Среди них следует отметить статьи А.А. Иванова источниковедческого и тематического плана об аграрных преобразованиях и крестьянском хозяйстве доколхозной деревни; И.Ф. Ялтаева — по вопросам коллективизации в Марийской автономной области; О.А. Кошкиной — о сельском хозяйстве Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.; В.И. Рыбалки — о колхозном крестьянстве второй половины XX в.; Г.Н. Кадыковой — о государственных марийских крестьянах первой половины XIX в.; А.А. Соловьева — о вятском крестьянстве в условиях реформ конца XIX — начала XX в.; И.В. Алметевой — по проблемам школьного образования в сельской местности Марийского края в период капитализма; А.А. Филонова — о крестьянском лесопользовании и лесостроительстве.

В той или иной степени крестьянские сюжеты затрагивались в публикациях А.Г. Акшикова, С.М. Васиной, Д.Н. Игошина, С.Н. Исанбаева, Е.П. Кузьмина, А.Г. Ошаева, В.Г. Вострикова и др. Новые сведения о материальной и духовной культуре крестьян представили археологи (А.Г. Архипов, В.С. Патрушев, О.В. Данилов), этнографы (Г.А. Сепеев, Н.С. Попов, О.А. Калинина, Т.Л. Молотова, И.Н. Смирнов), фольклористы (А.Е. Китиков) и др.

Впечатляет большое количество статей по истории крестьянства Мордовии и Среднего Поволжья в целом, опубликованных коллегами из Саранска. Более 80 авторов из числа историков, этнографов, археологов, экономистов, философов в своих публикациях рассматривали самые различные стороны истории, культуры, быта сельского населения. Среди них особо весомый вклад в разработку крестьянской и аграрной проблематики внесли и вносят историки В.А. Юрченков, Н.В. Заварухин, А.В. Клеянкин, М.В. Дорож-

*А.Г. Иванов,
А.А. Иванов*
История крестьянства и сельского хозяйства России в материалах конференций историков-аграрников Среднего Поволжья (1976–2016 гг.)

кин, И.И. Фирстов, Н.В. Полин, В.К. Абрамов, В.М. Арсентьев, О.С. Марискин, Г.А. Куршева, Э.Д. Богатырев, Т.Д. Надькин, а также их ученики и последователи. Нельзя не отметить содержание статей мордовских этнографов Н.Ф. Мокшина, Л.И. Никоновой и других исследователей.

Свыше семидесяти исследователей, историков, этнографов, социологов из Чувашии опубликовали свои статьи в сборниках конференций. Глубокие и содержательные изыскания были представлены в трудах историков-аграрников В.Д. Димитриева — одного из основоположников чувашского крестьяноведения, Г.А. Николаева, Е.П. Погодина, В.С. Григорьева, И.Е. Ильина, В.Г. Харитоновой, В.В. Орлова, Е.В. Касимова, О.Г. Вязовой, С.Н. Кодыбайкина, Д.В. Басманцева и др. Аграрную и крестьянскую тематику на материалах Чувашии и соседних регионов в рамках своих научных интересов рассматривали исследователи Ю.П. Смирнов, И.И. Бойко, В.В. Андреев, А.В. Арсентьева, И.И. Демидова, Е.М. Михайлова, С.Ю. Михайлова, Е.К. Минеева, О.Н. Широков, В.Д. Данилов и многие другие. Отдельные сюжеты крестьянской тематики затрагивались этнографами В.П. Ивановым, Л.А. Таймасовым, Н.П. Денисовой, Н.А. Петровым и другими авторами.

На современном этапе устойчивый прирост авторов, опубликовавших свои статьи в материалах конференций, демонстрируют удмуртские коллеги из Ижевска. Значителен вклад в историко-аграрную тематику М.В. Гришкиной, Н.П. Лигенко, Г.И. Обуховой, Б.Г. Плющевского и других преимущественно по истории именно удмуртской деревни. Материальная и духовная культура удмуртов стала предметом изучения этнографов А.Е. Загребина и Г.А. Никитиной.

Опыт проведенных конференций свидетельствует, что сегодня, как и ранее, сильные позиции занимают историки-аграрники из Самары. Впервые поставленные и изученные многочисленные проблемы аграрно-крестьянской тематики, нашедшие отражение в трудах Е.И. Медведева, П.С. Кабытова, Н.Н. Кабытовой, Ю.Н. Смирнова, Г.М. Артамоновой, Е.П. Бариновой, Э.Л. Дубмана, Ф.А. Каревского, Н.А. Штанова и др., позволили по-новому осмыслить судьбы крестьянства и сельского хозяйства Самарского края (Южного Средневолжья) в XVI–XX вв.

Помимо названных авторов и публикаций заметное место в сборниках конференций историков-аграрников Среднего Поволжья занимают статьи исследователей большинства поволжских городов, не отмеченных ранее, а также других регионов России: А.В. Седова, Ю.А. Перчикова, В.И. Белоуса, Н.Н. Толстовой, Г.С. Широкаловой (Горький–Нижний Новгород), Д.С. Точеного, М.Д. Точеного, И.А. Чуканова, Л.А. Шайпака, Р.А. Мухамедова (Ульяновск), В.В. Кондрашина (Пенза), Г.А. Герасименко (Саратов), О.А. Безгиной (Тольятти), Н.М. Александрова (Ярославль), В.А. Полякова, А.В. Полякова (Волгоград), А.А. Славко, Т.И. Славко

(Тверь), М.С. Черкасовой (Вологда), А.К. Гагиевой (Сыктывкар), Л.Н. Мазур (Екатеринбург), М.И. Роднова (Уфа), Д.А. Сафонова, Е.В. Пахомовой (Оренбург), С.А. Есикова (Тамбов), В.Н. Томилина, А.Н. Долгих (Липецк), П.В. Акульшина (Рязань), Н.В. Трошина, С.А. Ефимовой (Владимир), И.В. Чемоданова (Киров), что свидетельствует о постоянном расширении круга участников конференций и тематики публикуемых статей.

Таким образом, самый общий обзор статей, опубликованных в материалах 14 конференций историков-аграрников Среднего Поволжья за истекшее сорокалетие, свидетельствует о том, что историками, архивистами, этнографами, социологами и другими специалистами проделана значительная работа по изучению крестьянства и сельского хозяйства поволжских республик и областей, а также и других регионов; тем самым внесен весомый вклад в воссоздание объективной картины исторического облика многонационального российского крестьянства. Остается надеяться, что дальнейшая работа конференций историков-аграрников Среднего Поволжья в этом направлении с уже устоявшейся периодичностью в два года будет продолжена, а многие уже обозначенные, как и неисследованные, проблемы истории деревни подвергнутся дальнейшему углубленному изучению.

*А.Г. Иванов,
А.А. Иванов*
История крестьянства и сельского хозяйства России в материалах конференций историков-аграрников Среднего Поволжья (1976–2016 гг.)

History of peasantry and agriculture in Russia according to the presentations of agrarian historians of the Middle Volga (1976–2016)

Ivanov Ananiy, DSc (History), Head of Russian History Chair, Mari State University, 42400, Republic of Mari El, Yoshkar-Ola, Lenina Sq., 1. E-mail: anani@marsu.ru.

Ivanov Alexey, DSc (History), Professor, Russian History Chair, Mari State University, 42400, Republic of Mari El, Yoshkar-Ola, Lenina Sq., 1. E-mail: anani@marsu.ru.

Оценка или действие? Безальтернативный выбор для аграрных исследований

И.В. Троцук

Ирина Владимировна Троцук, доктор социологических наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119571, Москва, просп. Вернадского, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-3-200-207

На протяжении десятилетий в российских и зарубежных публикациях, а также на многочисленных конференциях самых разных масштабов постоянно возникают споры о том, насколько активен должен быть исследователь с точки зрения воздействия на объект собственного интереса. Подобные дискуссии принимают разные форматы с точки зрения своей тональности (опубликовано немало академических текстов о публичной науке, ученом-активисте и пр.), аргументации (как правило, сторонники акционистских версий научной деятельности обосновывают необходимость расширения функций науки) и состава участников: иногда вопросы о том, зачем вообще проводятся социологические опросы или полевые наблюдения, задают сами респонденты/информанты, не видящие в будущем никаких перспектив ни для себя лично, ни для своего поселения; бывает, что соответствующие вопросы скандальной тональности задаются на научных мероприятиях, когда, например, от докладчика о масштабах очаговой депопуляции на сельских территориях требуют рассказать, что лично он сделал для того, чтобы спасти российское село, и т. д.

В российской аграрной науке (в широком смысле этого слова, т. е. в любых оценках сельского хозяйства и сельской повседневности) вопрос о том, где проходит граница между исследователем/ученым и (общественным/политическим) активистом, по крайней мере, пока решен (имплицитно и однозначно): это две совершенно разные роли, и даже если исследователь принимает участие в деятельности общественных движений или некоммерческих организаций, то в рамках научной работы он должен уметь дистанцироваться от личных взглядов и объективно описать наблюдаемые реалии. Однако подобное жесткое разведение ролей исследователя и активиста перестало быть общепринятым правилом, свидетель-

ство чему — прошедшая 24–26 апреля 2017 года в Витория-Гастейс (Страна Басков, Испания) международная конференция «Будущее продовольствия и проблемы сельского хозяйства в XXI веке» (The Future of Food and Challenges for Agriculture in the 21st Century), основными организаторами которой выступили Институт международных исследований (Гаага, Нидерланды) в формате своего постоянного международного коллоквиума «Критические аграрные исследования» (Critical Agrarian Studies) и международного сообщества аграрных ученых и активистов «Инициативы в рамках критических аграрных исследований» (Initiatives in Critical Agrarian Studies), а также «Этхалде» (Etxalde), испанская некоммерческая организация, оказывающая все виды поддержки сельским сообществам и мелким сельхозпроизводителям в Стране Басков и сотрудничающая с международным движением «Виа Кампесина» (La Via Campesina — Крестьянский путь) и «Амигос де ля Тьера» (Amigos de la Tierra — Друзья земли).

Принципиальная особенность конференции состояла в том, что в ней на равных с учеными/исследователями выступали представители сельских сообществ и общественных движений из самых разных уголков мира (в программу конференции вошло 107 докладов представителей более чем 30 стран, но на самом деле выступлений и докладчиков было существенно больше, потому что не во всех круглых столах были обозначены выступающие и тематики их докладов). Официальная часть конференции заняла три дня, но, помимо общих мероприятий, проводились консультации сельских активистов и встречи издательских групп из разных стран, публикующих научную и справочную литературу по аграрным и сельским вопросам. В первый день конференции, 24 апреля, большинство ее участников совершили ознакомительную поездку в винодельческое хозяйство (кооперативное производство нескольких семей) недалеко от города Витория-Гастейс. Его владельцы (несколько семей, которые не только выращивают виноград и производят несколько сортов красного и белого вина, но и сами занимаются его распространением, не прибегая к услугам розничных сетей) рассказали о проблемах виноделия в Стране Басков и Испании в целом (отсутствие дождей, трудности с сертификацией продукции, налаживанием постоянного сбыта и пр.), об особенностях производства вин в своем географическом районе (носящем название Риоха) и сложностях ведения частного бизнеса в Испании в связи с международной конкуренцией, усилением позиций транснациональных корпораций, требованиями Евросоюза, аграрной политикой собственной страны и т. д. Фактически поездка стала хорошим «погружением» в сельскую проблематику перед последовавшей за ней конференцией, открытие которой состоялось вечером того же дня и на уровне своих ключевых докладчиков сочтало представителей академического сообщества и сельских активистов: от лица последних выступил фермер, который настолько

погрузился в дело защиты интересов испанских мелких и средних производителей, что эта деятельность стала для него приоритетной, оттеснив на второй план собственное сельскохозяйственное производство.

На каждой пленарной сессии и практически на каждой секции слово предоставлялось представителям некоммерческих организаций и общественных движений, защищающих интересы крестьянства (мелких и/или средних сельхозпроизводителей — в зависимости от ситуации в конкретной стране), поскольку принципиальная позиция организаторов конференции состояла в том, что необходимо налаживать и поддерживать тесное сотрудничество аграрных ученых и сельских активистов. Другой особенностью конференции стало то, что все ее участники (включая выдающихся ученых, выступавших на пленарных сессиях, — Гарриет Фридман из Университета Торонто, Раджа Пателя из Университета Техаса, Дзодзи Цикату из Института африканских исследований Университета Ганы, Рауля Дельгадо Вайса из Университета Сакатекаса, Аннет Десмарэ из Университета Манитобы, Йен Хайронг из Гонконгского политехнического университета и др.), отбор которых осуществлялся по критерию одобрения присланных ими тезисов, должны были представить небольшой текст своего выступления до начала конференции, чтобы не повторять его дословно на пленарных сессиях или секциях, а лишь кратко напомнить слушателям, которые уже ознакомились с докладом, его основные тезисы. Подобный подход, как и задумывали организаторы конференции, предоставил значительно больше времени для дискуссий и вопросов-ответов, чем традиционный формат конференций с долгими докладами, поскольку именно такое живое общение представителей разных стран по ключевым для современного сельского хозяйства и аграрного развития вопросам было основной целью конференции.

Ее второй день начался с кратких приветственных выступлений мэра города Витория-Гастейс, директора сельского и прибрежного развития и европейской политики департамента экономического развития и инфраструктуры Баскского правительства, главы Института девелопментализма (Суссекс, Великобритания) и руководителя испанской некоммерческой организации «Этхалде». За ними последовала пленарная сессия «Капитализм и классы: потоки капитала, товаров и людей в сельском хозяйстве, животноводстве и рыболовстве», несколько параллельных секций и заключительная пленарная сессия этого дня «Доступ, контроль и использование природных ресурсов в контексте климатических изменений». Следует уточнить, что параллельные секции различались по формату: собственно секции, по каждой из которых в программе конференции была прописана последовательность выступлений и точные названия докладов, и круглые столы — для них был обозначен лишь список основных участников и проблемное поле дискуссии, но не конкретные выступления. Так, между двумя пленарными

сессиями, формат которых также напоминал скорее круглый стол, чем традиционные выступления именитых докладчиков с несколькими вопросами к ним из аудитории (докладчики лишь напоминали основные тезисы своих выступлений аудитории, которая предварительно с ними уже ознакомилась, а затем отвечали на вопросы модератора сессии, друг друга и слушателей), состоялось пятнадцать секционных заседаний, из них три — в формате круглых столов: «Возможен ли союз ученых и активистов в рыболовстве?» (обсуждались возможные формы взаимодействия критически и политико-экономически настроенных исследователей с рыбаками и их объединениями в деле борьбы с капиталистическим и варварским разграблением ресурсов Мирового океана); «Локальные форматы продовольственной политики» (оценивались возможности локальных хозяйственных и потребительских практик обеспечивать продовольственный суверенитет страны с точки зрения достаточного количества и высокого качества продуктов питания для городского и сельского населения); и «Поиск причин продовольственных и экологических кризисов» (в качестве таковых рассматривались прежде всего структурные дисбалансы международной торговли и инвестиционных моделей, которые усугубляют международное разделение труда посредством оказываемого им давления на целые страны и ущемления прав целых народов в угоду интересам транснациональных корпораций).

Остальные секции второго дня конференции были посвящены следующим вопросам:

- «Проблемы продовольственной безопасности на Ближнем Востоке и в Северной Африке»: концептуализация права на продовольственный суверенитет в данных регионах, его специфика в рамках общих проблем аграрных трансформаций и социально-экологических угроз; доступность и надежность статистической и эмпирической информации по данным вопросам в регионах, для которых до сих пор актуальны проблемы прекращения военных конфликтов, преодоления голода, размещения и помощи беженцам, в частности в Йемене, Сирии, Египте и Ливане.
- «Проблемы урбанизации, сельских поселений и территорий»: взаимодействие города и новых типов крестьян в целях агро-экологического симбиоза и обеспечения занятости и продовольственного суверенитета;
- «Транснациональная продовольственная и аграрная политика»: либерализация сельскохозяйственной торговли в рамках ВТО; влияние международного законодательства на агропромышленный комплекс отдельных стран и целых регионов — Евросоюза, глобального Юга, Латинской Америки, стран к югу от Сахары и др.; проблемы продовольственной безопасности в контексте становления глобального рынка продовольствия;
- «Латинская Америка: политический и монокультурный ландшафт»: аграрная политическая экономия и левые правительства

И.В. Троцук

Оценка или действие?

Безальтернативный выбор для аграрных исследований

в регионе; агробизнес, крестьянское сопротивление и пределы неорудопментализма; продовольственные системы Центральной Америки;

- «Доступ населения к земле и воде и контроль этих ресурсов в Южной и Восточной Азии» (процессы индустриализации, формальные и теневые институты);
- «Коммерциализация, рынки и агроэкология»: социально-экономическая оценка рынков фермерами, восприятие потребления производителями сельхозпродукции, модели «справедливой торговли и справедливого потребления», влияние идей экономической солидаризации и продовольственного суверенитета на локальное развитие, форматы агроэкологической коммерциализации в разных регионах мира и ее гендерное измерение;
- «Общее достояние, доступ и контроль»: традиционные и новые форматы совместной сельскохозяйственной деятельности в разных регионах мира — общий выпас скота, разведение рыбы, борьба с лесными пожарами, ирригация и пр.; агроэкологические возможности общественных продовольственных и хозяйственных практик;
- «Продовольственная безопасность: городское и потребительское измерение»: гендерные особенности агропродовольственных практик и сельско-городского сотрудничества в обеспечении продовольственной безопасности, городские продовольственные программы и т. д.;
- «Мелкие фермеры, крупные проекты и накопление капитала»: разные форматы выживания мелких сельхозпроизводителей в сложных социально-экономических условиях капиталистической эксплуатации сельского хозяйства — создание некоммерческих организаций по защите прав фермеров, развитие сельского туризма, рационализация классовой динамики в трудовой сфере и производстве продовольствия, сочетание разных рыночных ниш в переориентации собственного хозяйства;
- «Концептуальные и аграрные вопросы»: историческая оценка эпистемологических сдвигов в трактовке аграрного вопроса и продовольственной безопасности; сравнительный анализ капиталистической системы, роли государства и «крестьянской» классовой динамики в разных странах и т. д.;
- «Государственная политика по обеспечению продовольственного суверенитета» (локальное, территориальное, сельско-городское и рыночное «измерения» усилий государства);
- «Агроэкология, продовольственная безопасность и альтернативы»: сопротивление общественным трансформациям как причина формирования мощных аграрных/крестьянских движений в духе аграрного неоллиберализма, требование продовольственного суверенитета как обоснованное недовольство неэффективностью доминирующих моделей сельскохозяйственного производства и т. д.

Третий, завершающий, день конференции прошел в том же формате: после утренней пленарной сессии «Урбанизация, миграция, потребление, здравоохранение, качество продуктов и право на продовольствие» участники конференции разошлись по параллельным секциям, а вечером состоялась завершающая пленарная сессия «Движение за продовольственную независимость и будущее сотрудничество в контексте климатических изменений». Между двумя пленарными сессиями состоялось четырнадцать секционных заседаний, из них семь — в формате круглых столов:

- «Новые инструменты контроля и доступа к традиционному агроэкологическому знанию»: это знание позиционируется как «общее благо», поэтому возникает необходимость обучения сельхозпроизводителей новым, электронным форматам его накопления и распространения, чтобы все они имели возможность принимать самостоятельные и обоснованные решения о том, что именно они хотят выращивать, кому и на каких условиях предоставлять свою продукцию;
- «Достойный труд в глобальной агропродовольственной системе: междисциплинарный подход»: речь шла о недостаточности только экономических усовершенствований, поскольку необходимы социальные инициативы и нововведения, призванные смягчить, если не устранить полностью, властную асимметрию в разных политических плоскостях и отсутствие у сельхозпроизводителей необходимых навыков для взаимодействия и противостояния все возрастающим требованиям глобальных продовольственных сетей;
- «Роль образования в обеспечении продовольственного суверенитета»: оценка возможностей разных образовательных форматов — обучающих курсов, общественных инициатив, некоммерческих организаций, научно-исследовательских коллективов, университетов и т. д. — в удовлетворении запросов крестьянских движений и поддержке поколенческого воспроизводства сельхозпроизводителей, обеспечивающих продовольственную безопасность в локальном и региональном контексте;
- «Что значит быть крестьянином в нынешней Европе?»: глобализирующийся мир предъявляет все новые требования к ритму крестьянской жизни и землепользованию, что заставляет задуматься о том, насколько сегодня можно использовать традиционные «индикаторы» крестьянства для идентификации конкретного сельхозпроизводителя в данном качестве;
- «Роль Японии в глобальной продовольственной системе» (вопрос стал актуален вследствие ориентации Японии с 2009 года на активные инвестиции в агропроизводство за пределами страны);
- «Оптика различия: гендерные акценты в борьбе за продовольственный суверенитет» (характеристика властных отношений и тех факторов, которые обуславливают дискриминацию и не-

равенство разных сообществ — крестьян, производителей продуктов питания, сельских и городских жителей);

- «От корпоративного сельскохозяйственного ценообразования до территориально закрепленных рынков» (разработка рекомендаций для облегчения выхода мелких товаропроизводителей на рынки, налаживания устойчивых связей между сельхозпроизводителями и потребителями, сельскими и городскими территориями и т. д.).

Остальные секционные заседания в заключительный день конференции были посвящены следующим вопросам:

- «Корпорации, финансы и агропродовольственный сектор»: новые технологии и корпоративные инвестиции в сельское хозяйство, формирование периферийного финансового капитала и его влияние на производство продовольствия, появление на карте мира новых лидеров агробизнеса и т. д.;
- «Продовольственная безопасность и сопротивление»: политический капитал движений за социальную справедливость, сохранение природных ресурсов и снижение климатических рисков; теоретические модели и практические стратегии обеспечения продовольственной безопасности «снизу» и «сверху»;
- «Потребление и локальные продовольственные системы»: устойчивые местные и территориальные способы производства и потребления продовольствия с учетом их гендерного измерения и в контексте формирования региональных агроэкологических стратегий;
- «Захват земли, доступ к ней и контроль»: структура земельной собственности в разных странах как способствующая или, наоборот, препятствующая концентрации земли и ее захвату агрокорпорациями; формы сопротивления мелких хозяйств и сельских сообществ захвату земли крупными/капиталистическими сельхозпроизводителями;
- «Политическое образование как необходимость в нынешней продовольственной системе» (традиционные агрономические знания и агроэкологические практики, крестьянские школы и некоммерческие организации);
- «Климатические изменения и захват ресурсов»: международные инструменты урегулирования сложных конфликтов относительно природных ресурсов, прежде всего земли и прибрежных полос; понятие экологической справедливости в земельных и ресурсных спорах и т. д.;
- «Официальный дискурс о продовольственной безопасности и реальные практики ее обеспечения»: различие государственных и обыденных трактовок продовольственной безопасности в разных странах, в том числе с учетом экологической проблематики, климатических изменений и экономических кризисов;
- «Новое крестьянство: нужна ли новая парадигма в крестьяноведении?» (традиционные и «особые» крестьяне/фермеры, процес-

сы раскрестьянивания и реокрестьянивания в разных регионах мира, моральная экономика сельскохозяйственного труда вчера, сегодня и завтра).

13–16 октября 2017 года международная конференция по аналогичной проблематике — «Новый экстрактивизм, крестьянство и социальная динамика: критическая оценка и форматы дискуссий» (New Extractivism, Peasantries and Social Dynamics: Critical Perspectives and Debates) — при поддержке Института международных исследований (Гаага, Нидерланды) и международного сообщества аграрных ученых и активистов «Инициативы в рамках критических аграрных исследований» пройдет на базе Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Москва). Безусловно, повторить детальную и развернутую тематическую структуру конференции в Витории-Гастейс, особенно учитывая ее масштабы и степень вовлеченности в работу этого научного мероприятия активистов из множества стран мира, в рамках московской конференции не удастся, однако попытки воспроизвести формат испанской конференции в российских условиях были бы нецелесообразны, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, не только в сельских районах и аграрной отрасли, но и в целом в российском обществе слишком слабы и малочисленны проявления общественной инициативы, кооперации и коллективного действия, а потому задача привлечения к научному мероприятию по аграрной проблематике сельских активистов просто нерешаема. Во-вторых, российская наука трепетно и бережно (хотя и не всегда) относится к фундаментальным, теоретическим и историческим исследованиям, склонна к критической саморефлексии и анализу «работоспособности» своих методологических оснований. Соответственно, российская конференция неизбежно окажется более тематически узкой по причине объективных «пробелов» в разных форматах низового коллективного активизма, но в то же время более тематически широкой в том, что касается проработки категориального аппарата аграрных исследований, реконструкции исторической эволюции теоретических и политико-экономических моделей решения аграрного вопроса, а также критического анализа нынешнего научного и официального дискурса применительно к деятельности агропромышленного комплекса и сельской жизни в целом.

И.В. Троцук

Оценка или действие?

Безальтернативный выбор для аграрных исследований

Evaluation or action? The only choice for agrarian studies

Trotsuk Irina, DSc (Sociology), Associate Professor, Sociology Chair, RUDN University; Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru.

Крестьяноведение

2017. Том 2. № 3

Учредитель: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

119571, Москва, пр-т Вернадского, 84, корп. 9, оф. 2003
Редакция журнала «Крестьяноведение»
<http://peasantstudies.ru>
E-mail: harmina@yandex.ru

Подписано в печать 29.09.2017. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 14,7. Заказ № 1236.
Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии РАНХиГС

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru

ISSN 2500-1809

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ